Министерство внутренних дел Российской Федерации

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова»**

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Сборник статей

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2018**

УДК 343.13+343.98+343.2
ББК 67.99(2)93+67.99(2)94+67.99(2)8
О–13

Редакционная коллегия:
А.В. Булыжкин (председатель);
В.Н. Чаплыгина, А.Н. Сретенцев,
В.Ф. Васюков (ответственный секретарь)

О–13 **Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов дознания и предварительного следствия : сборник статей** / редкол.: А.В. Булыжкин [и др.]. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. – 321 с.
ISBN 978-5-88872-212-1

Сборник статей составлен по материалам выступлений участников межведомственного круглого стола «Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов дознания и предварительного следствия» (27 октября 2017 г.) и всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование предварительного расследования в Российской Федерации: традиции и современность» (5 декабря 2017 г.).

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание и достоверность сведений несут авторы.

УДК 343.13+343.98+343.2
ББК 67.99(2)93+67.99(2)94+67.99(2)8

ISBN 978-5-88872-212-1 **© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018**

СОДЕРЖАНИЕ

Абдурагимова Т.И. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ……..... 7
Асанов Р.Ш. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ ПРИ ВЫЗОВЕ В ОРГАНЫ СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ……...……. 11
Бадиков Д.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРИ ДТП, СВЯЗАННЫХ С НАЕЗДОМ НА ПЕШЕХОДА…….……... 16
Блинова Е.В. СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПО МАТЕРИАЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ, РАСПРОСТРАНЯЕМЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ...…… 20
Булыжкин А.В., Чаплыгина В.Н. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ……..…… 25
Быков А.И. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ……...… 31
Вахмянина Н.Б. ПОИСК ДОКУМЕНТОВ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О НЕВЫПЛАТЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ…….. 34
Вдовцев П.В., Каркошко Ю.С. К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАЛОГА ……..… 37
Вехов В.Б. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ «ЭЛЕКТРОННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ»……. 41
Галкина У.В. ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ХИЩЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ОТ ЕГО УГОНА…… 49
Головчанский А.В. ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ…….…… 54
Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. ПРИЧИНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЖАРГОНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ……..…… 65
Дёмин К.Е. О ТАКТИКЕ ПОЛУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТАХ И ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ ДАННЫХ ……. 69
Ермакова А.Л., Чаплыгина В.Н. СТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ…….…… 75
Дронова О.Б. СИСТЕМА ПРАВОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К ОБОРОТУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ…... 79

Ефименко А.В., Гаврилин С.А. СОБИРАНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ….…..… 84
Журавлева К.А., Прокофьева Е.В. ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ОТ ОЦИФРОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СТРЕЛЯНЫХ ГИЛЬЗ…… 96
Зайцева Е.А. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН № 73-ФЗ ОТ 7 АПРЕЛЯ 2017 Г.: РАСШИРЕНИЕ ГАРАНТИЙ БЕСПРЕПЯТСТВЕННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?..... 103
Зотов А.Ю. О РОЛИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ РУКОВОДСТВЕ И КОНТРОЛЕ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ..... 109
Иванов Д.А. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ДОЗНАВАТЕЛЯ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ)..... 115
Ильин Н.Н. ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ…….. 119
Ильюк Е.В. ХАРИЗМА РУКОВОДИТЕЛЯ И НАУКА УПРАВЛЯТЬ (ОБ УПРАВЛЕНИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ)……... 124
Казаков А.А. К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОСВЯЩЕННОГО ПРОБЛЕМАМ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 165 УПК РФ……..…….. 128
Калюжный А.Н. ПРОБЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ..…. 132
Кириченко Ю.Н. СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……. 136
Клевцов В.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……. 141
Клевцов В.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ С ИНОСТРАННЫМИ СЛУШАТЕЛЯМИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «КРИМИНАЛИСТИКА»…….. 146
Климова Я.А. РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА…… 150
Колычева А.Н. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ, ИМЕЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАМКАХ ОСМОТРА ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ……... 161
Лапшин В.Е., Кузьменко Е.С. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ…….…… 166
Лукьянчикова С.А. ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕТОД ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ…… 171

Малышева Н.А., Васюков В.Ф. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 2 СТ. 272 УК РФ……..... 174
Макаренко М.М. БОРЬБА С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ: МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ……. 180
Меняйло Д.В., Семенюк А.Н. ПРАВО ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ……..... 185
Митрофанова О.А., Панферов Р.Г. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ..……... 190
Митрофанова О.А., Панферов Р.Г. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЙСТВИЯМИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……..……... 196
Митькова Ю.С. ПИСЬМЕННОЕ УКАЗАНИЕ ПРОКУРОРА О НАПРАВЛЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ……..... 199
Мишенина А.А., Родионова Ю.В. О РАЗВИТИИ, РЕАЛИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА…….. 206
Морозова Н.В. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ…… 211
Морозова Н.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ……..…… 215
Муллахметова Н.Е. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКА ДАВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ……..... 221
Павлов Д.В., Гаврилова О.В. ВОПРОСЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «МАЛОЛЕТНЕЕ ЛИЦО» В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА…… 226
Петрова Т.Н. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……..... 232
Политыко О.Е. ГРАНИЦЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ К ПОДОЗРЕВАЕМОМУ……..…… 237
Потапова М.И. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ПРОИЗВОДСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ... 242

Проваторова К.В. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ОБЩИЕ УСЛОВИЯ» И «ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»……. 248
Расулова Н.С., Журавлева Н.М. ПРЕДМЕТ И ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ……..…….. 255
Семенов Е.А. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ЗНАНИЯМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ…….. 259
Свежинцев Е.И. К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ…….……. 264
Скобелин С. Ю., Денисов Е. А. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОБЪЕКТ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА…...……...….. 270
Смагин П.Г. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕРВИСОВ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……... 274
Смыр А.Д. СТ. 25.1 УПК РФ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОВОГО ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ……... 278
Сретенцев Д.Н., **Медведева А.А.** ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ……...…….. 284
Страунинг Ю.А. К ВОПРОСУ О РАССЛЕДОВАНИИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ……..... 287
Трифонова К.А. К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ……. 290
Файзрахманов Н.Ф. СОБЛЮДЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ…….……. 294
Хлус А.М. МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ («ОТМЫВАНИЯ») СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ……. 300
Хмыз А.И., Кольцова А.В. К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ГИПНОТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИСПОЛНИТЕЛЯ РУКОПИСНОЙ ЗАПИСИ (ПОДПИСИ) ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ….…… 307
Шалыгина А.В., Панферов Р.Г. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ…….……. 313
Шеметов А. К. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ…… 317

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Абдурагимова Татьяна Иосифовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры ТКОЭИ УНК СЭ,
Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье автор рассматривает типичные ошибки и недостатки при назначении судебных экспертиз в ходе раскрытия и расследования преступлений, предлагает меры по их устранению путем внесения изменений в УПК РФ.

В соответствии с порядком предусмотренным ст. 195 УПК РФ [1] признав необходимым назначение судебной экспертизы при расследовании уголовного дела, дознаватель или следователь обращаются к специалистам, обладающим специальными познаниями в науке, искусстве, технике и ремесле для получения заключения эксперта по тем или иным вопросам.

В соответствии с нынешней редакцией данной статьи гипотетически такое обращение может предполагать установление любого факта, который не относиться к юриспруденции, т.е. не касается вопросов квалификации преступления.

Современный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не предполагает каких-либо ограничений таких обращений. Это приводит к тому, что указанными должностными лицами часто назначаются различные экспертизы без достаточного на то основания. К примеру, можно вспомнить множество случаев назначения трасологической экспертизы, на разрешение которой ставится всего лишь один вопрос: «Пригодны ли изъятые с места происшествия следы обуви для идентификации?». Также часто назначается и дактилоскопическая экспертиза, на разрешение которой ставится единственная задача – установить пригодность для дальнейшей идентификации изъятых при осмотре следов пальцев рук. Очевидно, что при отсутствии образцов для сравнительного исследования, никакой нужды в производстве данных экспертиз нет, а в случае получения в дальнейшем этих образцов и предоставлении их на экспертизу, вопрос о пригодности или непригодности следов будет решен экспертом в любом случае. Причём, часто подобные вопросы ставятся перед экспертом

еще до возбуждения уголовного дела, поэтому даже поставить изъятые следы на регистрационный учет следов изъятых с мест нераскрытых преступлений эксперт не может, так как постановка на учет осуществляется по номеру уголовного дела после его возбуждения. И таких примеров необоснованного, «для галочки», назначения экспертиз множество [2]. Подобная практика, во-первых, приводит к существенной загруженности экспертов, во-вторых, увеличиваются расходы со стороны государства на производство экспертных исследований, а в-третьих, это приводит к увеличению сроков расследования уголовных дел и накоплению количества уголовных дел в производстве у следователя или дознавателя. Все это в том числе снижает качество предварительного расследования и эффективность деятельности правоохранительных органов по привлечению виновных к уголовной ответственности.

Тут можно указать, что некоторые подозреваемые, обвиняемые и их представители желая затянуть сроки предварительного расследования или судебного рассмотрения уголовного дела, ходатайствуют о проведении первичных, повторных и дополнительных экспертиз по малейшим поводам. Отказ же в удовлетворении ходатайства о проведении судебной экспертизы активно используется, в том числе, и для апеллирования к нарушению права на защиту, т.к. отказ обосновывается исключительно исходя из субъективной оценки ее необходимости лицом, осуществляющим предварительное расследование или рассмотрение дела в суде.

К сожалению, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [3] не решает проблем с основаниями и пределами назначения судебных экспертиз. Там не разъясняется, в каких случаях можно отказать или отказаться от проведения экспертизы.

Как нам представляется, ситуация с необоснованным назначением экспертных исследований будет в дальнейшем только усугубляться в силу того, что в настоящее время происходит активное развитие науки и техники. Они не только используются для совершения преступлений [4], но входят в нашу жизнь, используются широким кругом лиц, для решения различных повседневных задач. Многие факты, которые раньше были известны только специалистам в сфере информационных технологий, становятся общеизвестными [5].

Следует сделать вывод, что регламентация, предусмотренная статьей 195 УПК РФ, нуждается в дополнении путем установления рамок проявления воли следователя, дознавателя или иных участни-

ков уголовного судопроизводства при принятии решении о назначении экспертизы.

В качестве первого необходимого ограничения воли можно рассмотреть положение, содержащееся в части 1 статьи 61 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ), где в качестве одной из разновидности фактов, не требующих доказывания, являются общеизвестные факты. Данная идея для уголовного процесса не нова. Уже достаточно давно об этом говорят ученые-процессуалисты [6]. На наш взгляд, это нуждается в реализации в перспективе развития уголовно-процессуального законодательства.

В качестве следующего важного ограничения может выступать категория обоснованности производства экспертизы. Предварительное расследование по уголовному делу предполагает установление обстоятельств, указанных в пунктах 1-8 части 1 статьи 73 УПК РФ. Следовательно, производство экспертиз должно осуществляться исключительно для доказывания указанных обстоятельств. Однако следователь или лицо, производящее дознание, не всегда четко понимают значимость экспертных исследований для предмета доказывания, поэтому назначают экспертизы сверх необходимости. Кроме того, при опросе экспертов нами было установлено, что, несмотря на наличие обязанности, согласно пункту 1 части 1 статьи 195 УПК РФ у лица, назначающего экспертизу, указать основание данного назначения, в основном это делается формально, без четкого разъяснения для чего назначается экспертиза. Исходя из этого, экспертам бывает сложно определить на каких моментах исследования акцентировать большее внимание. Это ведет к увеличению длительности проведения исследования и количества дополнительных экспертиз. Также при опросе экспертов-криминалистов нами установлено, что по-прежнему типичной ошибкой при назначении экспертных исследований является постановка перед экспертом правовых вопросов. Например, таких как: «Умышленно или нет, были внесены изменения в конструкцию газового оружия при переделке его в боевое оружие» и др.

Для решения данной проблемы следовало бы нормативно обязать указанных лиц более четко формулировать основание для производства экспертизы и более конкретно указывать какое обстоятельство предполагается установить и (или) доказать данной экспертизой.

Следующим важным направлением развития уголовно-процессуального законодательства в рамках ограничения воли лица, назначающего судебную экспертизу, является возможность проверки фактов без ее назначения. Например, нужно ли назначать экспертизу для проверки того светятся ли в темноте часы или нет и другие такого

рода вопросы, которые могут быть установлены, например, в рамках следственного эксперимента. Безусловно, недопустимо проводить такую проверку при наличии угрозы жизни, здоровью и другим правам, а также интересам граждан.

Еще одним из направлений внесения изменений в УПК РФ может быть установление ограничений на назначение судебной экспертизы при отсутствии оспаривания, если доказываемые факты не ставятся под сомнение со стороны других участников уголовного судопроизводства. Действительно, наше уголовно-процессуальное законодательство стремиться упростить рассмотрение уголовного дела при отсутствии противодействия со стороны виновного в совершении преступления. Так, главой 40 УПК предусмотрен особый порядок судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Данный порядок существенным образом сокращает сроки и затраты на проведения разбирательства по уголовному делу. Для закрепления согласие на признание факта также должно оформляться соответствующим протоколом.

Исходя из изложенного, хотелось бы предложить некоторые изменения уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, сформулировать пункт 1 части 1 статьи 195 УПК РФ в следующей редакции: основание назначения экспертизы, с указанием обстоятельства, предусмотренного пунктами 1-8 части 1 статьи 73 УПК РФ, которое предполагается установить и (или) доказать данной экспертизой.

Во-вторых, ввести в УПК РФ статью 73.1 «Основания для освобождения от доказывания» следующего содержания:

«Не должны путем назначения экспертизы устанавливаться следующие факты:

1. Общеизвестные факты;

2. Факты, достоверность которых может быть проверена следователем, дознавателем, судом или иными участниками уголовного судопроизводства лично в рамках производства следственных и судебных действий;

3. Факты, достоверность которых не оспаривается и не ставится под сомнение участниками судопроизводства (оформляется соответствующим протоколом)».

Эти положения, безусловно, являются дискуссионными. Однако нам представляется важным обсудить их в целях дальнейшего совершенствования уголовного судопроизводства.

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017, с изм. от 11.05.2017 на http://www.consultant.ru дата обращения 24.05.2017

2. См., например: Абдурагимова Т.И. К вопросу о назначении судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. В сборнике: Интерполитех-2016 Маетриалы XX Международной юбилейной выставки «Интерполитех-2016». Общая редакция: Маричев Н.С. 2016. С. 217-220.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» на http://www.consultant.ru дата обращения 24.05.2017

4. Абдурагимова Т.И., Трущенков И.В. Особенности применения специальных знаний в расследовании хищений с использованием банковских карт // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15-1. С. 41-43.

5. Абдурагимова Т.И, Трущенков И.В. Некоторые аспекты осмотра, обыска и выемки в целях обнаружения, фиксации и изъятия компьютерной информации для производства судебной компьютерной экспертизы. В сборнике: Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы Сборник научных трудов I Международного форума. 2017. С. 27-33.

6. Курзинер Е.Э. Роль общеизвестных фактов в доказывании // Вестник южно-уральского государственного университета. Серия: Право. – 2007. – № 18. – С. 51-54.

Ключевые слова: судебная экспертиза, назначение судебной экспертизы, основания назначения, правовая регламентация, возбуждение уголовного дела, освобождение от доказывания.

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЦ ПРИ ВЫЗОВЕ В ОРГАНЫ СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

Асанов Решат Шевкетович,
адъюнкт, Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

В статье освещаются проблемы обеспечения прав лиц при вызове в органы следствия и дознания.

Провозглашение охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве в качестве принципа уголовно-процессуальной деятельности обязывает суд, прокурора, следователя и дознавателя разъяснять всем участникам уголовного процесса их права, обязанности и ответственность, а также обеспечивать возможность осуществления этих прав (ст. 11 УПК РФ).

Данные требования закона, являясь принципиальными положениями, возложены на всех субъектов – должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность от имени государства, и не имеют ограничений на каком-либо этапе или стадии, то есть, являются постоянно действующими от самого первого и до крайнего контакта с участниками уголовного процесса. Совершенно справедливо по данному поводу отмечал Гуляев А.П., указывая, что обеспечение прав является важнейшим условием правильной и успешной реализации процессуальных функций [1].

Сузив масштабы исследуемой уголовно-процессуальной деятельности, необходимо отметить, что во многих случаях самое первое взаимодействие в досудебном производстве между должностными лицами, отстаивающими публичный интерес, и личностью возникает в момент вызова в органы следствия и дознания для проведения того или иного процессуального действия. Стоит отметить, что выявлению и исследованию имеющихся проблем по указанной теме, должен предшествовать анализ норм действующего УПК РФ, определяющих порядок вызова лиц в ходе досудебного производства.

Так, рассмотрев положения современного уголовно-процессуального законодательства, можно придти к выводу, что законом определен лишь порядок вызова на допрос. В соответствии с ч. 1 ст. 188 УПК Российской Федерации, свидетель, потерпевший вызывается на допрос повесткой, в которой указывается кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин. Остальные положения указанной статьи регламентируют порядок направления повестки и последствия неявки, в связи с чем, не являются предметом подробного рассмотрения в рамках исследуемой темы.

Возвращаясь к части первой указанной статьи, становится очевидным, что законодатель в качестве процессуальной формы вызова на допрос определил повестку, тем самым придав ей статус процессуального документа, в котором в обязательном порядке должны содержаться сведения о статусе вызываемого лица, дате времени и места прибытия, а также последствия неявки. Иными словами, данный документ, как требует того действующий закон, является носителем све-

дений исключительно о мере должного поведения, так как содержит перечень обязанностей лица перед проведением следственного действия. Указанное явно противоречит вышеуказанному принципу уголовно-процессуальной деятельности – охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, согласно которому следователь и дознаватель обязаны разъяснять всем участникам уголовного процесса их права, обязанности и ответственность, а также обеспечивать возможность осуществления этих прав. В свою очередь, как указывал А.М. Ларин, «Обеспечивать возможность осуществления прав – значит создать условия, необходимые и достаточные для того, чтобы обладатель прав мог ими воспользоваться. Одним из таких условий является знание своих прав» [2].

Иными словами, будучи процессуальным документом, предшествующим проведению допроса, повестка должна содержать перечень основных прав вызываемого лица наряду с требованием обязательной явки.

Очень наглядно данный вопрос прослеживается в том, что вызываемые на допрос лица согласно действующего уголовно-процессуального законодательства, вправе являться с адвокатом, представителем или даже защитником, если речь идет об уголовно-преследуемом лице. На фоне этого возникает закономерный вопрос: как может вызываемое на допрос лицо воспользоваться и реализовать свое вышеуказанное конституционное право, если оно ему не разъяснено изначально в специальном процессуальном документе, содержащем требование о вызове на допрос, и это не требует закон?

Аналогичной позиции придерживается Д.Т. Арабули, который указывает: «Провозглашая в Конституции РФ человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагая на государство обязанность по их соблюдению и обеспечению…следует признать, что не до конца разработан механизм эффективной реализации предоставленных законом прав свидетелю. Так, в ч. 5 ст. 189 УПК РФ использована формулировка: «Если свидетель явился на допрос с адвокатом…». Возникает вопрос: кто, когда и на основании чего ознакомил свидетеля если не со всем объемом полномочий, то хотя бы с правом пригласить адвоката?» [3].

Становится очевидным, что при вызове на допрос, то есть заблаговременно до проведения следственного действия, основные конституционные права должны уже быть разъяснены, пусть даже в такой пассивной форме, как указание в повестке [4]. Причем данное требование должно иметь нормативное закрепление. Только в этом случае можно будет с уверенностью говорить об охране прав человека и полноценного обеспечения следователем или дознавателем возможности осуществления этих прав.

Следующей проблемой, возникающей в рамках рассмотрения вопроса об обеспечении прав лиц при вызове в органы следствия и дознания, является очень узкая направленность и неполное нормативное закрепление процессуального порядка вызова к следователю или дознавателю. Проблема здесь видится в двух аспектах.

Во-первых, повестка, согласно действующего УПК РФ, предстает как процессуальный документ, используемый лишь при вызове на допрос. Таким образом, за пределами оказываются все иные следственные и процессуальные действия, при проведении которых вызываемое лицо, в соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации, также вправе воспользоваться квалифицированной юридической помощью. Как справедливо отмечают А.А. Давлетов и А.Г. Давлетова: «данные конституционные положения имеют универсальное значение и распространяются на все случаи, в которых человек нуждается в правовой помощи, независимо от его юридического статуса или сферы судопроизводства» [5]. Здесь речь идет как о процессуальных действиях, проводимых в рамках расследования, так и на стадии возбуждения уголовного дела. То есть, вызов в орган следствия или дознания, невзирая на стадию уголовного процесса, как было указано вначале нашей статьи, уже должен сопровождаться разъяснением в повестке основных конституционных прав, предоставляя тем самым лицу возможность осуществления этих прав независимо от этапа уголовно-процессуальной деятельности и от его статуса.

Акцент внимания на статус лица обусловлен тем, что современная нормативная конструкция порядка вызова на допрос, почему-то распространяется только на свидетеля и потерпевшего, оставляя за кадром уголовно-преследуемых лиц, которым также излишнем не будет разъяснение основных прав при вызове для участия в процессуальных действиях, а также лиц, вызываемых в рамках проведения проверки до возбуждения уголовного дела, которые вообще не имеют традиционного уголовно-процессуального статуса, но при этом, не лишены своих конституционных прав [6].

Необходимо отметить, что имеющиеся проблемы по обеспечению прав лиц при вызове в органы следствия и дознания, выраженные в изначальном не разъяснении основных конституционных прав личности до проведения процессуального действия, не только ограничивают тем самым права конкретного человека, но и имеют другой негативный аспект [7]. Вторая сторона медали, имеющая отрицательный эффект, проявляется на снижении результативности и своевременности выполнения следователем или дознавателем какого–либо процессуального действия, поскольку лицо, придя по вызову следователя

или дознавателя, узнает о возможности реализации своего конституционного права на юридическую помощь только лишь непосредственно в начале следственного действия - в ходе разъяснения прав и обязанностей (ч. 5 ст. 164 УПК РФ), в связи с чем, может всячески стараться отказаться от участия, одновременно ходатайствуя о переносе проведения следственного действия по причине необходимости привлечения адвоката.

Подводя итог, следует отметить, что разъяснение основных конституционных прав личности, как один из способов их обеспечения, должно иметь свое проявление не в ходе проведения того или иного следственного действия, а заблаговременно, при официальном вызове лица в орган следствия или дознания для участия каком бы то ни было процессуальном действии.

---

1. Гуляев А.М. Следователь в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1981. С. 24.

2. Ларин А.М. Расследование преступлений: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986. С. 61.

3. Арабули Д.Т. Особенности вызова на допрос свидетеля в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2005. № 3. С.21.

4. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Производство допроса: процессуальные основы и тактические особенности. // Адвокатская практика. 2015. № 5. С. 33-38.

5. Давлетов А.А., Давлетова Г.А. Право лица на получение квалифицированной юридической помощи в стадии возбуждения уголовного дела // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью : мат-лы науч.-практ. конф. Уфа, 2004. ч.1. С. 30–37.

6. Чаплыгина В.Н., Морозова Н.В. Совершенствование практики производства допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 94-96.

7. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 294-298.

Ключевые слова: проблемы, обеспечение, права вызов, органы следствия, дознания.

УДК 343.98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ПРИ ДТП, СВЯЗАННЫХ С НАЕЗДОМ НА ПЕШЕХОДА

Бадиков Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются отдельные актуальные аспекты обеспечения прав участников дорожного движения в случаях совершения дорожно-транспортных происшествий, связанных с наездом на пешехода.

Одним из основных видов дорожно-транспортных происшествий (ДТП), характеризующих состояние аварийности в Российской Федерации продолжают оставаться происшествия с высокой тяжестью последствий, в частности наезд на пешехода (30,7 процента всех дорожно-транспортных происшествий и 29 процентов погибших)[1].

Наезд на пешехода - это происшествие, при котором транспортное средство наехало на человека или он сам натолкнулся на движущееся транспортное средство. К этому виду относятся также происшествия, при которых пешеходы пострадали от перевозимого транспортным средством груза или предмета (доски, контейнеры; трос и т.д.).

Участниками данного дорожно-транспортного происшествия будут являться соответственно участники дорожного движения, а именно - лица, принимающее непосредственное участие в процессе движения в качестве водителя и пешехода[2].

Водитель, управляющий автомобилем, который относится к источникам повышенной опасности, должен быть особенно внимательным к окружающей обстановке и следить за дорожным движением и иными участниками дорожного движения. По смыслу статьи 1079 Гражданского кодекса РФ, источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает по-

[1] Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 № 864 (ред. от 11.10.2016) «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 - 2020 годах» // Собрание законодательства РФ, 14.10.2013, № 41, ст. 5183.
[2] Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 12.07.2017) «О Правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства РФ, 22.11.1993, № 47, ст. 4531.

вышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами.

Источник повышенной опасности - это сложное понятие, которое связано с тремя признаками.

1. Это деятельность, создающая повышенную опасность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека[1].

2. Это какое-то явление (вещь, энергия, мощность и пр.), способное к передаче во владение.

3. Это свойства вещей, которые при достигнутом уровне развития науки и техники не поддаются полностью контролю человека, создают высокую степень вероятности причинения вреда его жизни или здоровью либо материальным благам [2].

В случае совершения водителем наезда на пешехода ему как участнику дорожного движения необходимо выполнить ряд действий в соответствии п.п. 2.5, 2.6 Правил дорожного движения. Во-первых, необходимо остановить автомобиль и не трогать с места, затем включить аварийную сигнализацию и выставьте знак аварийной остановки. Не следует перемещать любые предметы, имеющие отношение к ДТП. Во-вторых, необходимо оградить пешехода от движущихся автомобилей, чтобы исключить причинение более серьезного вреда. В-третьих, водитель обязан оказать первую помощь пострадавшему пешеходу, с данной целью следует вызвать скорую медицинскую помощь и обратиться в подразделение ГИБДД по единому телефону экстренной помощи 112. В экстренном случае можно отправить пострадавшего на попутном, а если это невозможно, то – доставить на своем транспортном средстве в ближайшее медицинское учреждение и вернуться к месту ДТП. Вместе с тем, необходимо учитывать, что в зависимости от полученных травм перемещение пострадавшего может привести к более серьезным последствиям.

Если в результате ДТП движение других транспортных средств невозможно, необходимо зафиксировать средствами объективной фиксации (фотосъемка, видеозапись) положение автомобиля по отношению к пострадавшему и объектам дорожной инфраструктуры, сле-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета, № 24, 05.02.2010.

ды и предметы, относящиеся к происшествию, принять все возможные меры к их сохранению и освободить проезжую часть.

За нарушение ПДД, повлекшее причинение вреда здоровью потерпевшего, установлена административная ответственность по ст. 12.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а в случае причинения тяжкого вреда или смерти - уголовная в соответствии со ст. 264 Уголовного кодекса РФ (УК РФ).

По прибытии на место ДТП сотрудник ДПС ГИБДД в соответствии с п. 269 Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения[1] выполняет действия по обеспечению безопасности и ограждению места ДТП, установлению участников и очевидцев ДТП, принимает меры к сохранности вещественных доказательств, следов, имущества и информации, имеющей отношение к ДТП, а также иные действия, предусмотренные Административным регламентом.

Вместе с тем, необходимо отметить, что последующий алгоритм действий зависит от того, будут ли выявлены признаки преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, либо признаки административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.24 КоАП РФ. Так, в первом случае процессуальные действия на месте ДТП осуществляются следственно-оперативной группой, направляемой дежурной частью территориального органа внутренних дел, а во втором - выносится определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, после чего проводятся соответствующие действия, предусмотренные Административным регламентом и КоАП РФ.

В рамках уголовно-процессуального судопроизводства первоначальными следственными и процессуальными действиями по уголовным делам о ДТП являются: осмотр места происшествия; осмотр транспортных средств; розыск и задержание транспортных средств и водителей, скрывшихся с мест происшествия; допрос потерпевших, свидетелей и водителей; освидетельствование водителя. Особо необходимо выделить осмотр места происшествия по делам о ДТП как од-

[1] Приказ МВД России от 23.08.2017 № 664 «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения» // Российская газета, № 232, 13.10.2017.

но из ключевых действий, позволяющих получить доказательственную информацию и определить ход дальнейшего расследования. Учитывая важность неотложного производства осмотра места происшествия по делам рассматриваемой категории, следует отметить необходимость привлечения соответствующих специалистов, в противном случае увеличивается риск утраты самих вещественных доказательств. Это связано с большим количеством негативных обстоятельств, способных повлиять на обнаружение, фиксацию и изъятие материальных следов в ходе осмотра места дорожно-транспортного происшествия. К таким обстоятельствам относят необходимость скорейшего освобождения проезжей части во избежание создания заторов (пробок), неблагоприятные погодные условия, истечение светлого времени суток и т.д. [1] Специалист-криминалист, специалист-автотехник оказывают содействие следователю в обнаружении, фиксации, изъятии, упаковке и сохранности следов и иных вещественных доказательств, отборе сравнительных и контрольных образцов, а также другую помощь, требующую специальных познаний. Работа специалиста при осмотре места ДТП предполагает применение технических средств. Среди «классических» технико-криминалистических средств, используемых при осмотре места ДТП выделяют средства фото- видеофиксации, средства поиска и изъятия следов, микрочастиц, средства измерения расстояний, осмотра предметов и документов и т.д.

Осмотр трупа производится с обязательным участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. Все специалисты, участвующие в следственном действии содействует полному и правильному отражению в протоколе осмотра места происшествия полученной криминалистической информации, а также данных о применении криминалистических средств и методов.

В рамках административного расследования составляется протокол осмотра места совершения административного правонарушения, схема места совершения ДТП, производится фото- видеосъемка обстановки на месте происшествия. Производится опрос участников, очевидцев и свидетелей ДТП, их объяснения и показания приобщаются к материалам дела об административном правонарушении, фиксируются и приобщаются к материалам дела об административном правонарушении вещественные доказательства.

Мы остановились лишь на нескольких аспектах первоначальной деятельности лиц, вовлеченных в общественные отношения, связанные с совершением такого вида дорожно-транспортного происшествия как наезд на пешехода. Среди субъектов рассматриваемых отно-

шений необходимо выделить самих участников дорожного движения (водителя, пешехода), сотрудника дорожно-патрульной службы, лиц, входящих в состав следственно-оперативной группы. Алгоритм действий данных субъектов рассматриваемых отношений достаточно детально регламентирован как на законодательном уровне, так и подзаконными нормативно-правовыми актами, которые постоянно совершенствуются. Вместе с тем говорить, о том, что отношения в данной сфере полностью урегулированы на наш взгляд еще преждевременно.

1. Бадиков Д.А. Некоторые аспекты использования специальных познаний и технических средств при фиксации обстановки на месте ДТП // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования) к 40-летию со дня образования ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова: сборник материалов X международной научно-практической конференции. 2016. С. 61-67.

2. Семенов Е.А. Показания специалиста как доказательства в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 4 (69). С. 85-87.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, участник дорожного движения, наезд на пешехода.

УДК 343.98

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПО МАТЕРИАЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ, РАСПРОСТРАНЯЕМЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ

Блинова Елена Владимировна,
преподаватель кафедры предварительного расследования,
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя»,
117997, г. Москва, ул. Волгина, д. 12

В статье рассматривается содержание предварительной проверки по материалам, связанным с незаконным оборотом оружия и

боеприпасов, распространяемых в информационно-телекоммуникационных сетях.

За январь-декабрь 2017 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 1551600 преступления. Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с аналогичным периодом 2016 года увеличилось на 2,3% и составило 22700, а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств уменьшилось на 8,3% (929 преступлений). В 2017 году с использованием оружия совершено 4000 преступлений (-7,9%). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Свердловской области (186), Краснодарском крае (159), г. Москве (147), Республике Дагестан (145), Московской области (129) (см. Приложение № 2) [1].

Для того, чтобы начать предварительную проверку по материалам, связанным с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, распространяемых в информационно-телекоммуникационных сетях, необходима отправная точка. В.Н. Григорьев отмечает, что «деятельность по непосредственному обнаружению признаков преступления, предварительная проверка, начинается с получения какой-либо информации[2].

Подобная информация побуждает должностных лиц правоохранительных органов провести проверку, чтобы установить действенное событие и оценить его с точки зрения противоправности. Анализ содержания ч.1 ст.144 УПК РФ (в редакции от 4 марта 2013 г.) позволяет соискателю выделить следующие виды организационно-правовых форм проведения: предварительная проверка сообщений о преступлении и производство первоначальных следственных и иных процессуальных действий при расследовании преступлений, в зависимости от их правовой природы. Таковыми в основном являются непроцессуальные формы (оперативная проверка – проведение оперативно-розыскных мероприятий) и уголовно-процессуальные формы (предварительная проверка сообщений о преступлении и предварительное расследование) [3].

Более сложный для выявления и раскрытия - бесконтактный способ сбыта оружия и боеприпасов к нему, который стал возможен благодаря повсеместному распространению и доступности интернета.

Схематично представим такой способ совершения преступлений рассматриваемой категории так. Злоумышленник, а чаще группа злоумышленников, создает сайт в сети Интернет с предложением соот-

ветствующего характера, которое может как прямо предлагать товар, так и делать это завуалировано. Может быть размещено объявление на уже существующем и функционирующем сайте.

Таким образом заинтересованное лицо – потенциальный покупатель может заказать покупку посредством стационарного компьютера или через мобильный телефон. Далее, покупателю необходимо оплатить покупку – путем перевода денежных средства на указанный в объявлении или на сайте счёт электронной системы оплаты. В качестве систем оплаты используются повсеместные «Киви-кошельки», откуда денежные средства злоумышленниками переводятся на другие номера электронных платёжных систем либо на банковские счета физических лиц. Также денежные средства могут быть переведены на счета юридических лиц, после чего происходит их обналичивание.

Эффективность деятельности оперативных сотрудников по выявлению и документированию незаконного оборота оружия, совершенного с использованием сети Интернет, в значительной степени определяется уровнем ее информационной и аналитической составляющей. При этом незаконный сбыт оружия, совершенный посредством сети Интернет, характеризуется высоким уровнем латентности, обусловленной отсутствием в указанной категории уголовных дел «потерпевшего».

В связи в вышесказанным значительной представляется роль оперативно-разыскной работы при выявлении и раскрытии незаконного оборота оружия, совершаемого бесконтактным способом, а именно получения оперативно значимой информации о лицах, занимающихся такого рода преступлениями. Осуществив проверку такой информации, и проведя комплекс ОРМ, сотрудники полиции смогут выявить преступление [4].

Первичная информация о незаконном обороте оружия, совершенном с использованием сети Интернет, поступает оперативным сотрудникам от лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам внутренних дел, ранее судимых за аналогичные преступления, а также от сотрудников других служб и подразделений правоохранительных органов, которые получили ее результате осуществления своей служебной деятельности; посредством получения объяснений от задержанных, с указанием источника приобретения оружия. Немаловажным источником информации представлен мониторинг тематических или близких по тематике сайтов и форумов, рекламных и торговых сетевых площадок [5].

Получение и анализ информации об интернет-магазинах, осуществляющих завуалировано незаконный оборот оружия и боеприпа-

сов, а также лицах дающих такие объявления, позволяет оперативным путем установить информацию об электронном счете, на который требуется перевести деньги. Такой счет привязан к платежному сервису киви-кошелек.

По результатам проверки первичной информации оперативные сотрудники проводят комплекс ОРМ, направленных на документирование рассматриваемой категории преступлений.

Итак, доследственная проверка по незаконному обороту оружия и боеприпасов к нему, будет включать следующие действия.

Прежде всего необходимо направить соответствующий запрос в «Киви Банк», попытка установить возможные варианты движения денежных средств с такого счета. Параллельно проводимая работа по определению и отслеживанию средств связи, используемых предполагаемыми преступниками позволит установить личности всех членов группы, занимающейся незаконным оборотом оружия в сети Интернет. В процессе документирования возможно задержание лица, приобретающего «закладку», в месте ее нахождения [6].

Задержание покупателя в данном случае не помогает установить сведения о сбытчике. В таком случае при опросе задержанного необходимо выяснить способ приобретения оружия или боеприпасов к нему, интернет-ресурса, логина продавца на интернет-ресурсе; наличие в памяти мобильного телефона задержанного переписки с продавцом; способ оплаты; был ли оставлен комментарий при перечислении денег на киви-кошелек.

После возбуждения уголовного дела в результате проверки, возможно проведение в рамках данного уголовного дела следственных действий.

В юридической литературе существует мнение, что «реализация оперативной информации», целесообразна лишь после выявления всего механизма незаконного оборота оружия и лиц, вовлеченных в незаконную деятельность [7].

Таким образом, предварительная проверка материалов о незаконном обороте оружия и боеприпасов к нему, совершаемых с использованием сети Интернет, осуществляется посредством проведения ОРМ. Помимо приведенных мероприятий, проводится также оперативно-разыскное мероприятие «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» [8].

Для документирования незаконного оборота оружия, совершенного бесконтактным способом, дополнительно проводится ОРМ «наблюдение», объектом которого является поведение лица, производя-

щего закладку. Проведение этого ОРМ обычно фиксируется при помощи средств аудио- и видеозаписи.

Такое оперативно-разыскное мероприятие, как «прослушивание телефонных переговоров» проводится в ходе документирования бесконтактно совершаемого незаконного оборота оружия и боеприпасов к нему в случае, если известны члены преступной группы и используемые ими абонентские номера. Кроме того, это ОРМ осуществляется, если общение покупателя с продавцом ведется посредством СМС-сообщений. Так, если не удается обнаружить заложенное оружие, возможен телефонный контакт с продавцом для уточнения места закладки.

В ходе доследственной проверки при выявлении незаконного оборота оружия, совершенного бесконтактным способом, практически всегда проводится такое оперативно-разыскное мероприятие, как «снятие информации с технических каналов связи». Таким образом, фиксируется интернет переписка сбытчиков и установления IP-адресов используемых ими технических средств.

---

1. Интернет-ресурс: https://мвд.рф/folder/101762/item/11341800.

2. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела при непосредственном обнаружении признаков преступления / В.Н. Григорьев // Правоведение. М.,1982. С. 98.

3. Рагулин И.Ю. Организационные аспекты методики расследования незаконного оборота оружия и боеприпасов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С.19.

4. Чаплыгина В.Н. К вопросу об участии адвоката на стадии возбуждения уголовного дела: терминологический подход // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации Сборник научных трудов. 2015. С. 108-114.

5. Бычков В.В. Криминальный оборот оружия и боеприпасов: понятие, квалификация и расследование: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 133.

6. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71-73.

7. Семенов Е.А. Особенности применения технических средств специалистами при расследовании преступлений // Криминалистика:

вчера, сегодня, завтра Сборник научных трудов . Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. С. 190-195.

8. Скоропупов Ю.И. К вопросу об уголовно-правовых и криминалистических аспектах характеристики незаконного оборота оружия, его основных частей и боеприпасов // Вестник Тульского государственного университета. 2016. С. 45.

Ключевые слова: проверка, бесконтактный способ, материалы, технологии, Интернет, сообщения.

УДК 343.985.3

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Булыжкин Александр Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Чаплыгина Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются основные аспекты законодательной регламентации защиты прав потерпевших в досудебном производстве.

Потерпевший, как одна из основных фигур уголовного процесса, чьи права и законные интересы претерпели от совершенного преступления, к сожалению УПК РФ формально наделен определенным кругом полномочий, невзирая на то, что защита его прав и законных интересов - конституционная обязанность государства. К сожалению, по многим процессуальным вопросам потерпевший поставлен в неравное и порой приниженное положение с такими яркими представи-

телями стороны защиты, как подозреваемый и обвиняемый, что свидетельствует о частичной реализации принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве. Одним из прав потерпевшего является право участвовать в уголовном преследовании обвиняемого. Кроме того, законодатель предоставил ему ряд неизвестных ранее процессуальных прав, однако возможность их реализации оставляет желать лучшего. Выводы Доклада Уполномоченного по правам человека в РФ за 2016 указывают на то, что по статистике, ежегодно каждый десятый житель России, становится жертвой того или иного преступления [1].

В докладе Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России [3] были озвучены задачи сотрудникам правоохранительных органов, среди которых приоритетной является задача по обеспечению прав потерпевших. Именно эту задачу Президент России назвал ключевой, приведя при этом неутешительные факты: в прошлом году правоохранители не смогли установить виновных в совершении 1,5 млн. преступлений. Так, в России, в январе-ноябре 2016 года зарегистрировано 2438,1 тыс. преступлений [2]. В том числе за 2016 год в Орловской области было зарегистрировано 13660 различных видов преступлений, период с января по май 2017 года - 5691 преступление [2].

Как мы уже установили, важным субъектом в уголовном процессе является потерпевший. Несмотря на то, что данному лицу преступлением уже причинен вред, бывают ситуации, когда во время предварительного расследования существенно нарушаются его права на защиту своих интересов, получение информации и многие другие. Срок, в течение которого лицо должно быть признано потерпевшим в УПК РФ не устанавливался, и лицо оставалось в статусе заявителя долгое время, тем самым пострадавший ограничивался в тех правах, которые предоставлены потерпевшему. Следует отметить, что во многих случаях лицо признавалось потерпевшим даже на завершающей стадии уголовного судопроизводства [4].

После принятия Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» было установлено, что «решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда», чем был устранен процессуальный дефект, который ограничивал права пострадавшего от преступления лица [5].

Хотелось бы обратить внимание на то, что с момента задержания подозреваемого или возбуждения в отношении него уголовного дела, а также с момента привлечения лица в качестве обвиняемого эти участники уголовного судопроизводства имеют право на оказание им юридических услуг адвокатом за счет бюджета[6]. В свою очередь, часть 3 статьи 42 УПК РФ указывает на то, что потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям статьи 131 УПК РФ. В самой же этой статье расходы на представителя как процессуальные издержки не указаны, что фактически лишает потерпевшего возможности получить бесплатную юридическую помощь.

Однако Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» внес изменения в ст. 45 УПК РФ: «По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета». В данной норме указывается единственный случай предоставление бесплатного защитника [7].

Необходимо отметить, что в УПК РФ в качестве способа возмещения причиненного преступлением вреда упоминается лишь гражданский иск. УПК РСФСР предусматривал три способа: гражданский иск, возмещение вреда по инициативе суда и уголовно-процессуальная реституция. Наверное, при существовании этих трех форм в настоящее время, возмещение вреда было бы более эффективным механизмом.

На практике выплата потерпевшему материального ущерба является еще одной проблемой. Уголовно-исполнительный кодекс РФ гласит, что из заработной платы и других доходов осужденных к лишению свободы удерживаются алименты на собственных детей, подоходный налог, отчисления в Пенсионный фонд и иные обязательные отчисления. По результатам этих выплат случается так, что на погашение ущерба потерпевшему чаще всего денег практически не остается.

Как мы знаем, для возмещения вреда в полном объеме, наряду с материальным ущербом, необходимо компенсировать моральный вред.

Вопросы компенсации морального вреда регламентируются статьями 151, 1099-1101 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно статье 151 ГК РФ, а также Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.94 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», под «моральным вредом» понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями, посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), нарушающими его личные права, как имущественные, так и неимущественные (право на пользование своим именем, право авторства и др.).

Размер компенсации морального вреда определяется судом и не зависит от размера возмещения имущественного вреда. Важно отметить, что нормативное регулирование относительно определения морального вреда отсутствует, поэтому эти вопросы отдаются на личное усмотрение судьи в соответствии с такими понятиями как «разумность» и «справедливость». Практика российских судов показывает, что данные иски удовлетворяются лишь в минимальных размерах.

Как мы знаем, преступления могут совершать не только гражданские лица, но и сотрудники правоохранительных органов, поэтому к особому виду можно отнести потерпевших от должностных лиц, поскольку их необходимо защищать не от простых преступников, а от преступников, облеченных государственной властью. Данный «вид» потерпевших являются наиболее бесправными жертвами, поскольку их должны защищать «свои от своих», что административно и психологически весьма проблематично.

Лица, которые незаконно были привлечены к уголовной ответственности, заключены под стражу или приговорены к лишению свободы редко могут добиться своей реабилитации. Это связано с тем, что практика идет по такому пути, когда данные преступления, совершенные должностными лицами, именуют как дисциплинарными правонарушениями и судебно-процессуальными ошибками, за которые виновные лица фактически не несут серьезной юридической ответственности. Кроме того, если имеет место реабилитация, то она имеет лишь формальный характер.

Следственная практика показывает, что по делам по тяжким и особо тяжким преступлениям, на потерпевшего в большинстве случаев оказывается давление виновной стороной. Как следствие, потерпевшие отказываются от своих показаний либо дают ложные показания. Несмотря на то, что такие потерпевшие осознают противоправность своих действий, но считают, что личная безопасность и безопасность своих близких намного важнее.

УПК РФ предусматривает нормы, позволяющие обеспечить безопасность потерпевшего и его близких, в случае наличия угрозы жизни, здоровья и их собственности, в частности предъявление лица для опознания может проводиться в условиях исключающих визуальное наблюдения опознаваемым опознающего [8].

Кроме того, защита прав потерпевших в уголовном судопроизводстве регламентируется Федеральным законом от 20.08.04 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Законом установлены принципы осуществления и виды государственной защиты потерпевших, включающие меры обеспечения их безопасности и социальной поддержки, определены как порядок применения этих мер, так и органы, за них ответственные [9]. Стоит согласиться с Д.Ф. Флорей в том, что «…на практике указанный закон фактически не работает» [10].

В настоящее время проблем, возникающих при реализации потерпевшим своих прав много, и все они требуют более тщательного и глубокого изучения. Однако УПК РФ и иные федеральные законы в полной мере не обеспечивают защиту прав потерпевшего лица, зачастую носят формальный характер и не применяются на практике, что дает основания говорить о совершенствовании действующего законодательства. Ярким примером является то, что по УПК РФ по сравнению с обвиняемым, потерпевшая сторона ограничена в своих правах, т.к. на стороне защиты участвует адвокат, а чаще всего несколько, а потерпевший часто участвует единолично[11]. Полагаем, что это исключает принцип состязательности сторон. Думается было бы целесообразно выработать единый акт, который бы включал все нормы, регулирующие права потерпевшего, его участие на этапе предварительного расследования и уголовного судопроизводства, раскрывающий, конкретизирующий, объединяющий нормы, которые находятся в самых разных нормативно-правовых актов, что будет способствовать более полному представлению потерпевшим своего правового статуса.

1. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_65459.

2. URL: http://orel.gks.ru/digital/region14/DocLib/D9C.htm.

3 Российская газета 2016. 12 февр. № 24.

4. Синенко С.А. Правовой статус лица, потерпевшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2012. № 2. С. 27.

5. Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. М., 2016. С. 12.

6. Морозова Н.В. Генезис института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 2 (71). С. 70-72.

7. Калюжный А.Н. Адвокатское расследование в уголовном процессе: проблемы правовой конструкции и практики реализации // Адвокатская практика. 2017. № 1. С. 49-54.

8. Лазаренко О.Н., Морозова Н.В. Фиксация хода и результатов предъявления для опознания живых лиц и их оценка // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» Орел. 2015. С. 210-213.

9. Чаплыгина В.Н. Общие черты и особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей // Современный научный вестник. 2016. Т. 7. № 1. С. 74-78.

10. Флоря Д.Ф. Проблемы защиты прав участников уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела // Наука и практика. 2014. № 3. С. 111.

11. Беляева А.А., Чаплыгина В.Н. О некоторых проблемах реализации адвокатского расследования на досудебных стадиях уголовного процесса // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью». Орел. 2016. С. 55-60.

Ключевые слова: потерпевший, представитель, физическое лицо, юридическое лицо, потерпевший, гражданский истец, гражданский иск, смешанный процесс.

УДК 343.1

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Быков Антон Иванович,
научный сотрудник,
ФКУ Научно-исследовательский институт ФСИН России,
119991, г. Москва, ул. Нарвская, 12а

В статье автор рассматривает технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением беспилотных летательных аппаратов, предлагает алгоритм действий в случае обнаружения беспилотных летательных аппаратов и его пульта управления, для сохранения дактилоскопических и иных видов следов, в целях раскрытия и расследования преступлений.

В настоящее время в мире происходит активное развитие цифровых технологий, робототехники, массовых коммуникаций, которое проявляется в различных отраслях науки и техники. Одной из таких разработок является применение беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА), которые за последние несколько лет проникли в различные сферы жизнедеятельности человека. Применение БПЛА осуществляется как в профессиональных, так и развлекательных целях, чаще всего при решении военных задач, мониторинге чрезвычайных ситуаций, осуществлении фото и видео съемки. Реализация БПЛА на рынке достигла огромных успехов, в связи с их финансовой доступностью, характеризующейся наличием жесткой конкуренции, и минимальным порогом качества.

Использование БПЛА не имеет серьезных правовых ограничений, не регламентирован порядок их приобретения и осуществления полетов, что может создать определенную категорию рисков. Данная группа рисков характеризуется разнообразными факторами, связанными с безопасностью полетов авиации, а так же БПЛА могут использоваться для осуществления террористических актов, доставки и сброса оружия, взрывных устройств, доставки наркотиков и других запрещенных предметов.

В настоящее время раскрытие и расследование преступлений и правонарушений, связанных с применением БПЛА имеют особую актуальность. Правонарушения и преступления, осуществляемые по

средствам БПЛА, исполняются оператором, который осуществляет управление летательным аппаратом в прямом визуальном контакте, либо приборным способом, то есть с помощью приборной панели, когда нет прямого визуального контакта с летательным аппаратом. Основной целью раскрытия и расследования данного вида преступлений является уголовно-правовая квалификация преступного деяния и установление лица, его совершившего. Чаще всего, этим лицом является оператор БПЛА, и основная проблема состоит в том, что он находиться на определенном расстоянии от летательного аппарата, что значительно усложняет действия оперативной группы по его розыску и задержанию. Однако, завладев БПЛА или его пультом управления, можно получить разнообразную информацию, направленную на розыск и задержание подозреваемого.

Большое значение в решении подобных задач имеет правильно организованное технико-криминалистическое обеспечение (далее – ТКО). По мнению А.В. Волынского, ТКО - это организационно-функциональная система, направленная на создание условий постоянной готовности служб и подразделений органов внутренних дел к быстрому и эффективному решению технико-криминалистических задач, и на практическую реализацию этих условий в целях получения, накопления, обработки криминалистически значимой информации и ее использования в процессе раскрытия и расследования преступлений [1].

Система ТКО включает в себя непосредственно сотрудников криминалистов и их объединения, соответствующих профессиональным требованиям, включающих в себя черты характера и личности, профессиональные способности, криминалистические знания, навыки и убеждения, научно-техническое, криминалистическое оборудование. А так же в нее включается криминалистическое знание, которое представляет собой знание криминалистической науки, заключающей в себе общую теорию и частные криминалистические теории и учения.

В случае обнаружения БПЛА и (или) пульта управления БПЛА, предлагается определенный алгоритм действий по обнаружению, фиксации и изъятию следов с целью их процессуального использования как доказательств при расследовании указанных противоправных действий.

В первую очередь необходимо изолировать участок местности или объект, где был обнаружен или захвачен БПЛА или пульт управления БПЛА. Во-вторых, произвести фотосъемку места, обнаружения БПЛА и (или) пульта управления БПЛА тремя способами: ориенти-

рующая съемка, необходимая для описания места обнаруженного объекта, узловая фотография БПЛА и (или) пульта его управления, с применением масштабной линейки или мерной измерительной ленты, это позволит оценить и описать размеры БПЛА и детальная фотосъемка отдельных элементов БПЛА и (или) пульта управления БПЛА, которая так же проводится с использованием масштабной линейки.

Далее необходимо переместить объект в специальную упаковку, например, картонную коробку или пластиковую емкость, а также можно использовать одноразовую стерильную операционную простынь. Дно упаковки застилается белыми листами бумаги формата А-4, взятыми из середины стандартной пачки в 200 или 500 листов, потому что бумага в центре упаковки не имеет контакта с внешней средой, что создает необходимое, близкое к стерильному пространство для перемещения БПЛА и (или) пульта его управления.

Подготовку к перемещению и транспортировку осуществляет специализированный сотрудник, который работает в стерильных медицинских перчатках. Чтобы минимизировать риск повреждения или уничтожения дактилоскопических следов, БПЛА и (или) пульт его управления переноситься за крепежные элементы, а при их отсутствии, то соприкосновение с объектом производиться в местах, где имеются следы деформации, подразумевающие отсутствие дактилоскопических следов. Следующим шагом будет являться проведение фотосъемки объекта по правилам криминалистической фотографии. Далее БПЛА и (или) пульт управления БПЛА в упакованном виде перемещается в служебное помещение для проведения дальнейших криминалистических операций.

Правильное и быстрое проведение сбора информации, а также сохранение дактилоскопических следов, точное выполнение рассмотренного алгоритма в дальнейшем повлияет на ход раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением БПЛА.

---

1. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: учебник для студентов вузов / Под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 55.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение, беспилотный летательный аппарат, БПЛА, раскрытие и расследование преступлений.

УДК 343.985.3

ПОИСК ДОКУМЕНТОВ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ХОДЕ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О НЕВЫПЛАТЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Вахмянина Наталья Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург), Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 18

В статье рассмотрена проблема обнаружения документов ликвидированного юридического лица, уничтоженных его недобросовестным руководителем в целях сокрытия невыплаты заработной платы работникам и возможные направления их поиска в ходе расследования.

По данным Росстата на 1 августа 2017 г., по сведениям, представленным организациями, относящимся к субъектам крупного и среднего бизнеса, суммарная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности составляла 3455 млн рублей. К 1 января 2018 г. она снизилась до 2 487 млн рублей, однако к 1 февраля 2018 г. вновь была отмечена тенденция роста задолженности, увеличившейся на 189 млн. рублей. Основная причина задолженности – отсутствие у предприятий собственных средств. Нередко в итоге развития такой ситуации руководители и учредители приходят к неутешительному выводу о нерентабельности предпринимательской деятельности, что неизбежно ведет к ликвидации организации [2].

Процедура прекращения деятельности предприятия регламентирована действующей нормативно-правовой базой (Гражданский кодекс РФ, налоговый кодекс РФ и др.). Она заключается в прохождении нескольких обязательных этапов:

- принятие решения о ликвидации (добровольном прекращении деятельности), назначение ликвидатора (ликвидационной комиссии), уведомление о начале процедуры ИФНС;

- публикация в СМИ информации и уведомление всех кредиторов о начале ликвидации; прохождение ООО выездной налоговой проверки;

- подготовка и оформление ликвидационного баланса (промежуточного, а затем окончательного);

- представление в ИФНС пакета документов для регистрации завершения ликвидационного процесса и исключения компании из ЕГРЮЛ [1].

Согласно п. 3 ст. 62 ГК РФ учредители (участники) юридического лица или орган, принявшие решение о ликвидации юридического лица, назначают ликвидационную комиссию (ликвидатора) и устанавливают порядок и сроки ликвидации в соответствии с законом. При этом Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит положений, регламентирующих процедуру избрания, назначения ликвидатора или членов ликвидационной комиссии.

Пользуясь такой ситуацией, недобросовестные учредители поручают ликвидацию юридического лица дружественному им лицу. Нередко такая процедура поручается руководителю этого предприятия, который искажает представляемые организацией сведения об урегулировании внутренних конфликтов и отсутствии задолженностей по обязательным выплатам своим работникам. Последних убеждают, что все задолженности будут погашены. Поэтому заявления от обманутых работников поступают в правоохранительные органы по прошествии длительного времени после окончания ликвидации юридического лица. В большинстве случаев на этот момент документы, хранившиеся ранее в проверяемой организации уже уничтожены.

В сложившихся условиях при поступлении сообщения, заявления о невыплате заработной платы возникают значительные трудности с поиском документов, подтверждающих количество работников и причитающихся им выплат.

Вместе с тем, представляется, что есть вероятность установить требуемую информацию не только путем изучения сведений, содержащихся в личном и учетном делах налогоплательщика.

В соответствии с п. 2 ст. 25 закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» при принятии решения о ликвидации организации либо прекращении деятельности индивидуальным предпринимателем и возможном расторжении трудовых договоров работодатель-организация не позднее чем за два месяца, а работодатель - индивидуальный предприниматель не позднее чем за две недели до начала проведения соответствующих мероприятий обязаны в письменной форме сообщить об этом в органы службы занятости, указав должность, профессию, специальность и квалификационные требования к ним, условия оплаты труда каждого конкретного работника, а в случае, если решение о сокращении чис-

ленности или штата работников организации может привести к массовому увольнению работников, - не позднее чем за три месяца до начала проведения соответствующих мероприятий.

Соответственно, представляется необходимым обратиться в службу занятости, где можно получить сведения о количестве работников, которые подлежали увольнению на основании сведений, представленных проверяемым юридическим лицом.

Кроме того, в п. 9.7.2 Основных правил работы архивов организаций (одобрены решением Коллегии Росархива от 6 февраля 2002 г.) документы по личному составу ликвидированной организации при отсутствии правопреемника и вышестоящей организации передаются на временное хранение в специализированный архив (центр) документов по личному составу, а при его отсутствии - в государственный архив. Следовательно, представляется возможным из указанных источников получить, в том числе, информацию о количестве работников ликвидированного юридического лица и занимаемых ими должностях, периоде их занятости и заработной плате каждого из них в соответствии с трудовым (коллективным) договором.

Самому заявителю – работнику организации рекомендуется предложить предоставить копии документов, на основании которых возможно установить его трудоустройство в интересующее следствие юридическое лицо и сумму задолженности, в том числе трудового договор со всеми приложениями и дополнительными соглашениями (если они заключались), уведомление об увольнении в связи с ликвидацией юридического лица, выписку из его лицевого счета со сведениями о перечислении заработной платы и иных выплат за период, включающий несколько месяцев до прекращения выплат или до его увольнения и др.

В ходе опроса каждого пострадавшего необходимо выяснять не только период работы на ликвидированном предприятии, должность на момент ликвидации и сумму невыплаченной заработной платы и иных выплат, но и сведения об иных сотрудниках, которые были уволены по тем же основаниям. Это позволит установить максимально полное количество работников, перед которыми есть задолженность.

В настоящей статье рассмотрены лишь основные направления поиска сведений, позволяющих установить сумму невыплаченной заработной платы каждого работника после ликвидации юридического лица.

---

1. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // В книге: Деятельность правоохранительных органов

в современных условиях Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции : В 2 томах. 2015. С. 228-231.

2. Чаплыгина В.Н. Общие черты и особенности средств и методов преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с похищением людей // Современный научный вестник. 2016. Т. 7. № 1. С. 74-78.

3. Панферов Р.Г., Шурухнов Н.Г. Сведения о способах совершения контрабанды наркотиков, перемещаемых в международных почтовых отправлениях // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 10 июня 2014 г.). М., 2014. С. 129-136.

Ключевые слова: невыплата заработной платы, ликвидация юридического лица, расследование.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАЛОГА

Вдовцев Павел Викторович,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Второй факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург) Института повышения квалификации, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

Каркошко Юрий Сергеевич,
доцент кафедры уголовного процесса, Второй факультет повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург) Института повышения квалификации, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

В статье рассматривается вопрос об эффективности воздействия залога на поведение подозреваемого, обвиняемого, анализируются наиболее распространенные по данному вопросу мнения ученых-

процессуалистов, высказываются предложения по оптимизации практики применения залога.

Действующий уголовно-процессуальный порядок избрания и применения меры пресечения в виде залога далек от совершенства.

Отдельные положения ст. 106 УПК РФ не отвечают, на наш взгляд, предназначению залога в уголовном процессе. Так, уголовно-процессуальный закон, как известно, предоставляет возможность выступить залогодателем не только подозреваемому, обвиняемому, но и любому другому физическому или юридическому лицу (ч. 1 ст. 106 УПК РФ). Данное обстоятельство, как представляется, ставит под сомнение эффективность меры пресечения в виде залога. Поясним данное утверждение. «Эффективным считается такое влияние мер пресечения, которое удерживает привлекаемое лицо от действий и поступков, противоречащих целям мер пресечения, и при этом уровень издержек не превышает допустимого предела», - справедливо отмечает З.Д. Еникеев [2, с. 43].

Эффективность меры пресечения определяет в том числе положенный в ее основу механизм воздействия на поведение подозреваемого, обвиняемого. Указанный механизм, кроме того, определяет саму сущность той или иной меры пресечения, позволяет отграничить одну меру пресечения от другой. Механизм воздействия, лежащий в основе такой меры пресечения, как залог, имеет своим содержанием возможность наступления неблагоприятных имущественных последствий для залогодателя в случае нарушения подозреваемым, обвиняемым принятых на себя залоговых обязательств. Как отмечает А.В. Величко, «применение залога затрагивает не столько личность, сколько имущественные права обвиняемого, подозреваемого, ограничивая конституционное право, указанное в ст. 35 Конституции РФ. Не лишая обвиняемого, подозреваемого физической возможности скрыться либо иным образом уклониться от органов расследования и суда, залог связывает свободу действий угрозой имущественных потерь…» [1, с. 60]. «В современном российском уголовном судопроизводстве залог – единственная мера пресечения имущественного характера», - приходят к такому же выводу Химичева О.В. и Плоткина Ю.Б. [5, с. 28]. При этом «ощущаться» подобная угроза должна в первую очередь самим подозреваемым (обвиняемым). Именно он в случае невыполнения принятых на себя залоговых обязательств должен понести бремя последующей за этим имущественной ответственности.

Что же происходит, когда залогодателем выступает иное физическое или юридическое лицо? В подобной ситуации угроза (риск)

имущественных потерь связывает не подозреваемого (обвиняемого), а указанное иное физическое или юридическое лицо. Возникает вопрос: что же связывает подозреваемого, обвиняемого в таком случае? В юридической литературе распространенным является суждение, согласно которого в означенной ситуации сдерживающим подозреваемого, обвиняемого фактором выступает не риск имущественных потерь, а фактор моральной ответственности подозреваемого, обвиняемого перед залогодателем. Например, по мнению Ткачевой Н.В., «в подобных случаях залог…опирается…на моральные обязанности обвиняемого перед другими лицами или организацией, внесшими залог» [4, с. 151]. Однако если на первый план при определении существа воздействия на поведение подозреваемого, обвиняемого выходит фактор его моральной ответственности перед залогодателем, то, на наш взгляд, следует вести речь не о залоге, а о такой мере пресечения, как личное поручительство, моральная составляющая которой – основной механизм воздействия на поведение подозреваемого, обвиняемого. Как отмечается в юридической литературе, «личное поручительство основано на том, что в случае нарушения меры пресечения ответственность за эти действия обязанного лица несет не только нарушитель…но и поручители. Через ответственность поручителей на подозреваемого, обвиняемого либо подсудимого оказывается косвенное моральное воздействие» [3]. Если существо воздействия лежит в области морально-нравственной, то избираться должна мера пресечения в виде личного поручительства, нарушение которой влечет за собой куда более сдержанные материальные последствия для поручителя (по сравнению с залогодателем). Десять тысяч рублей – вот согласно УПК РФ цена нарушения сдерживавшего подозреваемого (обвиняемого) до поры до времени морального фактора.

Изменение воздействующего на подозреваемого, обвиняемого фактора с имущественного на моральный приводит к снижению эффективности залога. Более того, дает основание говорить о том, что перед нами другая мера пресечения. «Полагая, что все меры пресечения направлены на достижение одних и тех же целей, надо признать различную степень эффективности у каждой меры пресечения» [5, с. 17]. Поэтому уголовно-процессуальным законом и установлены различные виды мер пресечения, расположены они при этом в порядке от менее к более строгой. Залог, безусловно, является более строгой мерой пресечения, чем личное поручительство. Однако в анализируемой ситуации залогу предпосылается механизм воздействия, свойственный личному поручительству, т.е. менее строгой мере пресечения.

Логика законодательной конструкции залога предписывает при определении его размера учитывать значимость именно для подозреваемого, обвиняемого потенциальной утраты предмета залога, в том числе, видимо, и в случае, когда залогодателем выступает другое лицо[6]. Обратное означало бы, что угроза имущественного лишения подменяется угрозой нарушения морального обязательства, что не является, как отмечалось, достаточным обеспечительным средством надлежащего поведения лица, в отношении которого избирается данная мера пресечения [7]. Воздействие должно оказываться на данное лицо, а не на залогодателя. Однако положения действующего уголовно-процессуального закона позволяют сделать вывод о том, что в анализируемом случае воздействие оказывает на подозреваемого, обвиняемого, по всей видимости, то положение залогодателя, в которое последний попадет при нарушении подозреваемым, обвиняемым залоговых обязательств (если исходить из требования закона учитывать его материальное положение, а размер залога определять из того, насколько значимой станет его утрата для залогодателя) [8]. Подобный подход, на наш взгляд, неверен. Значимость имущественной утраты должна определяться материальным положением подозреваемого, обвиняемого, а не залогодателя. Угроза имущественной потери должна связывать подозреваемого, обвиняемого; в расчет должно приниматься именно его имущественное положение, чтобы обращенные к нему залогодателем регрессные требования в своем масштабе внушали ему мысль о недопустимости уклонения от явки к следователю, совершения нового преступления.

Таким образом, необходимо внести изменения в действующий уголовно-процессуальный закон, исключив для всех иных, кроме подозреваемого (обвиняемого), лиц возможность выступать в качестве залогодателя.

---

1. Величко А.В. Правовое регулирование применения залога в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 60.

2. Еникеев З.Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань, 1982. С. 43.

3. Оськина И., Лупу А. Господин поручитель // ЭЖ-Юрист. 2012. № 40 (СПС «КонсультантПлюс»)

4. Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России. Челябинск, 2004. С. 151.

5. Химичева О.В., Плоткина Ю.Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: монография. М., 2012. С. 28.

6. Беляева А.А., Чаплыгина В.Н. О некоторых проблемах реализации адвокатского расследования на досудебных стадиях уголовного процесса // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 55-60.

7. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex Russica. 2015. № 7. С. 37-42.

8. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 294-298.

Ключевые слова: мера пресечения, залог, обвиняемый, подозреваемый, расследование.

УДК 343.3

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ «ЭЛЕКТРОННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ»

Вехов Виталий Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1

В статье рассматриваются актуальные теоретические и прикладные проблемы совершенствования предварительного расследования на основе новой частной криминалистической теории – криминалистического исследования компьютерной информации, средств ее обработки и защиты. Исследуются ее содержание, системные элементы и другие общие положения.

На современном этапе развития науки и техники, в сложных условиях борьбы с преступностью компьютеризация деятельности органов предварительного расследования приобретает исключительно важное значение. Так, в соответствии со ст. 11 Федерального закона «О полиции» (от 07.02.2011 № 3-ФЗ) она в своей деятельности должна применять достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру (п. 1). При этом федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел обеспечивает полиции возможность использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет, автоматизированных информационных систем и интегрированных банков данных (п. 4).

Следственный комитет Российской Федерации в целях реализации своих полномочий имеет право создавать и использовать информационные системы и базы данных в установленной сфере деятельности [1].

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий широко применяются информационные системы специального назначения [2], а также программно-технические средства и компьютерные устройства для осуществления [3]:

– наблюдения;

– отождествления личности;

– контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, например, электронных;

– прослушивания телефонных переговоров;

– снятия информации с технических каналов связи;

– контролируемой поставки;

– получения компьютерной информации [4].

Это объективный процесс, поскольку «по мере возрастания уровня технической оснащенности органов дознания и следствия, – писал Р.С. Белкин, – расширяется ассортимент технико-криминалистических средств» [5].

Анализ юридической литературы, материалов следственной и судебной практики свидетельствует о том, что электронные следы – электронные носители и содержащаяся в их памяти криминалистически значимая компьютерная информация стали все чаще использоваться в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях различных видов [6]. В связи с массовым использованием в уголовном судопроизводстве материальных носителей рассматриваемой категории и содержащейся в их памяти информации УПК РФ был дополнен

нормами, регламентирующими порядок работы с ними, о чем мы писали ранее [7].

Вместе с тем, в настоящее время невозможно представить криминалистическую фотографию и видеозапись – без средств цифровой фото- и видеосъемки, документоведение – без компьютерных средств обработки и исследования документов, габитоскопию – без компьютерных средств создания субъективных портретов и восстановления прижизненного облика лица по его костным останкам черепа, дактилоскопию – без средств автоматизированной обработки и идентификации следов рук, оружиеведение – без компьютерных средств исследования и идентификации следов выстрела на гильзах и пулях, криминалистическую регистрацию – без информационно-поисковых и аналитических систем, исследование электронных доказательств – без соответствующего программно-технического инструментария.

Деятельность органов предварительного расследования в современных условиях борьбы с преступностью, по нашему мнению, должна также базироваться на системе научных положений и разрабатываемых на ее основе инновационных технико-криминалистических средств нового поколения – автоматизированных методик расследования отдельных видов преступлений, а также приемов, методов и рекомендаций по их использованию в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений [8].

К сожалению, как правильно отмечает Е.Р. Россинская, закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков доказательственной компьютерной информации, за исключением рассмотрения этих вопросов в рамках методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации, криминалистикой изучаются пока явно недостаточно. Литература на эту тему носит неупорядоченный фрагментарный характер. Возможности получения и использования подобной информации большинству сотрудникам органов предварительного расследования и судьям неизвестны, и думается, что для исследования компьютерных средств, систем, сетей и обрабатываемой с их помощью информации необходим особый комплекс специальных знаний. В связи с чем, предлагается новая частная теория, которая должна объединять криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; рассмотрение в криминалистической тактике особенностей алгоритма и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной информации и служить базой для разработки новых и совершенствования имеющихся методик расследования компьютерных

преступлений [9]. Относительно этого положения отметим следующее.

Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты – «Электронную криминалистику» определим как систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Подразделим ее на следующие направления:

1. Криминалистическое учение о компьютерной информации.

2. Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей.

3. Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты.

Криминалистическое учение о компьютерной информации – это первый подраздел «Электронной криминалистики», который занимается изучением закономерностей возникновения и сокрытия электронных следов и разработкой этой основе технических средств, приемов и методов по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В его систему должны входить:

1) криминалистическое исследование документированной компьютерной информации (электронных документов, их отдельных реквизитов, в том числе динамичной и статичной электронной подписи, а также электронно-цифровых ключей);

2) криминалистическое исследование вредоносных компьютерных программ (информационно-программного оружия и следов его применения).

Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей является вторым подразделом. Он представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методов по исследованию компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей как материальных носителей криминалистически значимой компьютерной информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В его структуре целесообразно выделить криминалистические исследования следующих видов носителей электронных следов:

1) машинных носителей информации;

2) интегральных микросхем и микроконтроллеров;

3) пластиковых карт и других комбинированных документов, имеющих электронные реквизиты;

4) компьютеров – электронных вычислительных машин (ЭВМ);

5) информационных систем;

6) информационно-телекоммуникационных сетей.

Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты – третий подраздел «Электронной криминалистики». Определим его как систему научных положений и разрабатываемых на их основе специальных программно-технических средств, а также приемов, методов и рекомендаций по использованию компьютерных технологий и средств защиты информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Основные направления его развития состоят в применении в целях борьбы с преступностью:

1) общедоступных, а также специальных компьютерных программ и устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, например: автоматизированных методик расследования преступлений отдельных видов; информационных систем и сетей, обеспечивающих ведение и использование розыскных, криминалистических и экспертно-криминалистических учетов; производство криминалистических экспертиз и исследований;

2) программно-технических средств защиты информации, циркулирующей в сфере уголовного судопроизводства, документов, огнестрельного оружия, боеприпасов и чужого имущества;

3) компьютерной информации, в том числе электронных документов, как доказательств по уголовным делам – электронных доказательств.

Как мы писали ранее [10], природа информации, носителями которой выступают объекты следообразования, различна. Следообразующий объект выступает носителем непосредственной, первичной информации, выражающейся в совокупности присущих ему индивидуальных и устойчивых свойств и признаков. Следовоспринимающий объект – это носитель отраженной, производной от первого объекта информации, возникшей вследствие их контакта. В результате устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с расследуемым событием.

Но следовоспринимающий объект несет информацию не только об отражаемом объекте. Он является также носителем информации о механизме следообразования, то есть о действиях с отражаемым объ-

ектом или самого отражаемого объекта. Эта информация передается от системы к системе при помощи каких-либо материальных носителей в виде сигнала, который является отображением сообщения и средством переноса информации в пространстве и во времени.

Сигнал может иметь самую различную физическую природу, в том числе электромагнитную. Он включает в себя содержание информации и форму информации. Отображение определенных свойств объекта или события составляет содержание сигнала. Материальная же его основа как средство отображения, хранения и перемещения служит его формой.

Следы, образующиеся при использовании преступником в качестве средства и (или) предмета преступления компьютерной информации, есть отдельная составная часть системы материально фиксированных следов. Они являются объектом поиска, фиксации, изъятия, предварительного и судебно-экспертного исследования по уголовным делам о преступлениях различных видов, а также источником собираемой и используемой в уголовном судопроизводстве доказательственной информации.

В соответствии с примечанием 1 к статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

Общие криминалистические признаки компьютерной информации целесообразно определить следующим образом:

1) является одной из объективных форм существования информации – электронной формой*;*

2) всегда опосредована через материальный – электронный носитель, вне которого физически не может существовать;

3) доступ к компьютерной информации могут одновременно иметь несколько лиц;

4) достаточно просто и быстро преобразуется из неэлектронных форм в электронную и обратно, например, при сканировании документа с бумажного носителя и последующей распечатки на бумаге его электронного образа;

5) копируется на различные виды электронных носителей и пересылается на любые расстояния, ограниченные только радиусом действия современных средств электросвязи;

6) обнаруживаются, копируются, исследуются и используются в целях уголовного судопроизводства только с помощью специальных

научно-технических средств – средств поиска, сбора, хранения, обработки, передачи и предоставления компьютерной информации.

Компьютерную информацию представляется возможным классифицировать по следующим криминалистическим основаниям.

1. По юридическому положению: недокументированная и документированная. Первая – это данные, управляющие команды и сигналы, образующиеся и (или) используемые в процессе обработки информации и не обладающие признаками документа, например, логин и пароль доступа к сети Интернет или ее ресурсу, сетевой адрес, доменное имя, ключ электронной подписи. Вторая – это зафиксированная на электронном носителе путем документирования информация с электронными реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель.

2. По режиму уголовно-правовой охраны: информация общего пользования и охраняемая законом.

3. По форме представления: файл, сетевой адрес, доменное имя, информационная система, база данных, программа для ЭВМ (компьютерная программа), электронное сообщение, электронная подпись, электронный документ, электронный журнал, электронные денежные средства, сайт, страница сайта.

4. По возможности использования в качестве информационного оружия [11]. К этой категории относится вредоносная компьютерная программа – компьютерная программа либо иная компьютерная информация, которая предназначена для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты (ч. 1 ст. 273 УК РФ). Она является разновидностью информационного оружия – информационно-программным оружием, которое основано на применении разрушающего программного воздействия на аппаратное, программно-математическое обеспечение, компьютерную информацию, в том числе на средства ее защиты, информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети. Фактически, вредоносные компьютерные программы представляют собой программные автоматы – самодействующие в электронной среде виртуальные устройства, производящие работу по заданной преступником программе без его непосредственного участия. Они являются как предметом отдельного, предусмотренного ст. 273 УК РФ, так и средством совершения других преступлений.

Подводя итог изложенному отметим, что эффективное совершенствование деятельности органов предварительного расследования

Российской Федерации в современных условиях борьбы с преступностью, а также в ближайшем и более далеком будущем невозможно без широкого использования теоретико-прикладных знаний в области «Электронной криминалистики» – новой динамично развивающейся частной криминалистической теории.

---

1. Положение о Следственном комитете Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38). П.п. 4 п. 8.

2. Вехов В.Б. Применение информационных систем специального назначения в раскрытии и расследовании преступлений // Оперативно-разыскное право: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.В. Павличенко. Волгоград: ВА МВД России, 2013. С. 26-32.

3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Ст. 6.

4. Вехов В.Б. Тактика получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник Волгоградской академии МВД России, 2012. № 1 (20). С. 79-82.

5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 38.

6. Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград: ВА МВД России, 2008. С. 8.

7. Вехов В.Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь, 2013. № 10. С. 22-23.

8. Вехов В.Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 8-11.

9. Россинская Е.Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. С. 110.

10. Вехов В.Б. Электронные следы в системе криминалистики / В.Б. Вехов, Б.П. Смагоринский, С.А. Ковалев // Судебная экспертиза. Выпуск 2 (46) 2016: науч.-практ. журнал. Волгоград: ВА МВД России, 2016. С. 10-19.

11. Вехов В.Б. Вредоносные компьютерные программы как предмет и средство совершения преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. М.: Ака-

демия Следственного комитета Российской Федерации, 2015. № 2. С. 43-46.

Ключевые слова: электронная криминалистика, цифровая криминалистика, электронные следы, электронные доказательства, компьютерные технологии в криминалистике.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ХИЩЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ОТ ЕГО УГОНА

Галкина Ульяна Викторовна,
преподаватель кафедры предварительного расследования,
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя»,
117997, г. Москва, ул. Волгина, д. 12

В статье рассматриваются проблемы разграничения хищения транспортного средства от его угона. Автором подчеркивается, что важно установить умысел, то есть какими стремлениями руководствовался субъект непосредственно при завладении автотранспортом, а также в момент приготовления к преступлению.

Хищение автомобилей и иных транспортных средств различными способами (тайным, открытым способом, путем обмана или злоупотребления доверием, нападением в целях хищения) в уголовном законодательстве относится к категории тяжких преступлений против собственности. Раскрытие и расследование данных преступлений является одним из важных приоритетных направлений в деятельности МВД России. Статистические данные говорят о том, что остаются нераскрытыми десятки тысяч преступлений. В ходе расследования данного вида преступлений крайне важно установить отличие хищений автотранспорта от других смежных преступлений, в частности от неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угона). Правильное разграничение смежных преступлений имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку обеспечивается правильное применение следственными органами законодательства при проведении предварительного следствия. Соглашаясь с мнением В.Н. Кудрявцева о том, что: « чтобы правильно квалифицировать преступление, крайне важно

четко представлять себе разграничительные черты между смежными преступлениями, так как разграничение преступления «есть оборотная сторона квалификации»[1] выделим основные различительные критерии.

Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» в п. 28. указывает, что «Судам при рассмотрении дел о хищении транспортного средства надлежит выяснять, какие исследованные в судебном заседании обстоятельства подтверждают умысел лица, совершившего завладение указанным транспортным средством, на обращение его в свою пользу или пользу других лиц. Если суд установит, что указанные неправомерные действия лица совершены лишь для поездки на угнанном автомобиле (транспортном средстве) или в иных целях без корыстных побуждений, содеянное при наличии к тому оснований подлежит правовой оценке как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения по соответствующей части статьи 166 УК РФ, при условии, если такая квалификация содеянного не ухудшает его положение.»[2]. Руководствуясь данными требованиями, в ходе производства предварительного следствия, для правильной квалификации рассматриваемых составов преступлений, следует тщательно устанавливать цель и мотив преступления при хищении автотранспорта и угона [3]. В большинстве случаев умысел виновных по объективным признакам установить сложно, то подозреваемый при задержании с поличным пользуется этим и более одной трети преступников поясняют свои действия, как направленные на неправомерное завладение без цели хищения (ст. 166 УК РФ). Данный факт объясняется тем, что санкция за угон более мягкая, чем за хищение. В связи с этим более 30% уголовных дел ошибочно возбуждаются по признакам преступления, предусмотренным ст. 166 УК РФ [4]. Если рассматривать объективные признаки хищения транспортного средства, то они совпадают с угоном. Объект и предмет идентичны, механизмы завладения автомобилем в обоих деяниях могут быть одинаковыми.

Началом того и другого преступления будет незаконное изъятие транспортного средства из правомерного владения. При хищении автомобиль также перемещается с места, где его оставил владелец, тем самым действия, предусмотренные ст. 166 УК РФ, в сущности являются частью объективной стороны, предусмотренной ст. 158 УК РФ [4]. В результате преступных деяний как хищения, так и угона собст-

веннику транспортного средства причиняется материальный вред. Отличие между ними в том, что имеются или нет признаки безвозмездности изъятия и корыстной цели. Под хищением всегда понимается безвозмездное изъятие имущества. Данный признак характеризуется следующими критериями. В первую очередь, имущество изымается без предоставления соответствующего материального вознаграждения, во-вторых, изъятие осуществляется не на определенный промежуток времени, а совсем, без намерения возвратить его законному владельцу. В случае угона лицо тоже ничего не оставляет взамен транспортного средства, которым оно завладело. При этом завладение осуществляется исключительно на определенное время, и субъект не намеревается навсегда обратить угнанное транспортное средство в свою пользу или в пользу других лиц. Мотивами угона могут служить корысть, месть, шалость, необходимость доставить груз или доехать до определенного места, любознательность, этническая неприязнь, пренебрежение к общественным стандартам, с целью совершения или сокрытия другого более тяжкого преступления и т. д. В таких случаях после достижения поставленной цели угонщик автомобиля непременно оставляет его в каком-либо месте, после чего скрывается. Уголовно-правовая оценка таких угонов трудностей не представляет. Большую трудность в квалификации представляет ситуация, если лицо застигнуто с поличным и не успело распорядиться имуществом [6].

Какие конкретно признаки должен учитывать следователь при отграничении хищения от угона? Иногда считают, что завладение автомобилем путем проникновения в гараж образует угон, но не хищение. Такая квалификация не всегда будет правильной. Указанные обстоятельства ставят перед правоприменителями вопрос, как квалифицировать деяние, если преступление совершено в условиях не очевидности, когда завладение транспортным средством совершено с проникновением в гаражное помещение? В случае если умысел преступников направлен на угон автотранспорта, а не на его хищение, то зачем необходима тщательная подготовка к преступлению? Почему, для завладения автотранспортом, без цели хищения, требуется преодолевать такие трудные препятствия для проникновения в помещение, как взлом гаражных ворот, пролом стены либо крыши в гаражном помещении и т.п.? Неужели преодоление и устранение данных препятствии совершается исключительно только для того, чтоб добраться на транспортном средстве до определенного места, или перевести груз, или просто покататься? Данные мотивы совершения угона автотранспорта из гаражного помещения представляются мало вероятными. Исходя из выше сказанного, мы полагаем, что данное деяние, совер-

шенное в условиях не очевидности, связанное с проникновением в гаражное помещение совершается с целью хищения, а не угона транспортного средства. Поэтому целесообразнее квалифицировать преступление, совершенное в условиях неочевидности с проникновением в гараж с последующим завладением автотранспортом по ч. 2 ст. 158 УК РФ как хищение, а не угон. Проникновение при угоне это составная часть незаконного завладения автомобилем, которое охватывается ст. 166 УК РФ. Так же угон автомобиля возможен вместе с лицом управляющим данным транспортным средством, что невозможно при хищении транспортного средства. Действия преступника никак нельзя рассматривать как хищение транспортного средства, если потерпевший находится в салоне автомобиля и тем более управляет им [7].

Сложнее дело обстоит, когда действия лица, неправомерно завладевшего автотранспортом, пресекаются работниками полиции или другими гражданами. В таких случаях в процессе предварительного следствия крайне важно тщательно исследовать цели и мотивы угона транспортного средства и в зависимости от этого квалифицировать совершенное преступление. О хищении автотранспорта можно говорить, когда виновный изменил окраску транспортного средства, номера его государственной регистрации, номера двигателя, кузова, систематически использовал транспортное средство для платной перевозки грузов или людей. Так, П. и В. угнав грузовой автомобиль «МАЗ» с территории охраняемой стоянки несколько месяцев тщательно скрывали его в гаражном боксе, осуществили перекраску автомобиля, поменяли государственные номера. С скрыть хищение и обеспечить возможность пользоваться автомобилем целью, используя поддельные документы они перевозили гражданам различные грузы на территории нескольких субъектов Российской Федерации. Данное преступление было квалифицировано по ст. 158 УК РФ - как хищение транспортного средства.

Не стоит забывать, что важно установить умысел, то есть какими стремлениями руководствовался субъект непосредственно при завладении автотранспортом, а также в момент приготовления к преступлению. Преступление считается хищением, если умысел субъекта изначально был направлен на завладение транспортом с целью последующего изъятия отдельных частей и деталей автомобиля или его целиком. Стоит заметить, что для признания преступления окоченным достаточно того момента, когда лицо начинает движение на автомобиле, поскольку у лица появляется реальная возможность воспользоваться и распорядиться им по своему усмотрению. Размер вреда, причиненного хищением, определяется стоимостью всего транспортного

средства. Тот факт, что субъект имел умысел на хищение отдельных деталей или узлов, не влияет на общий размер вреда, так как преступление уже окончено [8].

Анализ сложившейся следственной практики показывает, что в случае если угнанное транспортное средство найдено исправным и комплектным в течение 3 суток, то есть в срок, установленный уголовно-процессуальным законодательством для проведения предварительной проверки заявления или сообщения о преступлении (в порядке ст. 144 УПК РФ) то, имеются достаточные данные для возбуждения уголовного дела по факту угона. В противном случае уголовное дело возбуждается по признакам хищения. В случае его последующего обнаружения исправным и укомплектованным квалификация может быть изменена на ст. 166 УК РФ, но только в тех случаях, если нет оснований полагать что умысел был направлен на хищение. Например: автомобиль обнаружен во дворе многоквартирного дома накрытый тентом, для его сокрытия.

Выше сказанное позволяет резюмировать, что только полученные в ходе предварительного следствия ответы дадут возможность следователю осуществить правильную квалификацию уголовно наказуемого деяния связанного с хищением или незаконным завладением автотранспортным средством.

---

1. Кудрявцев В.Н. Квалификация преступлений. М., 2004. С.91.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 24.05.2016) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения" [Электронный ресурс]. Режим доступа СПС КонсультантПлюс.

3. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции : В 2 томах. 2015. С. 228-231.

4. Сухов С.Н. Расследование преступлений, связанных с криминальным автобизнесом: автореферат дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 14.

5. Плодовский Ю.В. Проблемы отграничения кражи автомобиля от завладения автомобилем без цели хищения (угона) // Юридическая наука. 2012. № 3.

6. Чаплыгина В.Н., Морозова Н.В. Совершенствование практики производства допроса лиц, обладающих свидетельским иммуните-

том // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 94-96.

7. Ситдикова Г.З., Чаплыгина В.Н. Тенденции совершенствования уголовно-процессуальной регламентации следственных действий // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2016. № 4. С. 176-179.

8. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Новеллы реформирования проверки сообщений о преступлениях: проблемы реализации и пути совершенствования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 24-31.

Ключевые слова: хищение, угон, транспортное средство, размер вреда, транспортное средство, потерпевший.

УДК 343.1

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Головчанский Алексей Владимирович,
преподаватель кафедры криминалистики,
Воронежский институт МВД России,
394065, г. Воронеж, пр-т Патриотов, д. 53

В статье изложены возможности установления механизма и анализа обстоятельств дорожно-транспортных происшествий с использованием компьютерного моделирования, рассмотрены проблемы использования результатов компьютерного моделирования в процессе доказывания.

Дорожно-транспортное происшествие (ДТП) – сложное явление, которое, как правило, является результатом стечения множества обстоятельств, образующих совокупность причин и следствий. Ему всегда сопутствует значительное число разнообразных факторов, лишь небольшая часть которых действительно способствовала возникновению и развитию ДТП. Установить эти факторы, причины их появления, степень воздействий на ход происшествия и, наконец, все это соотнести с действиями лиц, участвовавших в ДТП, является не простой задачей, решить которую достаточно сложно, в особенности при расследовании ДТП, совершенных в условиях неочевидности. Особенно-

стью большинства ДТП, характеризующихся быстротечностью, сложностью восприятия, субъективностью оценки, является неочевидный характер обстоятельств, при которых они произошли.

Таким образом одной из важнейших задач расследования дорожно-транспортных преступлений, является установление всех обстоятельств при которых проистекало дорожно-транспортное происшествие, познание его механизма и всех элементов цепочки водитель – автомобиль – дорога – среда в их взаимосвязи.

Основными методами установления и анализа механизма ДТП: комплексное исследование вещной обстановки (следовой картины) на месте ДТП, сопоставление показаний участников и очевидцев происшествия, инженерные расчеты, оценка действий участников дорожного движения, моделирование ситуации, сопоставление с нормативными документами и т.д.

Для детального исследования отдельных аспектов ДТП необходимо привлекать лиц, обладающих специальными знаниями в области автотехнической экспертизы. При расследовании дел данной категории часто возникает потребность в экспертных исследованиях, которые во многом позволяют реконструировать обстоятельства происшествия, проследить его динамику, раскрыть механизм. Установленные экспертами факты способствуют успешному раскрытию ДТП. Таким образом познание обстоятельств, механизма дорожно-транспортного происшествия сводится к воссозданию и анализу его модели, реконструкции произошедших событий.

В мировой практике, в настоящее время, все чаще для реконструкции обстоятельств ДТП применяются компьютерные технологии. На мировом рынке программного обеспечения, существует достаточно много различного рода программных средств, так или иначе применяемых при анализе ДТП. Данные программные продукты применяются как автопроизводителями, которые еще на стадии проектирования досконально проверяют каждую модель во всех аварийных ситуациях, так и при производстве экспертных исследований. Можно выделить несколько групп программных комплексов, используемых в практике судебной автотехнической экспертизы.

К первой из них относятся – программы, выполняющие вспомогательные расчеты по известным формулам.

Вторую группу составляет программное обеспечение, при помощи которого имеется возможность производить расчеты и их результаты представить в виде статических иллюстраций в виде графиков, диаграмм.

Третья группа – программы, которые позволяют создавать иллюстрации к заключениям традиционных автотехнических экспертиз в виде двухмерной или трехмерной анимации.

Четвертую группу программ представляют программные комплексы автоматизированного решения экспертных задач.

Более развернутую классификацию программного обеспечения для решения задач реконструкции и анализа ДТП предлагают С.А. Евтюков и Я.В. Васильев [1].

1. По виду решаемых задач:

1.1.Визуализация моделируемого процесса или его частей.

1.2. Математический анализ:

- дорожно-транспортной ситуации;
- характеристик движения изучаемых объектов;
- перемещений, деформаций и усилий в модели тела пешехода, тела пассажира, узлов, агрегатов и элементов кузова транспортного средства;
- работы конструкций и узлов транспортного средства;
- специализированная обработка информации (обработка точек измерений с GPS приемника, обработка растровых изображений).

2. По адекватности результата реконструкции реальному процессу:

2.1. Полноадекватные.

2.2. Оценочные:

- с жесткими ограничениями и допущениями;
- с варьирующимися исходными данными.

3. По используемому математическому аппарату:

3.1. Комбинированные.

3.2. Набор аналитических и эмпирических зависимостей.

3.3. Векторной алгебры (кинетикомассовый расчет).

3.4. Метод конечных элементов.

Математической логики и нейронных сетей.

4. По требуемым ресурсам:

4.1. Для любых современных ПК;

4.2. Для многопроцессорных станций.

4.3. Для графических станций.

4.4. Для КПК и коммуникаторов.

5. По уровню подготовки специалиста:

5.1. Доступное для большинства инженеров.

5.2. Доступное для специально подготовленных специалистов.

5.3. Используемое группой специалистов различной подготовки.

5.4. Используемое группой ученых.

Возможности графических программ трёхмерного моделирования предлагается использовать в качестве средства иллюстративного представления этапов экспертного исследования и выводов. По мнению ряда специалистов, использование иллюстраций в качестве приложения к заключению автотехнических, транспортно-трасологических экспертиз, позволит участникам уголовного судопроизводства, которые, как правило не обладают специальными знаниями в области автотехники, более полно и адекватно оценить содержание проведенных исследований и основания сделанных выводов. Такие программы значительно повышают наглядность и понятность экспертных исследований. Иными словами, видеоприложения к заключению эксперта используются как более эффективное средство представления нового материала лицам, несведующим в данной области знаний. По мнению В.Н. Ли, такое представление результатов исследования должно донести до других участников процесса те источники и основания, на которых базируется внутреннее убеждение эксперта, состояние твердой уверенности в истинности полученных результатов и правильности их оценки, достаточной для формулирования выводов [2].

Более сложным и неоднозначным представляется использование при производстве автотехнических, транспортно-трасологических экспертиз программных продуктов динамического моделирования и анализа движения транспортных средств и их соударений.

Наиболее часто в экспертной практике для реконструкции механизма дорожно-транспортных происшествий используются программные комплексы CARAT (Computer Assistid Reconstruction of Accidents in Traffi) «CARAT-3, CARAT-4», представляемый германской компанией IbB-Engineering и PC-CRASH с сопутствующим модулем (PC-Rect) Австрийского разработчика Dr. Steffan Datentechnic Ges.m.b.H. Аналогичные программные решения предлагаются программой экспертного анализа «ANALYSER PRO» (представляемый Dr. Werner Gratzer), Vista Crash.

Вышеуказанные программные модули на первый взгляд имеют аналогичную структуру и оболочку, но в то же время основаны на применении к анализу механизма ДТП различных математических моделей и имеют свои особенности.

Программный продукт «CARAT-3» предназначен для анализа столкновений автотранспортных средств, моделирования динамики и кинематики их движения, а так же решения других задач при анализе дорожно-транспортных происшествий. Основу математической модели, описывающей движение автотранспортных средств составляют уравнения Лагранжа 2-го рода, преобразованные с учетом специфики

динамики транспортных средств. Для анализа столкновений используется классическая теория удара, теория соударений автомобилей на основе так называемого метода эквивалентной энергии [3]. Данный программный модуль позволяют моделировать движение в динамическом либо кинематическом режимах, а так же проводить анализ столкновений.

Динамический режим рассматривает реальное движение транспортного средства и других объектов с учетом действия внешних сил и управляющих воздействий (угол поворота рулевого колеса, сила нажатия на тормозную педаль и т.п.)

Кинематический режим рассматривает движение с учетом кинематических (известных либо заданных) параметров.

Создавая трёхмерную анимацию, имеется возможность представлять изображение из любой точки, в том числе сделать это изображение динамическим – таким образом могут решаться задачи по определению видимости с места водителя в процессе движения автотранспортного средства.

Программный комплекс PC-CRASH – это профессиональная программа для моделирования и экспертизы дорожно-транспортных происшествий, позволяющая произвести анализ деформаций транспортных средств, траекторий движения транспортных средств, состояние дорожного покрытия и травмы людей - участников ДТП. Создаваемая компьютерная модель ДТП позволяет вмещать до 32 транспортных средств, и всех участвовавших в ДТП водителей, пассажиров и пешеходов. Программа предназначена для экспертного анализа ДТП типа машина-машина, машина-мотоцикл, машина-пешеход, опрокидывания транспортных средств, повреждений пассажиров и водителей при ДТП. Программа PC-Crash применяет несколько различных моделей расчета, включая импульсно-толчкообразную модель аварии, модель удара на основе жесткости, кинетическую модель для реалистичной имитации траектории движения и простую кинематическую модель для изучения времени и дистанции. При реконструкции обстоятельств ДТП учитываются дорожные условия: участки с разными коэффициентами сцепления покрытия, уклоны поверхностей, учитывается сопротивление воздуха (ветровая нагрузка). PC-CRASH позволяет вычислить скорость ТС перед столкновением по известным исходным данным: месту столкновения, взаимному положению транспортных средств в момент столкновения, конечным положениям после столкновения, режимам движения транспортных средств после столкновения до места остановки. Так же рассчитывает траектории и скорости движения транспортных средств перед столкновением, в мо-

мент контакта и после столкновения, а так же другие многочисленные параметры. При моделировании учитываются: характеристики работы двигателя, параметры трансмиссии (передаточные числа), модель шин каждого колеса, параметры работы подвески, распределение нагрузки в транспортном средстве, время срабатывания тормозной системы, рулевого привода, скорость вращения рулевого колеса, угол поворота колес, параметры работы тормозной системы [4].

Постоянное развитие технических средств компьютерной техники, позволяет моделировать контакт транспортных средств, на основе данных получаемых с места ДТП, таких как следы торможения, заноса и волочения, на основе анализа данных фотограмметрической съемки, съемки GPS и лазерного сканирования.

В общем, процесс реконструкции дорожно-транспортного средства можно условно разделить на несколько этапов.

1. Первый этап – осмотр места дорожно-транспортного происшествия. На данном этапе фиксируется вещная обстановка участка местности, где произошло ДТП, с привязкой мест расположения основных следов и объектов. Для более качественной и полной фиксации обстановки на месте ДТП, с целью последующей реконструкции данного участка местности в компьютерной модели, рекомендуется применение GPS-съёмки, лазерного сканирования, либо масштабного фотографирования. Если данных, зафиксированных при первоначальном осмотре места дорожно-транспортного происшествия недостаточно, для построения адекватной модели местности, может быть произведен дополнительный осмотр места происшествия. Таким образом, главной целью такого осмотра места происшествия является получение опорного плана местности в цифровом виде. Это может быть фотоплан в виде растровых масштабных изображений, так и Графический план в виде векторных масштабных изображений.

2. На втором этапе производится детальный осмотр транспортного средства. На данном этапе фиксируется следовая картина транспортного средства, а так же техническая информация, которая так же может быть получена из базы данных по транспортным средствам. Информация может быть представлена в виде векторных масштабных моделей (послойные модели), конечно-элементных моделей, фотографических масштабных изображений. Цель данного этапа состоит в построении компьютерной модели транспортного средства. Это может быть простая модель без описания свойств элементов и положения центра тяжести, модель с заданными свойствами элементов и положения центра тяжести, либо фотопланы в виде растровых масштабных изображений.

3. На третьем этапе проводится анализ столкновения и дорожно-транспортной ситуации инструментами соответствующих программных средств. На данном этапе может проводиться исследование по методу установления факта контакта-взаимодействия, установление кинематических и динамических характеристик удара, а так же исследование отдельных факторов и параметров движения транспортного средства на всех исследуемых стадиях.

4. На четвертом этапе производится пространственное и математическое моделирование обстоятельств и механизма ДТП с выводом визуализированной модели движения каждого из транспортных средств и визуализация модели дорожно-транспортного происшествия на всех стадиях.

5. На последней, пятой стадии производится формирование пространственной сцены и отчета. На данной стадии формируется покадровая реконструкция стадий ДТП, рендеринг видеороликов, а так же конечное редактирование и компоновка отчёта (заключения) экспертом.

Между тем, не смотря и на все преимущества упомянутых программных комплексов, они не являются эталонными и не всегда позволяют с абсолютной точностью воспроизвести модель произошедшего ДТП, особенно при установлении механизма касательных столкновений. Кроме того, программные комплексы, предназначенные для компьютерного моделирования обстоятельств ДТП используют упрощенные модели. Алгоритмы и модели расчетов, заложенные в основе указанных программных комплексов допускают некоторые погрешности при расчетах. Величина этих погрешностей иногда может быть значительной. Поэтому основополагающее значение при производстве экспертизы с использованием таких программ является квалификация, база знаний и опыт эксперта.

Следует отметить, что программные средства реконструкции дорожно-транспортного происшествия – это лишь инструмент в руках эксперта и соответственно, объективность результатов, полученных экспертом и адекватность полученной модели ДТП во многом зависит как от полноты представленных эксперту исходных данных, так и от квалификации эксперта, его опыта и базы знаний. Информационное поле эксперта по анализу ДТП складывается из его базы знаний (и навыков работы с ней), объектов пространственно-следовой и вещественной информации, а также информационного поля инструментов используемых в его исследованиях.

Применяемые в практике автотехнических экспертиз программные комплексы предназначены, прежде всего, для подтверждения и

визуализации некоторой логической и обоснованной версии, которую эксперт-автотехник должен иметь ещё до начала работы с программой. Никакая программа не может заменить эксперта, а предназначена она для того, чтобы с наименьшими затратами получить более качественный результат. Использование технических средств не освобождает эксперта от определенных знаний и опыта.

На сегодняшний день существует неоднозначное отношение как юристов, так и специалистов к результатам исследований, проведенным с использованием программных комплексов реконструкции и анализа ДТП. С одной стороны на интернет-сайтах многих негосударственных экспертных учреждений приводятся положительные отзывы о практике использования такого программного обеспечения. Разработчиками данных программ докладывается о проведенных многочисленных опытных испытаниях, в результате которых результаты моделирования имели достаточное сходство с результатами реальных краш-тестов. Однако в ряде случаев судами такие экспертизы признаются недопустимыми доказательствами.

Правомерность того или иного средства или метода в судебной экспертизе должна определяться исходя из общих принципов допустимости научно-технических средств и методов в судопроизводстве [5].

Рассматривая вопрос о допустимости методик автотехнических и транспортно-трасологических судебных экспертиз с использованием программных средств моделирования, следует учесть, что согласно требованиям действующего законодательства, выбор применяемой экспертом методики не регламентируется и прямо зависит от решения эксперта [6]. В последние годы на межведомственном уровне проходит «паспортизация» экспертных методик, цель которой организация единого подхода к решению одинаковых экспертных задач различными экспертами. Ряд экспертов паспортизацию методик проведения экспертных исследований трактуют как указание на то, что использование методик, не вошедших в каталог экспертных методик, утвержденный Федеральным межведомственным научно-методическим советом не допустимо. Однако, на наш взгляд, данная трактовка в корне не верна. Паспортизация экспертных методик не должна ограничивать эксперта в выборе способов, которыми он достигнет результатов, если выбранные способы научно обоснованы. Каталог носит рекомендательный характер и имеет назначение облегчить работу эксперту, но не должен сковывать его инициативу в выборе методик проведения экспертных исследований.

Методики, применяемые в практике автотехнической экспертизы, основаны на законах физики, теоретической механики, теории и конструкции автомобилей, теории соударения и т.д. Следовательно, данные экспертные методики, применяемые в автотехнической экспертизе, не что иное, как прикладное выражение указанных выше законов. Причем, в процессе экспертных исследований, как правило, происходит упрощение применяемых математических зависимостей, что связано с тем, что при производстве экспертизы может быть ограничено число задаваемых исходных параметров и с тем, чтобы упростить процесс вычисления. Что непременно приводит к снижению достоверности результата относительно методов основанных на фундаментальных познаниях в области науки и техники.

Исходя из того, что законодательство не ограничивает эксперта в выборе методики исследования, не может быть и ограничений для эксперта в выборе применяемых им технических средств.

Необходимо заметить, что в результате исследований с использованием программных средств моделирования обстоятельств ДТП, могут быть получены как категоричные, так и вероятностные выводы. В основу судебного решения по делу могут быть положены только категорические выводы. Следовательно, только они имеют доказательственное значение. Заключение с категорическими выводами служит источником доказательств, а изложенные в нем фактические данные являются доказательствами. Вероятное заключение не может быть таким источником, а лишь позволяет получить ориентирующую, поисковую информацию, подсказать версии, нуждающиеся в проверке. Вероятные выводы ни в коем случае не должны игнорироваться, их необходимо использовать, но продуманно и осторожно, поскольку они не исключают существования альтернативных вариантов по делу [7].

Существуют мнения, что методики анализа механизма дорожно-транспортного происшествия на основе создания его компьютерных моделей в рамках расследования уголовного дела недопустимо, ибо научные теории, лежащие в основе создания таких моделей в тех или иных ситуациях допускают некоторые погрешности. В частности, на наш взгляд стоит согласиться с мнением В. Митунявичуса, утверждающего, что анализ и реконструкция ДТП, в принципе, не может исключить вероятностного характера расчетов, поскольку исходные параметры тоже являются в большей или меньшей степени вероятными. Например, любое применяемое значение коэффициента сцепления является лишь вероятным, если оно принимается на основе статистических данных, а не на основе конкретного эксперимента [8]. Однако

вероятность результатов данных методик не исключает их использование в судебном процессе в качестве источника версий ДТП. В ситуациях, когда условия задачи и объем исходных данных позволяют эксперту сделать категоричные выводы с помощью рассматриваемых методик, то в каждом конкретном случае это должно быть им обоснованно. Применяемые для решения задач по реконструкции дорожно-транспортных происшествий компьютерные программы при хороших навыках эксперта и достаточных исходных данных позволяют оценить скорости автомобилей в момент столкновения с точностью в ±2¸3 км/ч[8]. Кроме того, стоит учесть, что заключение эксперта – это такое же доказательство, которое в соответствии со ст. 17 УПК РФ не может иметь заранее установленной силы и рассматривается в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу [9].

Компьютерное моделирование обстоятельств и механизма дорожно-транспортных происшествий уже на протяжении многих лет успешно используется в США, Европейских странах при расследовании ДТП, а так же для выявления мошенничества в сфере автострахования. Однако в нашей стране возможности данных методик используются довольно редко, практика их использования носит единичный характер. На наш взгляд, вопрос применения компьютерного моделирования при расследовании ДТП требует значительно большего внимания. Анализ компьютерного моделирования crash-тестов показывает, что при правильном подборе отражающих реальную ситуацию исходных данных, моделируемый механизм столкновения автотранспортных средств и их движение после соударения достаточно точно отображают действительный механизм дорожно-транспортного происшествия. На наш взгляд, использование компьютерного моделирования, является одним из актуальнейших направлений совершенствования автотехнических, транспортно-трасологических судебных экспертиз. Но для более адекватного использования возможностей компьютерного моделирования ДТП необходимо накопление опыта применения соответствующего программного обеспечения, накопление баз данных для работы с указанными программными комплексами, подготовку специалистов для работы с соответствующими программными продуктами.

---

1. Евтюков С.А., Васильев Я.В. Современные информационные технологии в экспертизе ДТП. Сборник статей «Научно-практической конференции «Система управления деятельностью в области обеспечения безопасности дорожного движения на федеральном уровне, на

уровне субъектов РФ, на уровне местного самоуправления»» Спб., 2007 С.119.

2. Ли В. Н. Трехмерное графическое масштабное моделирование ДТП. Материалы международной конференции «Реконструкция обстоятельств дорожно-транспортного происшествия при проведении судебных экспертиз. Правовые и методические вопросы судебной экспертизы» // Официальный сайт Томского экспертно-правового центра. URL: http: //70region.tomsk.ru/ ?p=nov_4. (Дата обращения: 28.04.2017).

3. Аземша С.А., Галушко В.Н., Скирковский С.В. Совершенствование экспертного анализа дорожно-транспортных происшествий с помощью компьютерных программ моделирования // Наука и техника. № 4. 2015. С. 20.

4. PC-Crash. A program for the simulation of car accidents. // Официальный сайт MEA Forensic. URL: http://www.pc-crash.com. (Дата обращения: 28.10.2017).

5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2005. С. 42.

6. Карпинский В. В. Порядок использования технических средств при производстве автотехнической экспертизы. URL: http://avtotrasolog.ru/content/ view/26/34. (Дата обращения: 28.10.2017).

7. Росинская Е.Р. , Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы. М..: Норма, 2009. С. 311.

8. Митунявичус В. отзыв на публикацию «Гипотеза Кудлиха-Слибара: миф и реальность» // Сайт Учреждения «Центр независимой экспертизы на автомобильном транспорте» URL: http://www.cneat.ru/nikonov-otv.htm (Дата обращения: 28.10.2017).

9. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 294-298.

Ключевые слова: расследование, дорожно-транспортные преступления, методы установления обстоятельств ДТП, моделирование ДТП.

УДК 343.98

ПРИЧИНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЖАРГОНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Гулакова Ирина Ивановна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры профильного обучения иностранным языкам,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95

Чаплыгина Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются причины использования юридического жаргона в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Общеизвестно, что уголовно-процессуальное законодательство России в настоящее время вряд ли можно считать единой правовой системой в достаточной мере отражающей все общественные отношения.

Постоянное реформирование современного законодательства России указывает на существующие множественные пробелы в правовой сфере, вскрывающие «нарыв» в итак неустойчивом и нестабильном уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Именно эти проблемы законодательства негативно отражаются на его понятийно-правовой системе.

Каждый этап развития общества вносит свои коррективы в терминологическую составляющую уголовно процессуального законодательства. И если раньше в языке советских законов можно было заметить наличие аббревиатур и канцеляризмов, присущих той эпохе, то в настоящее время на первый план выходит других особенностей, свойственных социалистической эпохе развития нашего общества [1], то сейчас на первый план выходит проблема полного нивелирования канонов русского языка.

Современный русский язык постепенно превратился только лишь в инструмент общения между людьми, что повлекло привлече-

ние в него, в частности, «кальки» современной иностранной лексики: мотель, брифинг, фристайл, тонфильм, релевантный, компрессия и иные.

Говоря о заимствованиях, можно выделить две тенденции:

1. Ложное ощущение более значимого социального престижа иностранного слова по сравнению с русским (например, boutique – «лавочка, небольшой магазин» и русс. бутик – «магазин модной одежды»).

2. С другой стороны, можно говорить о противоположной проблеме своеобразного понижения в ранге заимствованных слов по сравнению с их русскими аналогами, что например, зачастую можно увидеть в политике, когда с совершенно иным смыслом используются такие термины, как демократ, приватизация, презентация [2].

Кроме того, активно в современное правовое законодательство проникла и тюремная лексика, которая стала возводится в ряд обыденной.

Анализируя специальную литературу, касающуюся данной проблематики можно увидеть, что «…стандартные юридические термины в данном случае становятся частью юридического жаргона, а это недопустимо. Для предотвращения этой ситуации необходим комплекс просветительских и образовательных мер для лиц, занимающихся профессиональной юридической деятельностью (пропаганда в средствах массовой информации, лекции в организациях, введение юрислингвистических дисциплин в образовательный процесс и т.д.)»[3].

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова четко определено понятие «жаргон» определяется как «речь какой-нибудь социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условий» [4].

Юридический жаргон активно использует нетипичную лексику, в которой происходит доминирование искусственных слов и выражений, абсолютно не отражающих или искажающих обозначенный понятия, причем с довольно яркой и эмоциональной окраской: «бросить в трюм» - избрать меру пресечения в виде заключения под стражу; «висяк» - нераскрытое преступление; «возбужденка»- постановление о возбуждении уголовных дел; «жулик» - подозреваемый, обвиняемый; «терпила», «потерпила» – потерпевший; «обвиниловка», «привлеченка» - постановление о привлечении в качестве обвиняемого; «продленка» - постановление о возбуждении ходатайства о продлении процессуального срока; «расследовать «водку» - проводить предварительное следствие по статье 238 УК РФ; «сто сорок пятая» - проверка

сообщения о преступлении; «двести семнадцатая» - ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела; «хлопнуть» - взять с поличным; «стоять» - давать те же показания, что и ранее; «закрыть» - задержать подозреваемого или применить меру пресечения в виде заключения под стражу; «потеряшка», «бэвэпэшка» – без вести пропавший; «очняк» - очная ставка; «отказной» - материал проверки, по которому принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, «опер», «сыщик» - оперативный сотрудник[4].

Основной сферой использования юридического жаргона являются носители юридического разговорного языка, активно использующие такие жаргонизмы, как «опер», «вещдок», «незаконные бандформирования», «признательные показания» и т.п. Причем использование таких жаргонизмов заранее неоправданно в связи с бессмысленностью их смысловой нагрузки. К примеру «незаконное бандформирование» по сути, означает - бандитское формирование, существующее вне закона. Причем сразу же может возникнуть вопрос – а могут ли вообще бандитские формирования быть законными? Полагаем, что это дает нам возможность говорить о создании данного термина и его навязывании в современный правовой язык искусственно.

Похожим примером является и термин «признательные показания». Заглянув в значение данного слова можно судить о том, что понятие «признательный» используется в значении «испытывающий признательность к кому-, чему-либо, благодарный; выражающий признательность»[5], и как правильно указывает А.Н. Калюжный «…что совершенно не отражает то значение, которое следователи или дознаватели вкладывают в термин «признательные показания» - «сознаться в чем-либо и рассказать об этом»[6].

В связи с приведенными выше примерами нивелирования канонов классического русского языка, и в качестве основного вывода настоящей статьи, считаем крайне важным осуществление ревизии российского уголовно – процессуального законодательства на предмет использования юридической терминологии, используемой в законодательных актах, которая должна быть подвергнута унификации и стандартизации»[7]. Это означает, что в настоящее время есть потребность в исследовании и обобщении юридических терминов, функционирующих в законодательном тексте, приведении их к возможному единству в употреблении, придании шаблонности в использовании.

---

1. Туранин В.Ю. Языковое выражение юридических конструкций в текстах российских законов // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 782.

2. Гулакова И.И. Языковые показатели коммуникативных тактик и стратегий в конфликтной ситуации общения // В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Перспективы развития современных гуманитарных наук». Инновационный центр развития образования и науки. 2014. С. 54.

3. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС. 1994. С. 192.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С. 334

5. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. К вопросу о речевой культуре следователя при составлении процессуальных документов // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью». Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. С. 142.

6. Калюжный А.Н. Преодоление противодействия допрашиваемыми на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства // Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета «Эволюция государства и права: история и современность». Курск. 2017. С. 379.

7. Гулакова И.И., Чаплыгина В.Н. Выражение координационно-деятельностной функции языка в уголовном судопроизводстве // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право России - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования». Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 2015. С. 167.

Ключевые слова: причины, юридический жаргон, уголовно-процессуальное законодательство, современный русский язык.

УДК 343.98

О ТАКТИКЕ ПОЛУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТАХ И ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ ДАННЫХ

Дёмин Константин Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры оружиеведения и трасологии
учебно-научного комплекса судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье раскрывается сущность тактических приемов получения доказательственной информации, содержащейся на современных информационных средствах, показана нормативная регламентация производства следственных действий по делам, сопряженным с использованием электронных носителей информации.

Исходя из действующего законодательства, регламентирующего порядок электронного оборота в Российской Федерации необходимо указать, что сущность понятия «электронный документ» как документ, представленный в электронно-цифровой форме, отражена в ст.3 Федерального закона «Об электронной цифровой подписи». Осмысление данного определения означает, что наличие информационного (материального, физического) поля, которое, как вариант, может нести в себе следовую картину совершенного противоправного деяния, во всех случаях сопряжено с выявлением виртуальных следов. Тем более, что данная группа следов изначально непригодна для непосредственного чувственного восприятия со стороны лиц, расследующих преступное деяние и не являющихся, как правило, специалистами в области «высоких технологий». При этом вовсе не обязательно, что противоправное деяние, при котором правоохранительными органами были обнаружены массивы электронной информации, может квалифицироваться статьями главы 28 УК Российской Федерации (преступления в сфере компьютерной информации). Практика показывает, что сегодня типичной для следствия ситуацией является ситуация, в которой осуществление неправомерного доступа к компьютерной информации рассматривается в качестве способа совершения преступлений, когда электронные аппараты используются в качестве орудия совершения преступлений, предусмотренных статьями УК Российской Федерации, иными словами следует говорить об определенной

группе преступлений. Именно поэтому, наиболее актуальной для органов предварительного следствия и суда является проблема процессуально-корректного установления, фиксации и изъятия различных форм электронных документов, а также трансформации (преобразования) выявленных электронных информационных массивов в доказательственные формы, удобные для восприятия участниками уголовного судопроизводства, поскольку полученные доказательства могут быть положены в основу приговора суда.

Следует отметить, что электронные документы, в которых могут быть обнаружены следователем или оперативным работником признаки преступлений, могут быть различны по своей форме и виду. Это и традиционные компьютерные файлы и каталоги (текстовые и графические), различные сетевые протоколы Интернет сессий, электронная почта, сообщения в мобильных телекоммуникационных сетях (текстовые и графические), программы, радиотехнические сигналы и т.д. Важность разработки и упорядочения имеющихся классификаций, по нашему мнению, объясняется различной криминалистической значимостью, направленностью, сущностью и емкостью информационных электронных объектов (электронных документов). Например, при криминалистическом исследовании Интернет сессии потенциально возможно получить данные, как о самом сообщении, так и о его отправителе в ходе исследования файла – информацию документального характера; при исследовании TCP/IP протокола или адреса – информацию характеризующую провайдера (а не пользователя), при исследовании подменю 3-го уровня некоторых сотовых аппаратах возможно установить идентификационный код станции сети, количество ближайших по уровню сигнала базовых станций сети и, следовательно, географические координаты нахождения мобильного терминала и т.п. Отметим, что в зависимости от того, какую форму имеет интересующий следствие или суд, предполагаемый, искомый электронный документ, уточняется тактика проведения следственного или оперативно-розыскного мероприятия, планируются и мероприятия по нейтрализации технического противодействия следствию, направленного на уничтожение ЭНД и ЭД, определяется технико-криминалистическое обеспечение производства следственных и судебных действий и т.д. [2, с. 77-80]. При необходимости уточняются формы взаимодействия с администратором сетевой безопасности. В зависимости от форм искомых электронных документов следователем должна быть предусмотрена и соответствующая квалификация понятых, привлекаемых к участию в следственном действии (осмотру, обыску, выемке), которые, желательно, должны быть знакомы с работой компьютера.

Проведение вышеназванных мероприятий позволяет в итоге обеспечить собирание и сохранность немодифицированных электронных документов (электронных оригиналов), соответствующих ст. 81, 86, 88 УПК РФ, с точки зрения требований относимости, допустимости и достоверности, а вместе с другими собранными доказательствами - достаточностью, при их непосредственном предоставлении в суде. При этом сам электронный документ может быть трансформирован с помощью сертифицированного технико-криминалистического и экспертного инструментария в формы удобные для восприятия участниками уголовного или гражданского судопроизводства (например, в форму их аналогов на бумаге - листингов), о чем делается отметка в протоколе следственного действия. Сохранность самого электронного документа и информационного носителя, на котором он расположен необходимо обеспечить в полном соответствии со ст. 82 УПК Российской Федерации. Возможность представления в суд электронных документов и электронных носителей данных, которые были получены или изъяты следствием или судом в соответствии с методиками, утвержденными Федеральным межведомственным координационно-методическом совете по проблемам экспертных исследований, может быть регламентирована ст.74. (доказательства) ч.2 п.6 (иные документы), п.2 ст.84 (иные носители информации) УПК РФ. Возможность отнесения электронных документов к иным документам так же следует из анализа текста Федерального закона «О связи», где под «иными» сообщениями понимается информация, хранимая, обрабатываемая и передаваемая в виде последовательностей аналоговых или цифровых сигналов. На практике эти сообщения могут иметь форму компьютерных или других сообщений в электронном виде.

Следователем или судом должна обязательно проверяться процессуальная доброкачественность полученных на стадии предварительного следствия доказательств и производится оценка примененных при собирании и исследованиях электронных документов экспертных методик, непротиворечивость полученных электронных документов и экспертных заключений другим материалам дела. Необходимость подобных действий при использовании электронных документов в качестве доказательства, объясняется резко возросшим интеллектуальным и техническим потенциалом преступности в сфере высоких технологий, все более углубляющейся технической специализацией при совершении преступлений, например: мошенничества в сфере телефонных сетей (фрикинг); взломы программного обеспечения и сетей (крегинг), фальсификации с кредитными картами (кардинг), проведение нелицензированного радиомониторинга, хулиган-

ство в глобальной сети интернет, в том числе и без преступного мотива (хакинг) и т.д. Для совершения указанных деяний злоумышленниками сегодня активно используются технические аппаратные и программные средства: сниферы – анализаторы протоколов, программы-сканеры, системы радиомониторинга, аппаратура подмены телефонного номера, так называемые программы «трояны» с протоколами рассылки похищенных данных и др., которые обеспечивают хищение электронных идентификационных или аутентификационных реквизитов частных лиц или организаций в корыстных целях. К этим данным относятся: login-пароли, IP-адреса, абонентские номера в цифровых сетях, пароли для работы с беспроводными браузерами сотовых сетей, данные карт оплаты для сотовых сетей и декодеров спутникового телевидения и т.д. [1, с. 34-37]. Поэтому, во избежание ошибок, связанных с оценкой значимости электронных документов при доказывании обстоятельств совершенного преступления, следователем или судом должна учитываться как конкретная следственная ситуация, так и оцениваться возможные виртуальные составляющие в механизме совершения преступления. Например, являлось ли аппаратное устройство, из которого изъяты электронные документы личным (персональным) электронным инструментом или нет; соотнесение системного времени аппарата и времени создания файла или полученных информационных объектов; являлся ли IP-адрес динамическим или статическим; была ли эта линия защищена от несанкционированного доступа, использовались ли методы криптографии, являлась ли данная сеть корпоративной; имелась ли связь данного компьютера, в котором был найден электронный документ с Интернетом и т.д. Таким образом, необходимо соотносить имеющиеся данные из сферы высоких технологий с имеющейся «классической криминалистической следовой картиной», полученной с помощью традиционных криминалистических методик (например, папиллярными следами на SIM-карте, органайзере, смартфоне и т.д.). Вместе с тем, принятый из какого-то источника электронный документ, заверенный электронно-цифровой подписью (ЭЦП) [6, с. 44; 7, с. 184-189], (при отсутствии подтверждения его тождественности оригиналу из «специального удостоверяющего центра») и полученный информационным порталом по открытым сетевым каналам или находящейся в компьютере, имеющем выход во «всемирную паутину», может быть подвергнут, в принципе, любой модификации со стороны группы злоумышленников, которая зависит от их преступной квалификации. Причем внешне, на визуальном уровне, полученный таким образом электронный документ может и не иметь изменений. Обоснованно может быть подвергнута сомне-

нию и возможность сохранения конфиденциальности подобных электронных сообщений. Все это накладывает, существенные ограничения на возможность использования электронных документов, которые были переданы или получены с помощью открытых телекоммуникационных сетей в качестве доказательств, при судебном разбирательстве. Однако в качестве источника ориентирующей следствие информации, как основа для выдвижения следственных версий, они, несомненно, могут и должны быть использованы.

Важное значение при получении немодифицировнных электронных доказательств имеют конкретные редакционные предложения и дополнения к уголовно-процессуальным нормам, закрепленным в главе 25 (ст. 185 УПК Российской Федерации) и сформулированные А.И. Усовым и Е.Р. Россинской, о введение в уголовное судопроизводство таких новых видов следственных действий, как арест электронно-почтовой корреспонденции и локальной вычислительной сети, позволяющий сохранить электронные документы без модификации [5, с. 110-111]. Подобный положительный опыт существует уже во многих странах, в т.ч. Голландии, Бельгии, США и ряда других странах [4, с. 282].

Таким образом, в зависимости от конкретной следственной ситуации, функциональных характеристик аппаратных средств и их классификации, в которых, находятся интересующие следствие электронные информационные массивы (электронные документы), они могут иметь статус, как доказательства, так и источника ориентирующей информации. Например, как показывает практика, степень концентрации криминалистически значимой информации, имеющей важное доказательственное значение для дела, в средствах «личной» малогабаритной носимой аппаратуры в этих случаях очень высока (около двух третей всех исследованных нами дел). В сложившейся ситуации практический опыт ЭКЦ МВД России и ГУ РФЦСЭ при Минюсте России показывает, что сегодня первоочередное значение при проведении исследований ЭД приобретает судебная компьютерно-техническая экспертиза, и в частности ее родовые составляющие: судебная аппаратно-компьютерная экспертиза, программно-компьютерная экспертиза, компьютерно-сетевая экспертиза, информационно-компьютерная [3, с. 197-199].

На основании изложенного можно сделать вывод, что только комплексный подход, сочетающий в себе методы классической криминалистики и методы, используемые при расследовании преступлений в сфере высоких технологий, базирующиеся на процессуальной корректности поиска, обнаружения, фиксации и исследования инфор-

мационной следовой картины криминального события, непротиворечивость полученных ЭД другим материалам дела, позволит получить доказательства, соответствующие процессуальным требованиям и обеспечить объективность следственного или судебного решения.

1. Васюков В.Ф. К вопросу о сущности следов преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Право и образование. 2016. № 8. С. 112-118.

2. Дёмин К.Е., Васильев А.А. К вопросу о комплексном подходе получения доказательственной информации, содержащейся в электронных документах и электронных носителях данных. Использование современных информационных технологий и проблемы информационной безопасности в деятельности правоохранительных органов. – Калининград, 2011.

3. Дёмин К.Е. О современном состоянии и перспективах развития судебной компьютерно-технической экспертизы. Вестник Московского университета МВД России. М.: Московский университет МВД России. 2012. № 3.

4. Осипенко А.Л. Борьба с преступлениями в глобальных компьютерных сетях. Международный опыт. М., 2004.

5. Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М.: Право и закон, 2001.

6. Ткачев А.В. Правовой статус компьютерных документов: основные характеристики. М., 2000.

7. Хмыз А.И. Получение розыскной информации в ходе исследования электронных документов и их материальных отображений. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12.

Ключевые слова: доказательственная информация, компьютерно-техническая экспертиза, тактический прием, электронный документ.

УДК 343.1

СТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ермакова Алина Леонидовна,
курсант 4 курса факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД РФ имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Чаплыгина Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Анализ действующего законодательства, следственной и экспертной практики позволяет констатировать отсутствие в российской правовой науке четко обозначенной методики расследования ятрогенных преступлений, в связи с чем серьезной проблемой при расследовании данных преступлений являются проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз, проводимых по данной категории дел по материалам уголовных дел, в ходе которых выявляются различного рода недостатки, дефекты, приводящие к развитию неблагоприятного, зачастую летального исхода [1].

В ходе проведенного нами исследования выяснилось, что при расследовании данной категории преступлений следователи испытывают значительные трудности, связанные со спецификой профессиональных нарушений, которые допускают медицинские работники, что неблагоприятно сказывается на их уголовно-правовой оценке. Сложившаяся ситуация вынуждает следователя перекладывать ряд своих функций на различные учреждения здравоохранения [2].

Структуру криминалистической характеристики ятрогенных преступлений правильно и целесообразно представить следующим образом: 1) субъект и объект (жертва) ятрогенного посягательства; 2) физические действия субъекта;) психическое отношение субъекта к посягательству; 4) сопутствующие признаки процесса посягательства (способ, место, время); 5) факты-последствия ятрогении.

Объектом непосредственного ятрогенного посягательства является лицо, непосредственное обратившееся в конкретное лечебное учреждение или к медицинскому работнику за квалифицированной помощью [3]. Затем, в период проведения профилактических мероприя-

тий и собственно действий по облегчению болезни и улучшения качества жизни, его здоровью причиняется вред или смерть.

Далее в структуре характеристики ятрогении следует субъект посягательства. Раскрывая существенные правовые и криминалистические признаки работников медицинской сферы, стоит обратить внимание на следующие:

- участие в оказание помощи конкретному лицу: обладал ли лицензией и имел ли право быть вовлеченным в процесс оказания медицинской помощи, соответствовал ли уровень его компетенции тяжести заболевания;

- наличие определенного арсенала знаний, умений, навыков, обучался ли по той специализации, по которой оказывал помощь, подтверждал ли сертификат врачебной деятельности, обладал требуемым стажем работы по специальности и т.д.

- располагал ли работник сферы здравоохранения необходимыми личностными качествами, которые требуются для оказания медицинской помощи в ординарных и экстраординарных условиях: психическая и волевая устойчивость, физическая выносливость и выдержка и т.д.

- господство отрицательных черт в характере врача: проявление грубости и хамства в отношениях с коллегами и пациентами, самонадеянность, апатичность и холодность к исполнению врачебного долго, склонность к употреблению алкоголя, наркотиков, других запрещенных веществ и т.д.

Следующим элементом характеристики ятрогенного процесса являются физические действия или бездействия субъекта. Все физические действия медицинского работника в зависимости от их криминалистической значимости можно подразделить на:

- квалифицированные действия, связанные с динамикой ятрогенного процесса и возникновением ятрогенного дефекта;

- действие или бездействие, которое привело к ненадлежащему исполнению субъектом своих служебных обязанностей;

- действия, которые направлены на маскировку или сокрытие факта ятрогении или наступившего последствия.

Под психической составляющей деятельности субъекта подразумевается психофизиологические процессы, пороги сознания, которые моделируют поведение участника правоотношений в процессе оказания медицинской помощи. Стоит обратить внимание на следующие криминалистически значимые элементы этой деятельности:

- нравственная сторона деятельности и ее целенаправленность;

- обдумывание различных вариантов постановки диагноза, выбор оптимального пути реабилитации и необходимых медицинских мероприятий;

- поиск мотивации для реализации принятых решений в процессе оказания медицинской помощи;

- отношение к пациенту, к самому себе и к своим результатам;

- адекватное реагирование на возможные возникающие осложнения, контроль за своими реакциями;

- модель поведения работника при возникновении экстремальной ситуации и в случае оказания неотложной помощи.

Лицам, совершающим преступные ятрогении, свойственны такие потребности, как повышенное самомнение, необходимость в общественном признании профессионального мастерства, в улучшении и популяризации своего имиджа, в лидерстве и властвовании в определенной профессиональной сфере, желание самоутвердиться любым способом, фанатичное стремление к превосходству над коллегами, завышенная самооценка своих внутренних резервов, безразличие к интересам пациентов, неуважительное отношение к их надеждам на успех и т.д. [4].

Следующим звеном в характеристике ятрогении является способ совершения преступления, который определяется рядом субъективных и объективных факторов, подлежащих тщательному анализу в ходе расследования. Исследование информацию о способе, сотрудник правоохранительных органов может определить: факторы, способствующие совершению или сокрытию преступления; круг обстоятельств, которые подлежат доказыванию по делу; необходимая совокупность доказательственной базы; перечень медицинских документов, содержащих криминалистически значимую информацию о посягательстве; вопросы, которые необходимо поставить перед судебными экспертами [5]; тактику и отдельные особенности проведения различных следственных и иных процессуальных действий по выявлению, закреплению и изъятию информации по делу [6].

Одним из ключевых элементов в упорядоченной структуре любого преступления являются его последствия, закрепившиеся на любых материальных и нематериальных объектах. К ним относятся отрицательные изменения в организме пациента, вызванные неграмотными действиями субъекта по оказанию медицинской помощи. Они делятся на две группы:

1) по тяжести: негативное изменение функций организма; потеря определенного процента трудоспособности; летальный исход;

2) по времени проявления: очевидные и латентные;

3) по характеру выраженности: малозаметные и ярко выраженные.

4) По значимости для медицины:

- безальтернативно указывающие на течение ятрогенного процесса, в дальнейшем грозящим наступлением тяжелых последствий;

- допускающие альтернативу, иначе говоря, возможность самостоятельной успешной борьбы организма с возникшей угрозой.

5) по скорости развития: вялотекущий процесс ятрогении и ускоренный темп развития болезни [7].

Время ятрогенного преступления может отсчитываться от разных моментов. Во-первых, от фактического нарушения правил оказания медицинской помощи, во-вторых, с возникновения разрушающего организм дефекта, в-третьих, с периода диагностирования и развития патологии, которая стала непосредственной причиной наступления неблагоприятного исхода [8]. Трудной задачей выступает определение времени посягательства, когда существует неопределенный отрезок времени между моментом ненадлежащего исполнения своих обязанностей и развитием ятрогении либо же проявлением изменений в организме.

Место преступного посягательства объединяется все то конкретное пространство, которое охватывает своими действиями виновное лицо и иные лица, прикосновенные к преступлению. Место преступления всегда имеет свои границы, конкретно и занимает структурное положение в окружающей среде [9]. В криминалистическом понимании место ятрогенного посягательства – это реально существующее, используемое виновным для достижения желаемого результата, локализованное определенными координатами пространство, которое в той или иной мере влияет на его поведение до, во время и после посягательства.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что устранение обозначенных нами проблем позволит в ближайшем будущем разработать единую методику, направленную на привлечение медицинских работников, виновных в совершении профессиональных преступлений, к уголовной ответственности, а также выработать механизм защиты прав и интересов медицинских работников от необоснованного обвинения в совершении профессионального правонарушения.

---

1. Чаплыгина В.Н. О соотношении понятий «врачебная ошибка» и «ятрогения» при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками // Наука и практика. 2015. № 2. С. 117.

2. Чаплыгина В.Н. Базовые проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Юристъ-правоведъ. 2017 № 3 (82). С. 38.

3. Антипов В.П. Планирование расследования в проблемных ситуациях. М., 2005. С. 84.

4. Мохов А.А. Еще раз к вопросу о врачебной ошибке как медицинском и социально правовом феномене // Юрист. 2004. № 2. С. 59.

5. Васюков В. Ф. Проблемы участия потерпевшего при назначении экспертизы // Наука и практика. 2014. № 4 (61). С. 67.

6. Адигамова Г.З., Ситдиков И. М. О некоторых проблемах организации расследования современных видов преступлений // Пробелы в рос. законодательстве. 2015. № 1. С. 45.

7. Морозова Н.В. Некоторые проблемы формирования методики расследования преступлений, совершаемых в сфере защиты конституционных прав граждан при ненадлежащем оказании медицинской помощи // Право и образование. 2016. № 9.

8. Стеценко С.Г. Врачебные ошибки и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения: правовые аспекты // Юрист. 2004. № 2. С. 45.

9. Рыков В.А. Медицинская и правовая оценка ятрогенных заболеваний // Медицинское право. 2003. № 4. С. 47.

Ключевые слова: расследование преступлений, предмет доказывания, преступления, профессиональная медицинская деятельность, медицинская деятельность.

УДК 343.13

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К ОБОРОТУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ

Дронова Ольга Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье предложена систематизация правовых требований, предъявляемых к легальному нахождению потребительской продукции в товарообороте на всех этапах ее жизненного цикла.

Эффективное пресечение противоправных действий в сфере потребительского рынка предусматривает от сотрудников правоохранительных органов уверенное ориентирование в бланкетном законодательстве, регламентирующем товарооборот на территории страны. При этом необходимо владение информацией о нормативных требованиях правового и технического характера, предъявляемых к производству товара (его импорту), правил его транспортировки, хранения и реализации.

Все законодательство, регламентирующее сферу товарооборота можно условно разделить на:

1. Отражающее специфические правоотношения, связанные с фискальным интересом государства [1], и предназначенное для определения налогооблагаемой базы, уточнения объекта обложения таможенными пошлинами, а также устанавливающие правила налогообложения и маркировок отдельных групп товаров. Кроме того, государство осуществляет регулирование минимального ценообразования на алкогольную продукцию в целях формирования доходной части бюджета страны.

Дополнительно государство осуществляет координацию деятельности по контролю цен на отдельные виды товаров, торговые надбавки (наценки) к ценам на них (в том числе установление их предельных (максимального и (или) минимального) уровней органами государственной власти).

Данная деятельность регламентируется нормативными правовыми актами органов государственной власти и (или) нормативными правовыми актами органов местного самоуправления путем создания соответствующих Перечней товаров [2] и направлена на социальную защиту населения.

2. Закрепляющее правовые режимы оборота конкретных товаров, находящиеся в прямой зависимости от государственной политики и общественной безопасности государства. Их положения позволяют утвердить правила правомерного поведения всех участников потребительского рынка и четко обозначить, комплекс правовых средств, используемых для регулирования (охраны) общественных отношений в сфере товарооборота. В настоящее время Гражданский кодекс РФ в ст. 129 предусматривает три режима обращения товаров, дифференцируя их на свободно отчуждаемые, ограниченные в обращении и изъятые из обращения. К первой категории относятся широкий спектр потребительских товаров продовольственного и бытового назначения, соответствующие юридическим и техническим требованиям, предъявляемым к их производству и обращению на рынке.

Вторая категория товаров для законного нахождения в обороте предусматривает в дополнение к вышеуказанным требованиям соблюдение ряда условий. К ним относятся:

- необходимость лицензирования отдельных видов деятельности [3];

- введение и государственный контроль над распределением квот на экспорт и импорт ряда товаров [4];

- соответствие субъектов оборота определенных товаров существующим требованиям;

- соблюдения процедуры прохождения государственной регистрации и занесения в соответствующие Государственные реестры, на основании производства лабораторных испытаний, продуктов, материалов и изделий, которые впервые производятся или ввозятся на территорию России.

Дополнительно государством могут быть введены меры ограничительного экономического и административного характера, в частности призванные способствовать импортозамещению и развитию внутреннего рынка.

Товары, изъятые из обращения, не могут являться объектами свободного оборота. К ним могут относиться как объекты, нарушающие технические и юридические свойства оригинальной продукции, так и те к которым применятся режимные требования, обусловленные интересами государства и угрозой общественной безопасности, которые находятся в зависимости от свойств объектов, запрещенных к реализации.

3. Устанавливающее определенные требования к производству потребительских товаров хозяйствующими субъектами, их хранению, перевозке, упаковке, маркировке, а также к качественным, количественным и иным характеристикам. В частности, предусмотрен ряд обязательных для соблюдения правил к обороту пищевых товаров [5], среди которых выделены:

– обязательные требования к качеству и безопасности;

– требования к информации о качестве и безопасности пищевых продуктов;

– требования к материалам и изделиям, упаковке, маркировке;

– требования к процедуре оценки соответствия продуктов обязательным требованиям;

– требования, касающиеся установления правил идентификации продуктов.

Дополнительно к вышеуказанным правилам существуют санитарно-гигиенические требования к безопасности товаров. Они преду-

сматривают необходимость соблюдения требований по допустимости содержания в них веществ и их соединений, микроорганизмов, представляющих опасность для здоровья нынешнего и будущих поколений.

Более детально требования к компонентному составу потребительских товаров, процентному соотношению составляющих его элементов, свойств продукции и ее упаковки закреплены в национальных стандартах, технических условиях, санитарно-эпидемиологических правилах и нормативах, в иных нормативных документах.

Федеральный закон «О стандартизации в Российской Федерации» подразумевает под понятием национального стандарта – документ, разработанный в соответствии с установленными требованиями, в котором для всеобщего применения устанавливаются общие характеристики объекта стандартизации, и содержащий лишь общие правила и принципы в отношении объекта стандартизации. К документам по стандартизации закон относит документы национальной системы стандартизации; общероссийские классификаторы; стандарты организаций, в том числе технические условия; своды правил; документы по стандартизации, которые устанавливают обязательные требования в отношении объектов стандартизации. Национальные стандарты разрабатываются на основе результатов научных исследований (испытаний) и измерений; положений международных стандартов, региональных стандартов, региональных сводов правил, стандартов иностранных государств, сводов правил иностранных государств, стандартов организаций и технических условий, которые содержат новые и (или) прогрессивные требования к объектам стандартизации и способствуют повышению конкурентоспособности продукции (работ, услуг); приобретенного практического опыта применения новых видов продукции, процессов и технологий.

Потребительский товар, на котором указан национальный стандарт, заявлен конкретный ГОСТ (который может распространяться как на сам продукт, его упаковку, так и на технические условия изготовления), должен пройти испытания в аккредитованных лабораториях с выдачей сертификатов соответствия, действующих в течение одного года.

4. Защищающее права государства, потребителя, а также легального предпринимателя, производителя и правообладателя посредством привлечения недобросовестных участников рынка потребительских товаров, несоответствующих установленным требованиям к гражданской, административной и уголовной ответственности.

При этом соблюдается конституционный принцип единого экономического пространства на территории всей страны, закрепляющий право свободного перемещения товаров, поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности. Его действия распространяется до момента выявления злоупотребления со стороны любого участника потребительского рынка, с правом на превентивные меры со стороны государства, направленные на пресечение противоправной деятельности, а также восстановление нарушенных прав.

Систематизированные правовые требования к легальному нахождению потребительской продукции в товарообороте позволит более детально осуществлять комплекс проверочных мероприятий, направленных на выявление правонарушений и преступлений в сфере потребительского рынка.

---

1. Овечкин А.П. Правовое регулирование товарного рынка. М.: Сирин, 2002. С. 15.

2. Об утверждении Правил установления предельно допустимых розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены, и перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров, за приобретение определенного количества которых хозяйствующему субъекту, осуществляющему торговую деятельность, не допускается выплата вознаграждения: Постановление Правительства РФ от 15.07.2010 № 530 (ред. от 21.03.2016).

3. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 27.10.2015).

4. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 13.07.2015).

5. О качестве и безопасности пищевых продуктов : ФЗ от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ // СЗ РФ.2000. №2. Ст.150.

Ключевые слова: потребительские товары, товарооборот, национальный стандарт, технические и юридические свойства.

УДК 343.98

СОБИРАНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ

Ефименко Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, начальник кафедры исследования документов УНК судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Гаврилин Сергей Алексеевич,
соискатель кафедры исследования документов УНК судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Авторы рассматривают элементы собирания вещественных доказательств (на примере документов), а также их представление для проведения экспертных исследований как «обособленную» стадию данного процесса.

Эффективность расследования преступлений во многом определяется интегративным, комплексным использованием современных научно-технических достижений в ходе проведения следственных действий, направленных на собирание и исследование доказательной информации. Успешное производство судебных экспертиз напрямую зависит от того, насколько своевременно и качественно будут осуществлены процессуальные (следственные или судебные) действия, связанные с собиранием и представлением соответствующих вещественных доказательств для проведения экспертных исследований.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных проблемам собирания доказательств (в частности документов), многие вопросы по-прежнему остаются дискуссионными и требуют своего решения. Собирание вещественных доказательств является неотъемлемой стадией процесса доказывания, сущность и содержание которой в процессуальной и криминалистической науках не всегда определяется однозначно, существует несколько точек зрения относительно данной категории.

С одной стороны, ученых интересуют закономерности, под влиянием которых формируется процессуальный порядок собирания вещественных доказательств, его формы, что является предметом ис-

следования уголовно-процессуальной науки, с другой – закономерности, которые проявляются в самом содержании процедуры собирания доказательств, в ее механизме (методах и средствах), а это уже входит в предмет криминалистики.

Так, при исследовании предмета криминалистики А.И. Винберг останавливается на понятии собирания доказательств, представляя этот процесс как «совокупность действий по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению различных доказательств» [1, С. 16–17]. Такого же мнения придерживается Р.С. Белкин, который в своих трудах подвергает всестороннему научному анализу понятие собирание, исследование и оценку доказательств, раскрывает их сущности и методы [2, С. 182–183]. Как справедливо заметил автор, собирание доказательств – это понятие комплексное, которое включает в себя соответствующие действия [3, С. 28–43].

Собирание вещественных доказательств, по мнению Н.В. Терзиева, не имеет столь емкого содержания. Ученый представляет этот процесс как отдельные фазы в одном ряду «обнаружение, собирание, закрепление и исследование доказательств» [4, С. 6]. Особое внимание Н.В. Терзиев и А.А. Эйсман уделяют следственному и судебному осмотру документов, как считают ученые, такой осмотр не должен превращаться в исследование вещественного доказательства для дачи специального заключения. Последнее есть задача эксперта. Если бы следователь или судья, пользуясь наличием у него специальных знаний, взял на себя такое заключение, получился бы целый ряд процессуальных коллизий [5, С. 123].

В.П. Колмаков выделяет либо «способы собирания и закрепления доказательств», либо наряду с собиранием – «обнаружение доказательств» [6, С. 16–19]. Аналогичных взглядов придерживается И.Б. Михайловская [7, С. 62] и С.П. Митричев [8, С. 6], которые разделяют обнаружение, собирание и закрепление доказательств. М.А. Чельцов вовсе не использует термин «собирание доказательств», автор считает начальными элементами доказывания – «установление (обнаружение) средств доказывания, извлечение из них подлежащих установлению фактов, закрепление полученных данных» [9, С. 148–149]. А.М. Ларин в качестве самостоятельных стадий процесса доказывания рассматривает «поиск, обнаружение вещественных доказательств и их закрепление» [10, С. 43]. М.С. Строгович в понятие собирание включает обнаружение доказательств, их рассмотрение и процессуальное закрепление [11, С 163–164]. Развивая и уточняя данное понятие, А.Р. Ратинов и М.А. Якубович интегрируют в него поиск

(розыск) доказательств, а также обнаружение и получение (извлечение) содержащейся в них информации [12, С. 300–302].

По мнению С.А. Шейфера, собирание доказательств, представляет собой систему действий, направленных на восприятие объективно существующих следов происшедшего события и их процессуальную фиксацию. Причем при выборе методов и средств собирания доказательств должны учитываться закономерности, обусловленные природой образования следов – отражений в объективной действительности, а также условия, обеспечивающие наиболее надежное их восприятие и закрепление в материалах дела следователем, судом [13].

В этой связи, при собирании документов-вещественных доказательств следователю (дознавателю) следует использовать достижения естественно-технических наук, психологии, логики, кибернетики и передовой практический опыт, а также методы, приемы и технические средства, рекомендованные криминалистической наукой. К участию в следственных действиях для обеспечения результативности обнаружения, фиксации, изъятия и транспортировки доказательств (в том числе различного рода документов) целесообразно привлекать специалиста (или группу специалистов). Также необходимо заметить, что в последнее время наметилась тенденция привлечения для сбора доказательной информации специалистов разных специальностей.

Закон устанавливает правила собирания доказательств и уточняет их процессуальную форму, в связи с чем, П.А. Лупинская определяет собирание доказательной базы, как совершение лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судом предусмотренных законом процессуальных действий, направленных на их обнаружение, истребование, получение и закрепление в установленном порядке [14, С. 338-361].

Думается, что отделять обнаружение доказательств от их собирания недопустимо уже потому, что эти понятия выражают две стороны одной и той же деятельности, не имеющие смысла друг без друга. Включать же в собирание доказательств их «рассмотрение», либо «получение (извлечение) содержащееся в них информации» означает дублирование следующей стадии доказывания – исследования доказательств. Нет необходимости выделять в собирании доказательств, специально их восприятие, поскольку восприятие – предпосылка и условие, и обнаружения, и фиксации доказательств.

Содержанием собирания доказательств (по Р.С. Белкину), как стадии процесса доказывания, являются обнаружение, фиксация, изъятие, сохранение [15, С. 211].

1) Обнаружение источников информации – «это первая, начальная и необходимая стадия их собирания» заключающаяся в их поиске, восприятии, выявлении, обращении внимания на те или иные фактические данные, которые могут приобрести доказательственное значение; в процессе обнаружения доказательств могут применяться самые различные тактические приемы и технические средства.

2) Фиксация (закрепление, запечатление) фактических данных, то есть применение технических и тактических приемов для запечатления источника в форме, доступной для восприятия его субъектами доказывания. Существуют две доминирующие точки зрения относительно фиксации доказательств, так, в процессуальной науке говорят об удостоверительной стороне доказывания, «процессуальном закреплении» доказательств (в установленных законом формах), об их «процессуальном оформлении», непосредственном приобщении к делу. Причем на первый план в процессуальном понимании фиксации доказательств выступает процессуальная форма удостоверения и запечатления, поэтому процессуальное определение понятия фиксации доказательств в известном смысле можно считать формальным.

В криминалистической литературе преимущественно акцент делается на указание объектов (запечатлеваемых фактических данных), средств и методов фиксации (измерение, описание и моделирование). В основу понятия фиксации доказательственной информации Н.Н. Лысов включает такие существенные признаки, как:

- непосредственная задача фиксации (сохранение доказательственной информации, содержащейся в различных источниках);
- предмет фиксации (сведения о фактах, фактические данные: предметы, статичные изображения объектов или субъектов, динамические процессы развития преступной деятельности, действий);
- способы фиксации (тактические приемы и научно-технические средства, используемые субъектом деятельности по выявлению и раскрытию преступлений);
– конечная цель фиксации – получение процессуально оформленных фактических данных, необходимых для рассмотрения и разрешения материалов дела [16, С. 70].

В настоящее время актуальными являются следующие формы фиксации:

а) вербальная (словесная):
- протоколирование;
- звукозапись;

б) невербальная:

- графическая (схематические и масштабные планы, схемы, чертежи, рисунки, в том числе и рисованные портреты);

- предметная (изъятие предмета в натуре и его консервация, изготовление материальных моделей (реконструкция), в том числе макетирование, копирование, получение слепков и оттисков);

- наглядно-образная – фотографирование, видеосъемка (в видимой и невидимой зонах спектра) [17, С. 154–155].

Возможны различные комбинации этих форм и технических приемов их реализации, например, сочетание вербальной и графической (наглядно-образной). При этом возможна комбинация методов технических приемов фиксации, их комплексное применение, например, протоколирование, реконструкция, фотосъемка и копирование.

Фиксация придает материальным образованиям доказательственную силу, закрепляя и перенося их содержание и признаки. Например, на месте происшествия обнаружен письменный документ. В ходе обнаружения и осмотра к документу могут применяться различные способы фиксации: описание в протоколе осмотра места происшествия, в постановлении следователя о приобщении данного предмета к делу в качестве вещественного доказательства, в протоколе осмотра вещественного доказательства; составление схематического плана с указанием на нем места его обнаружения, фотосъемка и, наконец, изъятие его в натуре. Таким образом, если Р.С. Белкин и ряд других авторов относят изъятие предмета к приему фиксации, то не совсем понятно, зачем ученый обособляет этот же прием в качестве самостоятельной стадии собирания доказательств.

3) Изъятие объекта целиком или его части не является способом фиксации, а представляет собой самостоятельную стадию (отдельный элемент) собирания, которая в известной степени может служить средством сохранения вещественных доказательств, для последующего их использования.

Изъятие доказательств необходимо для обеспечения их использования в доказывании, приобщения к уголовному делу и служит средством их сохранения для следствия и суда. Изъять значит исключить, устранить, удалить, вынуть. Акцент делается на процедуру выделения источника доказательств из материальной среды, но, нам представляется, что изъятие доказательств предполагает собой не что иное, чем перенос уже зафиксированных доказательств с места происшествия. Примером изъятия документа целиком будет являться правильное обращение с ним, его упаковка, исключающая возможность его утраты, замены или повреждения.

4) Сохранение доказательств заключается в принятии мер по сохранности самих вещественных доказательств и их доказательных свойств, а также подразумевает обеспечение возможности использования данных доказательств в любой момент доказывания. Сохранить – сберечь, не дать чему-нибудь пропасть, утратиться или претерпеть ущерб, не утратить, оставить в силе в действии, не нарушить чего-нибудь. Некоторые действия, направленные на сохранение вещественных доказательств, можно наблюдать и на предыдущих стадиях собирания доказательств. Меры по сохранности доказательств могут носить процессуальный характер, например, хранение документов среди материалов дела, но могут быть и технико-криминалистическими (применение специальных приемов и технических средств): консервация объектов, имеющих доказательственное значение, покрытие их защитными пленками, стеклами и т.п. [18, С. 209].

Однако существуют специальные меры сохранения вещественных доказательств, исключающих доступ к ним посторонних лиц, а также их утери или порчи. Так, например, в правоохранительных органах изъятые документы, в том числе, паспорта, удостоверения личности, трудовые книжки и другие личные документы приобщаются к делу и хранятся в отдельных опечатанных конвертах. Для хранения вещественных доказательств оборудуются специальные помещения (хранилища, камеры хранения) со стеллажами, металлической дверью, решетками на окнах, охранной и противопожарной сигнализацией. Документы могут хранится, в специальном сейфе, в металлическом шкафу [19].

Кроме того, для документов определен свой процессуальный порядок и правила оформления их сдачи на хранение, порядок их учета и передачи, а также контроль учета и состояния хранения таких вещественных доказательств. Представляется, что все эти особенности позволяют выделить сохранение вещественных доказательств в самостоятельную стадию собирания доказательств.

Резюмируя все выше перечисленное, следует исходить из наиболее современного взгляда на собирание, согласно которому собирание доказательств (документов) является не просто механическим процессом сбора фактических данных, а сложным процессом избирательного поиска, восприятия, фиксации (закрепления), изъятия и их сохранения. При собирании документов и предметов в уголовном процессе не могут быть использованы произвольно избранные способы.

Наиболее удачное разграничение стадий собирания вещественных доказательств на современном этапе развития теории доказыва-

ния как таковой представляет система последовательных действий, предложенная А.Р. Белкиным, который в качестве таковых элементов определяет обнаружение (розыск – отыскание и выявление), получение, фиксацию, изъятие и сохранение доказательств, автор выделяет этапы исследования и проверки доказательств [20, С. 140].

Следует отметить, что в действующем уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 86 УПК России) отсутствует подробное представление процедуры собирания доказательств, а лишь указывается на то, кто может собирать доказательства и кратко излагаются отдельные способы собирания доказательств [21].

Однако положительным в уголовно-процессуальном законе является то обстоятельство, что собирание письменных и иных документов, соответствующих предметов, которые могут приобрести статус вещественных доказательств, прерогатива не только следственных органов, которые имеют право самостоятельно истребовать предметы и документы, имеющие значение для дела (ст. 86 УПК РФ), реализуемое либо путем запроса, либо путем вынесения специального постановления (определения), исполнение которых является обязательным (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданским ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, отдельно п. 3 ст. 86 УПК России регламентирует права защитника, который может собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии [21].

Правило о надлежащем субъекте собирания доказательств говорит о том, что собирать доказательства в смысле их фиксации и закрепления могут только лица, перечисленные в УПК РФ. В содержание оценки допустимости доказательств помимо правила о надлежащем субъекте собирания доказательств, некоторые авторы включают правило о надлежащем источнике собирания доказательств, правило о надлежащей процедуре, правило о «плодах отравленного дерева» – это правило означает, что доказательство не должно быть получено с помощью недопустимого доказательства [22, С. 5]. Следует также учитывать, что следователь, дознаватель, суд не вправе отказать участнику процесса в приобщении к делу доказательств или производстве следственных действий по собиранию доказательств, если обстоя-

тельства, о которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела (ст. 159, 271 УПК РФ) [21].

Несмотря на все обилие регламентированных способов получения доказательств, следует отметить, что институт предоставления доказательств остается процессуально непроработанным. До сих пор не выработаны четкие процессуальные правила получения предметов и документов для их предоставления следователю, органу дознания или суду, подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, защитникам, потерпевшим, гражданским истцам или ответчикам, их представителям, а сама процедура не обеспечена обязанностью должностных лиц предприятий и учреждений выдавать указанным субъектам какие-либо объекты.

Тем не менее, при собирании документов, следует помнить, что нередко неоправданное загромождение доказательствами отрицательно сказывается и на правильности самого решения по существу: поскольку собирание сомнительных для расследования и раскрытия преступления материалов мешает целеустремленности следствия и судебного разбирательства, искажает перспективу дела, отвлекает от поиска доказательств, действительно необходимых для выяснения существенных обстоятельств.

Кроме того, сейчас все более широкое распространение получают такие виды доказательства, как материалы, полученные в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности. Попадая в сферу уголовного процесса, такие документы и предметы могут приобрести значение вещественных доказательств. Однако их процессуальная природа пока не определена ни в теории, ни в практической деятельности, что зачастую приводит к утрате важной доказательственной информации.

В связи с развитием теории оперативно-розыскной деятельности, укреплением ее законодательной базы возникает вопрос о том, можно ли считать субъектом доказывания оперативного работника, участвующего в раскрытии преступления. По мнению А.Р. Белкина, собирание фактических данных для последующей их легализации в качестве доказательств, можно рассматривать как специфическую форму участия в доказывании – как обеспечение эффективности этого процесса, тем более что ст. 10 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает условия включения добытых оперативным путем фактических данных в систему доказательств [23]. Признание оперативного работника субъектом доказывания по конкретному делу не влечет расширения его компетенции, придания ему несвойственных функций, но способствует целеустремленности

его деятельности и отвечает его роли в раскрытии преступления [24, С. 19–20]. Необходимо отметить, что авторы, развивающие теорию доказательств, рассматривают этот путь как разновидность способов собирания доказательств.

Следует заметить, что оперуполномоченные сотрудники часто имеют в своем распоряжении документы, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанные напрямую с конкретным уголовном делом. Представляется, что в этом случае на собирание таких доказательств в отдельных случаях должна распространяться процессуальная норма, предусматривающая представление документов, предметов и следов иными лицами.

При этом необходимо учитывать, что способы собирания доказательств одновременно являются и способами их проверки, поэтому документы и предметы, полученные в особом (оперативном) режиме, нуждаются в дополнительных исследованиях. Следует четко разграничивать уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную деятельность, так как последняя не обладает достаточными гарантиями достоверности полученных документов и содержащейся в них информации.

Письменные доказательства и иные документы, обнаруженные оперативным путем («физического» обнаружение), могут рассматриваться как доказательства лишь после того как последовало их процессуальное собирание, в ходе которого к ним были полностью применены действия, определяющие их относимость и допустимость.

Во всех остальных случаях, по мнению С.В. Зуева, ориентирующая информация, полученная в результате осуществления оперативно-розыскных мероприятий (организационно-технических и розыскных действий), в ходе консультаций следователя, дознавателя со специалистами, а также вспомогательная информация, служащая целям идентификации и розыска, содержащаяся в данных криминалистической регистрации и образцах для сравнительного исследования, имеет дополнительное значение и играет существенную роль в установлении истины по делу [25, С. 53–55].

Своеобразную позицию в вопросе о том, что же представляет собой собирание доказательств, высказывает Е.А. Доля, в частности автор указывает – «… словосочетание «собирание доказательств» не выражает и даже искажает существо деятельности, которую оно обозначает, этимологически предполагая наличие доказательств в готовом виде. Если исходить из такой посылки, то доказательство остается только собрать … Доказательства не собираются, а формируются» [26, С. 125]. Ученый предлагает заменить термин «собирание» на

«формирование доказательств». Нельзя не согласится, этот термин, встречающийся в процессуальных работах, но «неизвестный закону» достаточно удачно отражает суть исследуемого процесса, но в настоящее время, целесообразно опираться на сложившийся понятийный аппарат, а введение в законодательство нормы, определяющей содержание и объем категории «формирование доказательств» является преждевременным.

Собирание (формирование) доказательств в процессе расследования преступлений – самостоятельный этап процесса доказывания, который предполагает предварительную оценку выявленных фактических данных как доказательств (судить о доказательственном значении факта с достаточным основанием можно только после его исследования). Базируется не только на уголовно-процессуальной теории доказательств, но и как уже было отмечено на частной криминалистической теории доказывания.

Как справедливо замечают А.Ю. Юнусов, Н.Н. Ковтун – «… очевидно, что сами по себе собирание, фиксация, проверка и оценка доказательств, без ясной и видимой цели, лишены всякого смысла, ибо не могут быть самоцелью в процессе и некой самодостаточной «вещью в себе». Обоснование выводов и решений по делу необходимой совокупностью доказательств, полученных, проверенных и оцененных в установленном законом порядке, вот что придает смысл и значение всем его элементам, не отрицая в этом единстве ни практического познания фактических обстоятельств дела, ни логического обоснования полученных знаний» [27, С. 71–79].

Резюмируя существующие точки зрения в отношении рассматриваемого предмета – собирания и формирования доказательств, ориентируясь на современные реалии процесса доказывания, включая активный, целенаправленный поиск доказательств и их представление для криминалистического исследования, можно сформулировать следующую дефиницию «собирания доказательств» (в том числе относящуюся к собиранию документов-вещественных доказательств) – это комплекс процессуальных действий субъектов доказывания в пределах их полномочий, предопределяемые стратегией и тактическими приемами доказывания, состоящий из взаимозависимых стадий (элементов, этапов, фаз) по поиску (розыску), обнаружению, получению (истребованию и предоставлению), фиксации (закреплению), изъятию, транспортировки и сохранению вещественных доказательств в установленном законом порядке, в том числе включая представление (сопровождение) доказательств для исследования согласно установленным правилам или в случае назревшей необходимости.

Рассматривая представление документов для их экспертного исследования, необходимо указать на некоторую самостоятельность данного этапа (элемента) собирания документов и связанных с ними предметов, поскольку это последний элемент процесса собирания, требующий отдельных процессуальных действий – назначения экспертизы, получение и предоставление на исследование сравнительных образцов. В качестве образца (эталона) подлинных документов могут использоваться оригинальные документы, представленные соответствующими государственными, коммерческими и иными организациями, от имени которых выдан исследуемый документ.

---

1. Винберг А.И. Криминалистика. Введение в науку. М.: ВШ МВД СССР, 1962.

2. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969.

3. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966.

4. Терзиев Н.В. Лекции по криминалистике. М., 1951.

5. Терзиев Н.В., Эйсман А.А. Введение в криминалистическое исследование документов / Под ред. Л.П. Рассказова. М., 1949.

6. Колмаков В.П. Способы собирания и закрепления судебных доказательств // Социалистическая законность. 1955. № 4.

7. Михайловская И.Б. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел. М., 1968.

8. Митричев С.П. Предмет советской криминалистики и ее место в системе юридических наук // Социалистическая законность. 1952. № 3. С. 25–26; Митричев С.П. Советская криминалистика. Ч. 1. М., 1962.

9. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962.

10. Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966.

11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.

12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М.: Юрид. лит., 1966.

13. Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов: Саратов ун-т. 1986.

14. Лупинская П.А. Доказательства в уголовном процессе. Допустимость доказательств. Основания и последствия признания доказательств недопустимыми // Комментарий российского законодательства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

15. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 2-е изд. доп.

16. Лысов Н.Н. Фиксация доказательств в уголовном процессе. Ч. 1: Методологические проблемы. Н. Новгород: ЮИ МВД России, 1998.

17. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. Криминалистика: Учеб. для вузов / Под ред. засл. деят. науки РФ, проф. Р.С. Белкина. М.: НОРМА, 1999.

18. Белкин Р.С. Избранные труды / Рафаил Самуилович Белкин. М.: Норма, 2008.

19. «Инструкция о порядке изъятия, учета, хранения, передачи, реализации, возврата, уничтожения вещественных доказательств и материальных ценностей, изымаемых по уголовным делам и материалам в ходе следствия, дознания и суда» (утв. Постановлением от 08.08.2006 г. Генпрокуратуры № 63, ВС № КТБ-176-06, СНБ № 3/2161, МВД № 9, МЮ № 19, МО № 12, ГТК № 01-02/22-19, зарегистрированным МЮ23.08.2006 г. № 1616); Приложение к приказу ФТС России от 25.12.2006 Р 1363 «Инструкция о порядке изъятия, хранения, учета, передачи и уничтожения вещественных доказательств, ценностей и иного имущества по уголовным делам и материалам проверок сообщений о преступлениях в таможенных органах Российской Федерации».

20. Белкин А.Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. М.: Норма, 1999.

21. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

22. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 1999.

23. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.

24. Белкин А.Р. Теория доказывания криминалистический и оперативно-розыскной аспекты: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09, Воронеж, 2000.

25. Зуев С.В. Правовая основа использования оперативной информации в уголовном процессе // Следователь. М., 2002, № 12.

26. Доля Е.А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии. Материалы круглого стола, 13 ноября 2003 года. М., 2004.

27. Юнусов А.А., Ковтун Н.Н. Об устранении мнимых и действительных противоречий в методологии уголовно-процессуальных исследований // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского / Под ред. В.Т. Томина, И.А. Склярова. Н. Новгород, 1998.

Ключевые слова: собирание доказательств, представление документов для экспертного исследования.

УДК 343.98

ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЛУЧЕНИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ОТ ОЦИФРОВАННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СТРЕЛЯНЫХ ГИЛЬЗ

Журавлева Ксения Алексеевна,
эксперт, Отделение №4 ЭКО УМВД России по городу Волгограду, 400131, г. Волгоград, ул. Рокоссовского, д. 8

Прокофьева Елена Васильевна,
старший преподаватель кафедры криминалистической техники УНК ЭКД, Волгоградская академия МВД России, 400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье авторами рассматривается возможность получения диагностической информации от стреляных гильз при их сканировании на планшетном сканере. В работе приводятся варианты интерпретации информации от оцифрованных изображений стреляных гильз и возможность ее реализации в практических целях.

Одной из самых важных процессуальных форм использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений связанных с применением огнестрельного оружия, является судебно-баллистическая экспертиза, при всем ее многообразии методик и способов реализации.

В настоящее время в практику правоохранительных органов интегрировано значительное количество технических средств самого разного назначения, в том числе в области информационных технологий. Данный факт является прямым соблюдением принципа деятельности полиции, закрепленного в статье 11 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [1], а также принципа зафиксирован-

ного в статье 4 Федерального закона от 31 мая 2001 года №73 «О государственной судебно-экспертной деятельности Российской Федерации» [2]. Каждый сотрудник ОВД в рамках выполнения своих обязанностей по организации раскрытия и расследования преступлений применяет информационные технологии в том или ином их проявлении.

Значимость планшетного сканера в экспертно-криминалистической деятельности неоспорима. Так, например, планшетные сканеры, как разновидность средств информационных технологий, повсеместно применяются при производстве почти всех традиционных видов криминалистических экспертиз. Использование в различных отраслях экспертно-криминалистической практики метода сканирования изображения позволяет качественно изменить процесс обнаружения, сравнения и оценки признаков объектов исследования (сканируемого объекта), повысить обоснованность выводов, значительно сократить рутинные и трудоемкие процессы формирования результатов экспертиз. Цифровая обработка изображений в этом смысле дает существенные преимущества по сравнению с традиционными фотографическими методами преобразования изображений [7].

Нами был разработан способ сканирования стреляных гильз посредством планшетного сканера. С помощью изображения, полученного в результате сканирования донца стреляной гильзы посредством планшетного сканера, была получена следующая информация: – геометрия образца (данный признак является не релевантным, т. к. все гильзы в зависимости о калибра и других параметров делаются по определенному ГОСТу, и имеют одинаковые размеры); – цветовая информация (цвет образца, распределения цветовых пятен в зависимости от наличия различных неровностей, царапин, следов бойка и т. д. на поверхности образца).

В целях установления дополнительных сведений, имеющих значение для решения задач судебно-баллистических исследований, нами были проведены экспериментальные исследования с использованием современных программно-технических средств и компьютерной техники. Процесс получения оцифрованных изображений стреляных гильз заключался в следующем → непосредственно перед сканированием, гильза была очищена от загрязнений → далее гильзу помещали донцем вниз на поверхность сканера так, чтобы след от зацепа выбрасывателя и отражателя примененного оружия находились в одной плоскости → устанавливались параметры для процесса сканирования (яркость, разрешение и т.п.) → подбирался оптимальный режим освещения → выбиралась необходимая область сканирования → произво-

дился непосредственно сам процесс сканирования → полученные изображения стреляных гильз сохранялись в памяти компьютера.

В получения оцифрованных изображений стреляных гильз след бойка оказался наиболее ярко выраженным, точнее световой блик (световое пятно) которое отбрасывала сканирующая каретка сканера от углубления следа бойка на капсюле. Мы попытались рассмотреть световое пятно, полученное в результате сканирования следа, оставленного на капсюле бойком, в качестве одного из возможных признаков стреляной гильзы. Проанализировав полученные изображения, мы пришли к выводу, что по световому пятну на капсюле, по его площади, можно сделать вывод о том, принадлежат ли гильзы одному и тому же экземпляру оружию или разным. Для чего необходимостью стало подсчитать площадь этих световых пятен, и на основе полученных числовых данных прийти к определенному выводу.

Нами было установлено, что программное обеспечение Adobe Photoshop наилучшим образом подходит для получения и интерпретации информации, полученной от оцифрованных, по средством планшетных сканеров, изображений стреляных гильз [3].

Методика нахождения площади участка изображения известна, и заключается в следующем: инструментом программы AdobePhotoshop – «Волшебная палочка» выделяется необходимый участок изображения. После этого выполняется команда «Изображение» → «Гистограмма». В окне «Гистограмма» отображается распределение пикселей выделенного участка изображения по яркости (то есть в виде гистограммы отображено количество пикселей каждой яркости). Для нахождения площади необходимо значение «Пиксели» [5]. Это значение площади выделенного участка изображения в пикселях. Перевод в квадратные сантиметры осуществляется по формуле:

$$S\left[см^2\right] = \frac{(2.54)^2 * S\left[пиксели\right]}{r^2} \quad (1),$$

где r – разрешение изображения (в точках на дюйм) при сканировании; S – площадь пикселей полученная из гистограммы; 2,54 – эмпирический коэффициент.

Для получения достоверных результатов, целесообразно подбирать условия освещения помещения при сканировании объектов, которые зависят от программных настроек сканера, его типа. В рассматриваемом случае, наилучшие результаты были получены при сканировании в затемненном помещении.

С целью получения информации об изучаемом объекте, нами было использовано программное обеспечение «TWAIN», позволяю-

щее изменять цветовые характеристики сканируемого объекта с помощью команд меню Enhance (улучшение изображения). Корректировка основных настроек данного меню – Bright (яркость), Contrast (контрастность), Gamma (гамма), баланс цветов – зависит от того какие параметры являются релевантными для экспериментатора, т.е. непосредственно связана с желаемым результатом сканирования.

Далее сканирование проводилось по вышеуказанному алгоритму для гильз от различных экземпляров пистолета Макарова. Причем заведомо было известно от каких экземпляров оружия стреляны эти гильзы, для отстрела были выбраны по два экземпляра пистолета Макарова. После каждой серии выстрелов одного вида оружия были отобраны по 2-3 гильзы [6].

Как сказано выше, для выделения необходимого участка изображения (области светового пятна) используется инструмент программы AdobePhotoshop «Волшебная палочка». Для реализации нашего способа посредством инструмента «Волшебная палочка» мы по три определяли область светового пятна на каждом исследуемом объекте (гильзе) и соответственно получали по три значения площади S в PPI (пикселях), между которыми было найдено среднее значение (наиболее вероятное значение измеряемой величины) – площади светового пятна. После чего по формуле (1) осуществлялся перевод площади S из PPI в $см^2$. Аналогичная операция выполнялась для каждого из трех объектов.

Первую группу исследуемых объектов составляли три разные стреляные гильзы от пистолетов Макарова, причем объект (гильза) №1 и №3 были от одного экземпляра оружия, объект №2 от другого [4]. Результаты измерений площади пятен (в PPI и $см^2$) на следах бойка для первой группы представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты измерения площади пятен на следах бойка для первой группы исследуемых объектов в PPI и $см^2$

№ объекта	1	2	3
Площадь S, PPI	2023; 2117; 1917	2920; 2277; 2927	2096; 2276; 2141
Площадь S, $см^2$	0,00906; 0,00948; 0,00859	0,01308; 0,01020; 0,01311	0,00939; 0,01019; 0,00959
Площадь $S_{ср}$, PPI	2022,8	2708	2171
Площадь $S_{ср}$, $см^2$	0,009	0,011	0,009

Из таблицы 1 видно, что площадь светлого пятна от первого и третьего объектов – одинаковые, т.е. подтвердилось, что эти объекты являются гильзами стрелянными из одного и того же экземпляра оружия (ПМ).

С целью установления достоверности полученных результатов (определения точности вышеизложенного способа), была произведена статистическая оценка полученных результатов измерений по следующему алгоритму:

1) переведена площадь исследуемого светового пятна S из (ppi) в ($см^2$) по формуле (1) представленной выше;
2) рассчитано среднее арифметическое значение $\mathbf{S_{ср}}$;
3) получено значения стандартного отклонения (ошибки) **s**;
4) определена абсолютная ошибка (доверительный интервал) $\Delta\mathbf{S}$;
5) получено значение относительной ошибки **ε %.**

Результаты измерений представлены в таблице 2.

Таблица 2 .

Статистическая обработка результатов измерений к табл. 1

№ опыта	$S_{ср}$ ($см^2$)	s ($см^{2)}$	ΔS ($см^2$)	ε %
1	0,00904	0,00044525	0,001107	1
2	0,01213	0,00000558	0,001385	3
3	0,02912	0,00056516	0,001407	1

Вторую группу исследуемых объектов составляли две гильзы объект №4 и №5 стреляные из разных экземпляров пистолета Макарова. Результаты измерений площади пятен (в PPI и в $см^2$) на следах бойка для второй группы представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Результаты измерения площади пятен на следах бойка для второй группы исследуемых объектов в PPI и $см^2$

№ объекта	4	5
Площадь S, ppi	2101;875;1304	2270;1102;1358
Площадь S, $см^2$	0,00941; 0,00392; 0,00584	0,01017; 0,00494; 0,00608
Scp, ppi	1426,7	1576,7
S, $см^2$	0,006	0,007

Из таблицы 3 видно, что площадь светлого пятна от четвертого и пятого объектов – разные, т.е. также подтвердилось, что эти объекты являются гильзами стрелянными из разных экземпляров оружия.

Таблица 4.

Статистическая обработка результатов измерений к табл. 3

№ опыта	$S_{ср}$ (см^2)	s (см$^{2)}$	ΔS (см^2)	ε %
4	0,01917	0,00025275	0,00062749	3
5	0,02119	0,0003	0,00074474	3

Согласно данным статистической обработки результатов измерений, очевидным является тот факт, что доверительный интервал (абсолютная погрешность) в обозначенном натурном эксперименте, не превышает 0,0007 см^2, при истинном значении измеряемой физической величины (площади светового пятна **S**) не превышающем значение 0,02 см^2 , что позволяет сделать вывод: истинное значение измеряемой величины $S_{ист} = \mathbf{S_{ср}} \pm \Delta\mathbf{S}$ определено с точностью до 4-го знака после запятой [6].

Вывод: в результате оцифровки изображения гильзы след бойка оказался наиболее ярко выраженным. Поэтому в данной работе была сделана попытка рассмотреть цветовые пятна, полученные в результате сканирования следов, оставленных на капсюле бойком, в качестве одного из возможных идентификационных признаков стреляной гильзы. С учетом особенностей исследования стреляных гильз, был определен алгоритм процесса сканирования. Резюмируя этапы исследования очевиден ряд фактов, касающейся определенного нами способа получения сканированных изображения стреляных гильз посредством планшетного сканера: при наличии стреляных гильз от одного или разных экземпляров оружия можно по их скан-изображениям, полученным посредством планшетного сканера, и измеренной S светового пятна (от следа бойка на капсюле), дать ответ на вопрос стреляны ли они из одного или разных экземпляров оружия; процесс сканирования для различного технического оборудования и программного обеспечения различается в незначительной степени, главное условие остается одно максимально возможное разрешение сканирования в dpi; при исследовании гильз от патронов одной серии, стреляных из различных видов оружия, вышеописанный способ отрабатывает в полной мере, позволяет получить достоверные результаты с точностью измерения до 4-го знака после запятой.

1. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015) "О полиции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс 2017

2. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности Российской Федерации» // (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.04.2015) [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс 2017

3. Марчук К.А., Прокофьева Е.В. Оцифрованные изображения стреляных гильз, полученные посредством планшетных сканеров - пути интерпретации и применения полученной информации. Сбр. труд.: Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. Воронежский институт МВД России. 2015. С. 33-34.

4. Прокофьева Е.В. Сканирование неплоских объектов с помощью планшетного сканера на примере стреляных гильз / Е.В. Прокофьева. Сбр. Судебная экспертиза: российский и международный опыт Материалы II Международной научно-практической конференции. 2014. С. 232-237.

5. Мак-Клелланд Дик, Обермайер Барбара Photoshop для Windows / Дик Мак-Клелланд, Обермайер Барбара. М-СПб-Киев : Диалектика, 2002. 447 с.

6. Прокофьева Е.В., Прокофьева О.Ю. Интерпретация и реализация информации об изображениях стреляных гильз, полученных посредством планшетных сканеров / Е.В. Прокофьева, О.Ю. Прокофьева // Вестник воронежского института МВД России. 2015. № 3. с. 239-245.

7. Козлов М.О., Плотников Д.В. Применение сканеров при производстве отдельных видов традиционных криминалистических экспертиз: Учеб.-метод. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2006. 48 с., 100 экз.

Ключевые слова: диагностика, стреляные гильзы, сканер, планшетный сканер, судебно-баллистическая экспертиза.

УДК 343.98

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН № 73-ФЗ ОТ 7 АПРЕЛЯ 2017 Г.: РАСШИРЕНИЕ ГАРАНТИЙ БЕСПРЕПЯТСТВЕННОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

Зайцева Елена Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, д.ю.н., профессор
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье рассматриваются сложности применения новелл федерального закона № 73-ФЗ от 17 апреля 2017 г. в части привлечения защитником специалиста для оказания научно-технической и консультационной помощи. Делается вывод о противоречивости нормативного регулирования указанных правоотношений, что затрудняет реализацию защитником установленных новых прав.

Федеральный закон № 73-ФЗ от 17 апреля 2017 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» был принят, судя по устремлениям разработчиков, с целью «создания дополнительных гарантий независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве» [1]. Как сообщил на заседания Государственной Думы от 7 марта 2017 г. при обсуждении проекта федерального закона № 99653-7 полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе Г.В. Минх, основная цель внесенного Президентом законопроекта – «создание дополнительных гарантий, которые обеспечили бы большую независимость, самостоятельность адвокатов в уголовном процессе и тем самым создали бы более качественную правовую основу для повышения уровня правовой защиты, которая оказывается лицам, обвиняемым в совершении преступлений» [2].

Адвокатское сообщество давно ожидало решительных шагов законодателя по созданию системы действенных гарантий беспрепятственного осуществления адвокатской деятельности.

Расширение указанных гарантий нашло воплощение в целой системе норм, которые детализировали в УПК РФ уведомительную процедуру вступления адвоката-защитника в дело, алгоритм проведения обыска, осмотра, выемки в офисе адвоката и использования в доказывании материалов адвокатского досье; установили правила дачи показаний адвокатом-защитником и адвокатом-представителем по делу его доверителя; урегулировали случаи обязательного удовлетворе-

ния ходатайств защитника о его участии в производстве следственных действиях, инициированных им или его доверителем.

Казалось бы – вот долгожданные нормы, которые создадут условия для качественного и беспрепятственного участия адвоката-защитника в уголовном деле, и элементы состязательности наконец-то станут составной частью режима досудебного производства! Однако, как свидетельствуют некоторые публикации, инерция практики такова, что моментального эффекта от принятых новелл адвокаты не почувствовали [3; 4; 5].

С учетом объема настоящей статьи, хотелось бы остановиться только на одном аспекте, связанном с реализацией новелл федерального закона № 73-ФЗ, на ч. 2.1. ст. 58 УПК РФ, которая приковывает внимание в связи с длительным интересом автора этих строк к проблематике использования специальных познаний.

Прежде всего, следует отметить, что эту новеллу необходимо толковать в системном единстве с другими законоположениями, регулирующими участие в уголовном судопроизводстве специалистов.

Вовлечение специалиста в доказывание по уголовному делу чаще всего осуществляется по усмотрению лидирующих субъектов – должностных лиц органов предварительного расследования и суда. В силу требований ст. 168 УПК РФ следователь вправе привлечь к производству по делу специалиста, а в судебных стадиях вызов специалиста осуществляется судом (ст. 251 и 270 УПК РФ) по собственной инициативе или с учетом ходатайств сторон.

В досудебном производстве с момента вступления в процесс защитник (еще до принятия федерального закона от 17.04.2017 № 73-ФЗ) имел право привлекать специалиста к участию в следственных или иных процессуальных действиях согласно п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. При этом следует подчеркнуть, что законодатель умалчивает о процедурных аспектах такого участия специалиста, ограничиваясь упоминанием ст. 58 УПК РФ, согласно которой общими формами участия специалиста к производству по уголовному делу являются:

1) *оказание им содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов.* Такая формулировка позволяет говорить о возможности участия специалиста в проводимых защитником действиях, направленных на получение предметов и документов в рамках ч. 3 ст. 86 УПК РФ для представления их следователю в качестве основы для формирования доказательств. Однако, очевидно, что ввиду отсутствия нормативного регулирования подобного участия «специалиста» в адвокатских действиях, сведущее лицо, привлекаемое защитником, сложно назвать специалистом в смысле ст. 58 УПК

РФ, т.к. защитник не наделен полномочием по разъяснению прав, обязанностей и ответственности такому сведущему лицу, полномочием по процессуальному закреплению его статуса – это является исключительной прерогативой лидирующих субъектов уголовного судопроизводства;

2) *применение специалистом технических средств*. По сути, изложенные выше аргументы в полной мере подходят для данной формы привлечения сведущего лица адвокатом-защитником, фиксирующим для адвокатского досье информацию с помощью технических средств, применяемых указанным сведущим лицом;

3) *постановка вопросов эксперту*. Безусловно, результативность судебной экспертизы во многом предопределяется корректной и полной постановкой вопросов эксперту. В досудебном производстве такая возможность участвовать в формулировании задания эксперту предоставляется защитнику в рамках реализации процедур, предусмотренных ч. 3 ст. 195 и п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ. И именно эта форма позволяет защитнику вовлечь сведущее лицо в процессуальные отношения в качестве специалиста, т.к. действиями, урегулированными ч. 3 ст. 195 и п. 4 ч. 1 ст. 198 УПК РФ, формально руководит следователь или дознаватель, назначивший судебную экспертизу. Только органы предварительного расследования обеспечивают реализацию прав участников со стороны защиты и обвинения при назначении судебной экспертизы, они же формально закрепляют статус сведущего лица, приглашенного защитником в качестве специалиста, согласно ст. 58 и ст. 168 УПК РФ;

4) *разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста*. Данная форма участия специалиста предусматривает *два варианта* дачи разъяснений: в *письменном порядке*, когда представляется заключение специалиста согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ, и в *устном порядке*, что может фиксироваться в виде показаний специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ) в протоколе допроса специалиста или в протоколе следственного действия с участием специалиста, который дает пояснения по ходу выполняемых им действий или делает заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол (чч. 4 и 6 ст. 166 УПК РФ). При этом дача заключения таким «специалистом» защитнику «выпадает» за рамки процессуальных процедур[1], т.к. статус его в качестве специалиста будет формально закреплен позже – только лицом, осуществляющим предварительное

[1] О том, что из-за отсутствия нормативной регламентации в УПК РФ порядка получения заключения специалиста ставится под сомнение допустимость данного законодательства, см. подробнее: [6; 7].

расследование, когда следователь или дознаватель признают заключение сведущего лица «заключением специалиста» и приобщат в качестве такового к материалам уголовного дела. Однако подобный алгоритм в описываемой ситуации содержит противоречие: не может признаваться заключением специалиста письменное разъяснение им специальных вопросов, если статус этого лица как специалиста еще формально не закреплен. По сути, исходя из буквального толкования закона, только при обращении следователя или дознавателя к специалисту за письменным разъяснением можно получить такой источник доказательственной информации, как заключение специалиста. При обращении защитника за разъяснением к сведущему лицу, чей статус специалиста еще формально не определен, получается *письменный документ, содержащий суждения сведущего лица, которое специалистом в смысле ст. 58 УПК РФ еще не является.* Следовательно, сложно назвать такой источник информации заключением специалиста – он в большей степени соответствует признакам документа-доказательства, закрепленным в ст. 84 УПК РФ.

То обстоятельство, что в досудебном производстве по уголовным делам процессуальный статус сведущего лица в качестве специалиста определят следователь или дознаватель – не вызывает сомнения: это вытекает из буквального толкования ранее существовавшей системы норм (ст. 58 и 168 УПК РФ), это прослеживается и из новелл федерального закона от 17.04.2017 № 73-ФЗ: «Стороне защиты не может быть отказано *в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию* в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 71 настоящего Кодекса» (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ).

Толкование вновь введенной ч. 2.1. ст. 58 УПК РФ дает основание для ряда суждений:

1) порядок вовлечения специалиста в доказательственную деятельность остался прежним – защитник ходатайствует о его привлечении перед лицом, осуществляющим предварительное расследование;

2) следователь должен мотивировать отказ в удовлетворении подобного ходатайства[1] наличием обстоятельств, указанных в ст. 71 УПК РФ, которая определяет основания для отвода специалиста:

[1] В силу принципа презумпции невиновности именно на следователе и дознавателе лежит бремя опровержения доводов стороны защиты о приемлемости кандидатуры сведущего лица для вовлечения его в производство по уголовному делу в качестве специалиста.

а) обстоятельств, выступающих общими основаниями для отвода (ч. 2 ст. 61 УПК РФ, распространяющаяся и на специалиста, предусматривает в качестве таковых и «иные обстоятельства, дающие основание полагать, что» специалист «лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела»;

б) специальных оснований для отвода (распространяются и на эксперта, и на специалиста): «если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей»; «если обнаружится его некомпетентность» (п. п. 2 и 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ).

Среди этих оснований присутствуют такие обстоятельства, которые в любой ситуации дают следователю повод усомниться в объективности и беспристрастности специалиста, приглашенного защитником – это *нахождение специалиста от защитника в зависимости*, т.к. оказание научно-технической и консультационной помощи защитнику по уголовному делу нередко порождает между ним и специалистом гражданско-правовые отношения по поводу возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ), что прямо предусмотрено п. 4 ч. 3 ст. 6 федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По сути, указание в новой ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ на ст. 71 УПК РФ фактически блокирует инициативу защитника на вовлечение в производство по уголовному делу специалиста, с которым он заключил соответствующий договор возмездного оказания услуг. При появлении информации о таких взаимоотношениях между специалистом и защитником у следователя есть основание для отвода такого специалиста, чем, безусловно, он не преминет воспользоваться.

Как же в этих условиях обеспечить участие специалиста по инициативе защитника, чтобы следователь не воспользовался ситуацией с отводом? Если представить алгоритм с привлечением сведущего лица по инициативе стороны защиты, с которым защитник не будет заключать договор об оплате его услуг, то вряд ли найдется много желающих компетентных лиц оказывать помощь защитнику на безвозмездной основе. Даже если защитник сам не будет «ангажировать» специалиста, а просто выступит с инициативой пригласить конкретное сведущее лицо, нередко следователи ищут повод поставить под сомнение его компетентность[1]. По сути, судьба реализации состязательных начал при привлечении сведущих лиц в системе существую-

[1] Нами ранее описывались ситуации, когда суд и органы предварительного расследования не признавали компетентными лиц, приглашенных защитниками, несмотря на наличие у сведущего лица ученой степени кандидата наук в соответствующей сфере [8].

щих уголовно-процессуальных отношений зависит в досудебном производстве от усмотрения следователя и дознавателя [9].

Для полноты воплощения замысла законодателя в части создания дополнительных гарантий осуществления адвокатской деятельности выход видится нам один – внести дополнения в ст. 71 УПК РФ, обозначив, что не является основанием для отвода специалиста заключение с ним защитником договора об оказании на возмездной основе научно-технической и консультационной помощи.

---

1. К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Пояснительная записка // Паспорт проекта федерального закона № 99653-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве) [Электронный ресурс]. URL: http://asozd.duma.gov.ru (дата обращения: 11.02.2017).

2. Хроника дополнительного заседания Государственной Думы от 7 марта 2017 года № 29. URL: http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2017-03-07 (дата обращения: 13.03.2017).

3. Головко Л.В. Поправки в УПК в помощь адвокатам совершенно оторваны от реальности [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. 2018. № 2 URL:https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=617019 (дата обращения: 25.01.2018).

4. Куприянов А.А. О чем будут спорить следователь и адвокат? [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. 2017. № 7 URL: https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=566538 (дата обращения: 25.01.2018).

5. Васильев О.Л. Новые права адвокатов в УПК РФ: плюсы и минусы [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. 2017. № 8 URL: https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=573806 (дата обращения: 25.01.2018).

6. Божьев В.П. Недостатки системного характера в регулировании процесса доказывания по уголовному делу // Совершенствование борьбы с преступностью в сфере экономики: сб. аналит. и метод. материалов. - М., 2006. С. 110-116;

7. Зайцева Е.А., Гарисов С.М. К вопросу о заключении специалиста // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 4 (11). С. 67-73.

8. Гарисов С.М. Использование специальных познаний в судебном производстве по уголовным делам : монография. Волгоград : ВА МВД России, 2010. С. 136.

9. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Издательство Юрайт, 2011. С. 331.

Ключевые слова: защитник, специалист, консультационная помощь, заключение специалиста, федеральный закон № 73-ФЗ.

УДК 343.1

О РОЛИ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППЫ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ РУКОВОДСТВЕ И КОНТРОЛЕ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Зотов Алексей Юрьевич,
преподаватель кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье автор рассматривает роль руководителя следственной группы за деятельность следователей, входящих в её состав, раскрывает понятие и признаки сложных и больших по объему уголовных дел.

Руководитель следственного органа – один из основных участников уголовного судопроизводства, наделенный широким кругом полномочий и ответственности. По нашему мнению, основная причина появления такой процессуальной фигуры, как руководитель следственного органа – реформирование системы органов предварительного следствия, в частности, образование Следственного комитета РФ.

Федеральный закон от 05 июня 2007 г. № 87 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации» [1] заменив начальника следственного отдела руководителем следственного органа, возложил на него полномочия по процессуальному контролю за производством предварительного следствия, которыми ранее был наделён прокурор. Таким образом, реформа органов предварительного следствия 2007 г. сосредоточила «в руках» руководителя следственного органа не только полномочия по административному руководству следователем как подчиненным сотрудником, но и по процессуальному контролю за его деятельностью по расследованию уголовных дел [2]. В результате уголовно-процессуальная деятельность следователя ис-

пытывает контрольно-надзорное воздействие с трех сторон: со стороны руководителя следственного органа, надзирающего прокурора и суда.

Осуществлять руководство деятельностью следователя, помимо руководителя следственной группы, может ещё один руководитель – **руководитель следственной группы**. Однако необходимо отделять два этих понятия, поскольку они не тождественны и обозначают двух участников со стороны обвинения, обладающих самостоятельным набором процессуальных полномочий.

Во-первых, руководитель следственного органа осуществляет процессуальное руководство деятельностью всего следственного подразделения по всем уголовным делам, находящимся в производстве у следователей, а руководитель следственной группы руководит расследованием только одного дела и деятельностью только тех следователей, которые входят в группу.

Во-вторых, руководитель следственного органа осуществляет контроль за деятельностью подчиненных следователей, чего нельзя сказать о руководителе следственной группы, поскольку его основная задача заключается в организации работы группы (сложнее обстоит дело, когда руководство группой следователей берет на себя непосредственно руководитель следственного органа).

В ст. 163 УПК РФ, регламентирующей производство предварительного следствия следственной группой, законодатель предусмотрел два случая, при которых производство предварительного следствия по уголовному делу руководителем следственного органа может быть поручено следственной группе: сложность и большой объем уголовного дела. Однако уголовно-процессуальный закон не содержит пояснения, что же понимать под сложностью и большим объемом уголовного дела.

По мнению А.П. Рыжакова, под сложными следует понимать уголовные дела: в которых необходима одновременная отработка большого числа следственных версий; о серии преступлений, совершенных в разных населенных пунктах; многоэпизодные; о преступлениях, совершенных преступными организациями и сообществами; по которым расследование осложняется многообразием методов совершения и сокрытия преступлений [3].

Схожей позиции придерживается Б.А. Викторов, предлагая относить к сложным и объемным такие уголовные дела, в которых: необходима одновременная отработка большого числа версий об обстоятельствах совершенного преступления и о лицах, причастных к его совершению; имеются данные о совершении схожих по своему «почерку» преступлений на территории разных населенных пунктов;

соединены несколько эпизодов преступной деятельности; отсутствует возможность выделить в отдельное производство дела о совершении преступлений на территории крупных объектов; привлечению в качестве обвиняемых подлежит большое число лиц; невозможно обойтись поручениями о производстве отдельных следственных действий в случае разбросанности территории, на которой необходимо проводить расследование [4].

Близкой к вышеизложенным позициям является точка зрения А.К. Савельева, который полагает, что под сложными и объемными уголовными делами законодатель подразумевает уголовные дела, обладающие следующими признаками: необходима одновременная отработка большого числа следственных версий; преступление вызвало большой общественный резонанс; большое количество эпизодов преступной деятельности; необходимость в проведении большого числа следственных действий; наличие множества лиц, подлежащих к привлечению в качестве обвиняемых по уголовному делу; в одно производство соединены уголовные дела о преступлениях, совершенных в различных субъектах РФ; большое количество лиц, погибших при совершении преступления [5].

В.А. Коновалов, среди обстоятельств, в виду которых уголовное дело можно считать сложным, также выделяет множество эпизодов преступной деятельности, большое количество обвиняемых, размер территории, на которой совершены преступления. При этом поясняет, что в первую очередь большой объем уголовного дела и предопределяет его сложность, указывая, что соединение нескольких уголовных дел в одно производство обязательно приведет к возрастанию его объема [6].

В.С. Шадрин приводит собственный перечень обстоятельств, которыми определяется сложность и большой объем уголовного дела. К таковым он относит: число эпизодов; количество участников их совершивших; большой размер территории совершения преступлений; необходимость в выполнении сложных следственных действий [7].

М.М. Хамгоков указывает: «понятие «сложность» дела отражает внутреннюю (качественную) сторону преступления, а «большой объем» характеризует внешнюю, количественную … На практике уголовные дела нередко сочетают в себе оба этих компонента, т. е. могут быть и сложными, и большими по объему» [8].

С точки зрения М.М. Шамсутдинова, под сложностью и большим объемом «следует понимать такие свойства уголовного дела, которые не позволяют достаточно полно, всесторонне, объективно и своевременно его расследовать одному следователю и которые предо-

пределены фактическими обстоятельствами совершенного или совершенных преступлений и процессом их расследования» [9].

По мнению И.С. Смирновой, сложное уголовное дело представляет собой «регулируемое законом многопредметное уголовно-процессуальное производство (деятельность), осуществляемое органом уголовного преследования или судом, направленное на решение двух или более вопросов о виновности (невиновности) обвиняемого (обвиняемых), характеризующееся наличием множественности (двух и более) либо преступлений, либо обвиняемых, либо потерпевших или совокупности этих признаков в любом сочетании, состоящее из двух или более простых производств (уголовных дел), зафиксированное в собранных и составленных в связи с его осуществлением материалов» [10].

Вполне обоснованной, на наш взгляд, выглядит позиция В.А. Семенцова, понимающим под сложностью и большим объемом производства предварительного следствия групповые, многоэпизодные уголовные дела, уголовные дела о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности, представляющих трудности для раскрытия и установления лиц, виновных в их совершении, а также уголовные дела о преступлениях, получивших общественный резонанс [11].

На основании изложенных точек зрения, выделим обстоятельства, на основании которых уголовное дело можно считать сложным и большим по объему:

- множество версий, подлежащих проверке;
- совершение преступлений в различных населенных пунктах (так называемая обширная география);
- большое число лиц, подлежащих привлечению к ответственности;
- многоэпизодность.

Следственная группа приступает к производству предварительного следствия по уголовному делу после принятия и процессуального оформления двух решений:

1. Решение о поручении производства предварительного следствия по уголовному делу следственной группе, принятое руководителем следственного органа, и оформленное в виде соответствующего постановления или в виде указания об этом в отдельном пункте постановления о возбуждении уголовного дела.

2. Решение о принятии уголовного дела к своему производству, оформленное в виде соответствующего постановления руководителем образованной следственной группы.

В ч. 5 ст. 163 УПК РФ указано право руководителя следственной группы и её членов принимать участие в производимых другими

следователями следственных действиях, лично производить следственные действия и принимать процессуальные решения по уголовному делу, что является правовой основой осуществления ими своих полномочий при производстве предварительного следствия следственной группой.

Проведя анализ полномочий руководителя и членов следственной группы, предусмотренных ст. 163 УПК РФ, можно констатировать, что члены следственной группы, в отличие от руководителя, уполномочены проводить лишь те следственные и процессуальные действия, которые не ограничивают конституционные права граждан. К таковым можем отнести производство допросов и осмотров, вынесение постановлений о признании потерпевшим, о назначении судебных экспертиз, о приобщении к делу вещественных доказательств.

Как верно отмечает П.А. Лупинская, ошибочно полагать, что при расследовании преступления следственной группой какие-либо значимые решения принимаются коллегиально [12]. При такой форме расследования сопоставляются различные точки зрения, что, на наш взгляд, способствует преодолению присущего индивидуальному мышлению субъективизма при принятии решений.

Таким образом, можно выделить некоторые особенности, характерные для производства предварительного следствия по уголовному делу следственной группой:

1. Каждый из следователей, входящих в состав следственной группы, наделен совокупностью прав по производству определенных процессуальных действий и принятию решений.

2. Наличие у руководителя следственной группы исключительных полномочий по руководству деятельностью следователей и по организации работы всей группы.

3. Руководитель следственной группы принимает часть решений, основывая их на опосредованном восприятии обстоятельств совершенного преступления, в виду отсутствия у него возможности непосредственно их воспринимать.

4. Наличие у руководителя следственной группы и её членов возможности принимать участие в производимых другими следователями следственных действиях, лично производить следственные действия и принимать процессуальные решения по уголовному делу.

---

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05.06.2007 №87-ФЗ.

2. Якимович Ю.К. О процессуальном положении прокурора, руководителя следственного органа и следователя // Уголовная юстиция. №2(2). 2012. С. 65. Также см.: Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: моногр. М., 2004.

3. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2011. С. 408.

4. Викторов Б.А. Общие условия предварительного расследования в советском уголовном процессе. М., 1971. С. 41.

5. Савельев А.К. Процессуальные и организационно-тактические проблемы расследования сложных многоэпизодных преступлений: Дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 45-46.

6. Коновалов В.А. Групповой метод расследования // Законность. 1995. №7. С.34-41.

7. См.: Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Юристъ, 2011. С. 335.

8. Хамгоков М.М. Производство предварительного следствия следственной группой: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 13.

9. Шамсутдинов М.М. Производство предварительного следствия следственной группой (процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 70.

10. Смирнова И.С. Досудебное производство по сложному уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 8.

11. Семенцов В.А. Процессуальные полномочия руководителя и членов следственной группы: теоретический аспект // Актуальные проблемы расследования преступлений : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 года). В 2-х частях. Часть 1. М. : Издательство ООО «Ваш полиграфический партнер», 2013. С. 421.

12. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: их виды, содержание и формы. М., 2011. С. 34.

Ключевые слова: руководитель следственной группы, следователь, процессуальное руководство.

УДК 343.1

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ, ДОЗНАВАТЕЛЯ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ)

Иванов Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Почетный сотрудник МВД России,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования,
ФГКОУ ВО «Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя»
117997, г. Москва, ул. Волгина, д. 12

В статье раскрываются особенности прокурорского надзора за деятельностью следователя, дознавателя по возмещению вреда, причиненного преступлением, при прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Говоря о такой форме окончания предварительного расследования как прекращение уголовного дела (уголовного преследования) отметим целесообразность и важность осуществления прокурорского надзора за обеспечением возмещения вреда, причиненного преступлением, при принятии вышеуказанных процессуальных решений. В общепринятом понимании прекращение уголовного дела можно сформулировать как одну из форм окончания предварительного расследования, в рамках которой следователь, дознаватель, получив достаточные доказательства о наличии обстоятельств, исключающих возможность или необходимость дальнейшего ведения уголовного судопроизводства либо влекущих освобождение лица от уголовной ответственности, завершает производство по уголовному делу без направления его в суд [2, с. 291; 6, с. 34].

Говоря о предписаниях, содержащихся в подзаконных нормативных правовых актах, следует выделить пункт 1.11 приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 02.06.2011 № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», который определяет, что при осуществлении надзора за законностью прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования необходимо обращать внимание на фактическое обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав участников уголовного судопроизводства: подозреваемого (обвиняемого) при несогласии с пре-

кращением уголовного дела – на доступ к правосудию (судебное исследование уголовного дела) и потерпевшего – на компенсацию причиненного преступлением вреда. Не допускать прекращения уголовного дела ввиду истечения сроков давности, если подозреваемый (обвиняемый) по делу установлен и против этого возражает [4, с. 5].

Результатом прокурорского реагирования за деятельностью следователя, дознавателя, являются также случаи, когда надзор прокурора приводит к принятию решений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) ввиду неустановления в ходе предварительного расследования фактов, имеющих значение для определения в действиях лиц уголовно наказуемого деяния, характере и размерах причиненного преступлением вреда [1, с. 184], а также мерах, направленных на возмещения причиненного преступлением вреда [5, с. 61]. Сказанное подтверждают следующие факты, выявленные автором в ходе изучения практической деятельности органов предварительного расследования.

В частности, в ходе дознания по уголовному делу № 24072207, возбужденному в отношении Ч. по факту самовольного завладения автомобилем, принадлежащим Б., не устранены имеющиеся противоречия в части стоимости автомобиля и расчета за него, не собрано достаточно доказательств причастности Ч. к совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ, в связи с чем уголовное дело неоднократно возвращалось прокурором и судом для производства дознания. Без устранения дознавателем указанных нарушений уголовное дело направлено прокурором в СО МО МВД России «Березовский» для производства предварительного следствия, по результатам которого 7 апреля 2016 г. уголовное дело по обвинению Ч. прекращено ввиду отсутствия состава преступления в его действиях [3].

Актуальность и значимость прокурорского надзора диктует также следующий факт, выявленный в практической деятельности Следственного управления МВД по Республике Коми. Так, дознавателем было возбуждено уголовное дело № 9205701 в отношении Г., по факту хищения 14.02.2014 г. в гипермаркете «Лента» продуктов питания на общую сумму 1 165 руб. 99 коп. В дальнейшем было установлено, что дознавателем неверно определен размер имущественного вреда, который в действительности составлял менее 1 000 руб., как того на тот момент требовало действующее уголовное законодательство. После передачи прокурором уголовного дела, по истечении предельного срока дознания, в Следственном управлении МВД по Республике Коми производство по делу прекращено в связи с отсутствием в действиях Г. состава преступления [3].

Вышеприведенные факты следственно-судебной практики на концептуальном уровне убеждают нас в незыблемости и важности осуществления прокурорского надзора за процессуальным порядком прекращения уголовного дела (уголовного преследования), так как вопросы, связанные с восстановлением прав лиц, ставших жертвами преступных посягательств и возмещения причиненного им вреда, не должны скрываться в необоснованных решениях следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Прокурор в данном случае выступает гарантом законности и соблюдения прав потерпевших на всех этапах досудебного производства по уголовным делам.

Рассуждая о причинах возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования, в сфере устранения ошибок, связанных с отработкой и разрешением вопросов возмещения вреда, обоснованно акцентировать внимание на следующем посыле. Возвращение прокурором уголовных дел для производства предварительного расследования в связи с нерешенностью вопросов возмещения вреда, обусловлено не сложностью в доказывании преступного деяния либо отсутствием единой позиции с надзирающим прокурором по вопросу применения закона. Все вышесказанное зачастую связано с безответственностью и проявлением халатности со стороны следователей, дознавателей к проблемам возмещения причиненного преступлением вреда, а также отсутствием процессуального контроля со стороны их непосредственных руководителей.

Таким образом, на фоне всего вышесказанного, логичным и убедительным представляется вывод о том, что в настоящее время особенно повышается роль и значение прокурорского надзора за деятельностью должностных лиц органов предварительного расследования, в том числе по созданию и обеспечению в досудебном производстве условий для реального и полноценного возмещения вреда лицам, ставшим жертвами преступных деяний. В связи с чем, концептуальной видится тенденция, олицетворяющая прокурорский надзор не как нечто чуждое и негативное, а как важный процессуальный инструмент реагирования, направленный, в том числе на исправление допущенных ошибок и упущений в деятельности органов предварительного следствия и дознания по возмещению вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями.

1. Иванов Д.А. К вопросу о значении и способах оценки имущественного вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. - 2015. - № 9. - С. 184-187.

2. Ендольцева А.В. Понятие и процессуальный порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования // Уголовный процесс. Досудебное производство: Учебник / Под ред. А.В. Гриненко и А.В. Ендольцевой. М.: ЦОКР МВД России. 2006. – 368 с.

3. Обзор Следственного департамента МВД России «О состоянии законности и возмещении ущерба на предварительном следствии в первом полугодии 2016 года» от 18 августа 2016 года № 1/8347.

4. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 июня 2011 года № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Официальный интернет - портал правовой информации http://www.garant.ru/ (Дата обращения 12 января 2018 года).

5. Пушкарев В.В. о законном праве потерпевшего на возмещение материального ущерба, причиненного преступлением // Деятельность правоохранительных органов по реализации норм международного права и защите прав человека. Материалы международного научно-практического семинара. Волгоградский юридический институт МВД России. - 1998. - С. 60-62.

6. Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В. Прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования: Учебно-методическое пособие. - М.: ЮИ МВД России, 2001. – 99 с.

Ключевые слова: прокурорский надзор, деятельность, следователь, дознаватель, возмещение вреда, преступление, прекращение уголовного дела.

УДК 343.98

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Ильин Николай Николаевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры криминалистики,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

В статье рассматривается использование признаков элементов внешнего облика при проведении предъявления лица для опознания. Интересным представляется вопрос: по каким же признакам внешности можно проводить опознание? Автором акцентируется внимание на то, что человека индивидуализируют не только признаки анатомических элементов внешнего облика (особенности строения отдельных частей тела), но также функциональные и сопутствующие элементы, которые могут быть использованы при опознании.

О роли предъявления лица для опознания при раскрытии и расследовании преступлений написано немало. Так, А.Р. Белкин в одной из своих работ приводит достаточно убедительный список литературы по рассматриваемой проблеме [1].

Предъявление лица для опознания, как нам представляется, является одним из эффективных следственных действий идентификационного характера, которое целесообразно проводить при раскрытии и расследовании любой категории преступлений.

Наибольшее количество организационных и тактических особенностей связано с предъявлением для опознания живых лиц, однако до сих пор существуют нерешенные вопросы при его проведении. Так, предъявление лица для опознания по признакам анатомических элементов внешнего облика, отобразившимся на видеозаписи, в настоящее время нуждается в усовершенствовании из-за ряда существующих проблем.

Первая проблема заключается в процессуальном урегулировании опознания по видеоизображениям, поскольку на законодательном уровне это никак не закреплено. Вторая задача состоит в углубленном изучении данного вида опознания с криминалистической стороны, т.к. большое количество видеозаписей изымается с мест происшествий, а рекомендаций по их использованию в данном следственном действии,

которые бы отражали организационно-тактические аспекты его проведения, включая особенности каждого этапа, недостаточно [2].

В настоящее время следственная практика свидетельствует о том, что в связи с отсутствием нормы в УПК России, регламентирующей предъявление для опознания по видеоизображению, следователи производят либо осмотр видеозаписи в соответствии с ч. 1 ст. 176 УПК России (осмотр предметов) или демонстрируют видеозапись в ходе допроса потерпевшему или свидетелю, либо, используя помощь специалиста, осуществляют выбор одного или несколько видеокадров и делают распечатку указанных изображений, предъявляя в последующем их как фотографии.

Вместе с этим в теории и практике проведения опознания наряду со многими спорными вопросами остается один, как нам представляется, наиболее важный криминалистический вопрос: по каким признакам внешнего облика человека возможно проводить предъявление для опознания?

Например, потерпевший запомнил некоторые признаки анатомических элементов лица преступника (наличие темных густых бровей, выступающих скул, родинки и т.п.) и его сопутствующие элементы внешности – одежду или носимые вещи. Признаки анатомических элементов внешности являются достаточными и необходимыми признаками для проведения его опознания, в отличие от признаков одежды, которые могут быть достаточными, но не необходимыми, поскольку их совпадение иногда дает основание для положительного вывода, но отсутствие еще не означает, что преступник опознан неправильно.

Как известно, в габитоскопии принято выделять две группы элементов и признаков внешнего облика: собственные, к числу которых относятся комплексные или общефизические (антропологический тип, пол, возраст, рост, телосложение, физическое состояние), функциональные (походка, жестикуляция, артикуляция, мимика, поза, осанка, манеры поведения или бытовые привычки), анатомические или морфологические (элементы и признаки наружного строения тела человека, его частей и покровов), и сопутствующие (одежда, мелкие носимые вещи, а также предметы или их части, используемые для оформления внешности) [4].

Зачастую, как показывает практика, индивидуальная совокупность при проведении опознания человека складывается в основном на основе признаков анатомических элементов.

Наряду с этим следует обратить внимание на то, что индивидуализируют человека не только признаки анатомических элементов

внешности, но также особенности функциональных и сопутствующих элементов.

Представляется, что при предъявлении для опознания живых лиц – в случае, если допрашиваемый наряду с признаками анатомических элементов внешности запомнил существенные признаки одежды или носимых вещей человека, то возможно предъявить для опознания лицо именно в той одежде и с теми носимыми вещами, в которых происходило наблюдение опознаваемым, при соблюдении требований ст. 193 УПК России. Например, провести опознание трех людей в шляпе, костюме, с тростью и держащих портфель.

Опознание должно проводиться исключительно на основе индивидуализирующего комплекса признаков, включающих особенности внешности (частные признаки), которые и будут его выделять из конкретной группы людей. Поэтому следователь не должен ограничиваться какими-то определенными признаками внешнего облика и его особенностями (приметами), а результаты, полученные на допросе, должны быть проанализированы специалистом с точки зрения достаточного количества признаков внешности для проведения предъявления для опознания.

Здесь возникает вопрос: признаки являются достаточными для опознающего, чтобы он опознал человека, а ведь их может быть немного, или достаточными для следователя, чтобы предъявление для опознания все же, в конечном итоге, было признано доказательством по делу?

С одной стороны, результаты опознания зависят оттого, насколько опознающий уверенно укажет на опознаваемое лицо, а, с другой стороны, насколько признаки, по которым произошло опознание («узнавание») окажутся существенными для результатов установления тождества, поскольку само предъявление для опознания является следственным действием идентификационного характера. По нашему мнению, если в ходе допроса, проводимого перед опознанием, выяснится, что потерпевший или свидетель не может назвать признаки, по которым возможно провести опознание, но утверждает, что сможет его опознать, следователь не должен отказываться от проведения данного следственного действия. В этом случае следует привлечь специалиста: он может обосновать и оценить результаты допроса, помочь допрашиваемому вспомнить и описать комплекс признаков внешности по методу словесного портрета, а также предвидеть возможные результаты опознания. Так, зачастую потерпевшие запоминают групповые признаки элементов внешнего облика человека, характерные для конкретного антропологического типа. Например, для южного ев-

ропеоида (кавказская группа населения) в отличие от северного и центрального характерны темная пигментация, менее выступающие скулы, относительно длинный нос с преобладанием выпуклых спинок, горизонтальное и нередко опущенное основание носа, густые брови и большая ширина глазной щели.

В данном случае представляется, что необходимо руководствоваться принципом достаточности признаков, необходимые именно для идентификации человека, которые и будут его выделять из конкретной группы людей.

Спорным также остается вопрос об использовании в процессе опознания «невизуальных» признаков внешности человека, таких как голос, запах, вкус и др., т.е. определяемых с помощью иных органов чувств (обоняния, слуха, вкуса, осязания). Так, А.Р. Белкин справедливо указывает на то, что в ст. 193 УПК России используются именно такие обороты как «они видели» и «внешне сходных», поэтому по действующему уголовно-процессуальному законодательству возможно проводить лишь визуальное опознание [1]. Вместе с тем, существует немало положительных примеров, в которых демонстрируется предъявление для опознания по голосу, запаху, осязанию и др. при расследовании уголовных дел о неочевидных преступлениях [2].

Так, по факту убийства К. единственным свидетелем являлась слепоглухонемая А., которая случайно потрогала лицо преступника. Полноценно передать следователю свои ощущения в ходе допроса она, к сожалению, не могла, но зато удалось изготовить, не имеющий аналогов в истории криминалистики, субъективный портрет в виде барельефа. Через некоторое время был задержан Ш. по следам рук, оставленным на одном из мест происшествий. Сравнивая барельеф с фотоизображением Ш. были установлены совпадения по некоторым признакам. Следователь принял решение о проведении опознания. Женщина, прикасалась поочередно руками к лицам опознаваемых, и, в конечном итоге, опознала Ш. как человека, напавшего на нее и на К. Вину Ш. подтвердили также результаты генотипоскопической экспертизы [3].

Верховный суд Российской Федерации в своих решениях также отмечает о правомерности предъявления лица для опознания по голосу. Так, в рамках апелляционного производства стороной защиты была подана жалоба, в которой адвокат указывает, что сторона обвинения предоставила в судебное заседание недопустимые доказательства, к числу которых можно отнести протоколы опознания потерпевшей И. и свидетеля Ш. по голосу лица, говорившего с ними по телефону.

Сторона защиты отметила, что действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрено опознание по голосу.

Перед началом опознания потерпевшая И. и свидетель Ш. были допрошены и пояснили, по каким признакам они смогут опознать голос женщины, позвонившей ей с абонентского номера. Им были предъявлены для опознания записанные на флэш-карты образцы голосов, которые воспроизведены с помощью ноутбука, после чего они объяснили по каким признакам опознали голос на одной из флеш-карт. В конечном итоге суд ходатайство стороны защиты о признании следственных действий в качестве недопустимых доказательств оставил без удовлетворения [4].

Таким образом, во избежание многих споров и разногласий как в теории, так и на практике следует согласиться с мнением И.А. Цховребовой о том, что в ст. 193 УПК России необходимо изменить слово «видели» на «воспринимали» [5]. При такой формулировке возможно проводить опознание не только по признакам внешности, воспринимаемых визуально, но и с помощью иных органов чувств.

---

1. Белкин А.Р. Вновь о предъявлении для опознания // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всероссийского научно-практического круглого стола, 26 февраля 2016 г. Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2016. Ч. I. С. 39–41.

2. Ильин Н.Н. Предъявление лица для опознания по видеоизображениям: тактические особенности / Н. Н. Ильин // Вестник Воронежского института МВД России, 2013. № 2. С. 75–81.

3. Никешкин В.А. О поиске нетривиальных решений и нетрадиционных методов при раскрытии особо тяжких преступлений // Предварительное следствие. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2015. С. 8–9.

4. Снетков В.А., Виниченко И.Ф., Житников В.С., Зинин А.М., Овсянникова М.Н. Криминалистическое описание внешности человека: Учебное пособие / под общей редакцией профессора В.А. Снеткова. М.: ВНИИ МВД СССР, 1984.

5. Цховребова И.А. Криминалистическая сущность предъявления для опознания // Публичное и частное право, 2009. Вып. IV. С. 152–161.

6. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 294-298.

Ключевые слова: внешний облик человека, достаточность признаков, предъявление лица для опознания, признаки внешности.
УДК 343.98

ХАРИЗМА РУКОВОДИТЕЛЯ И НАУКА УПРАВЛЯТЬ (ОБ УПРАВЛЕНИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ)

Ильюк Елена Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации,
620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 18

Харизма руководителя - это инструмент руководителя по управлению коллективом. Харизма - не природный дар, ее можно развивать путем упорной работы над собой, над формированием лидерских качеств.

Эффективность работы правоохранительного органа зависит от морально-психологического климата в коллективе, который создается руководителем и его умением управлять коллективом. Существуют разные стили руководства, и выбор стиля также осуществляется руководителем. В одном коллективе – 100 % сотрудников наказаны, руководитель использует «нелитературные» выражения и крик при деловом общении с подчиненными, в другом - указания руководителя выполняются беспрекословно благодаря уважению к нему, авторитету и его «харизме».

Можно ли создать харизму, как социальное качество личности, позволяющее эффективно влиять на людей? Ранее считалось – нет, это природное качество. Аристотель отмечал, что «одним всегда властвовать, другим раз и навсегда быть в подчинении»[1]. Развитие практических направлений психологии изменило ответ на этот вопрос. Развить лидерские качества можно, ежедневно работая над собой, развивая и совершенствуя свои индивидуально-психологические качества. Можно пригласить имиджмейкера, который «создаст» имидж (как восприятие человека другими людьми), но «по одежке» только встречают [7, с. 38]. Перестанет работать имиджмейкер с «клиентом» - и имидж «сдуется», если не развивать внутренние качества.

Для руководства коллективом нужны активные, уравновешенные личности, которые могут взять на себя решение трудных задач. Лидер не показывает свои проблемы вовне, он не жалуется никогда [8]. Со стороны он должен казаться олицетворением решения всех трудностей, но не самой проблемой [5. с. 79]. Даже если он не знает выхода из сложной ситуации, все должны быть уверены, что именно он знает, как ее решить и имеет четкий план. У харизматического лидера стратегическое мышление, он видит дальше других, на много шагов вперед, видит проблему многогранно, в разных аспектах, имеет развитую интуицию, готов принимать решения и нести ответственность за весь коллектив. Для лидеров характерна психологическая установка на победу. Мышление должно быть гибким и практичным.

Обычные люди, «исполнители», не всегда готовы принимать решения и нести за них ответственность, готовы передавать право на принятие решения и не нести за него ответственность.

Лидеры - это «альфа» (первая буква латинского алфавита), самые жизнеспособные, идущие впереди. «Исполнители» - «омега» (последняя буква латинского алфавита), как правило, обладают виктимными качествами, часто им нужен «пинок», чтобы начали активно действовать, избегают принятия решений и необходимости нести ответственность. Энергичность харизматика производит на окружающих сильный эффект, что создает эффект «ореола» лидера.

В правоохранительных органах пирамидальная иерархическая структура является эффективной, так как обеспечивает высокую скорость передачи информации и выполнения приказов: выполняй, не рассуждай. Экстремальные ситуации заставляют принимать решения в условиях действия стрессогенных факторов: дефицита времени, недостатка информации [6, с. 73].

Харизматический лидер может отдавать распоряжения и добиваться выполнения, не объясняя необходимость выполнения задачи. Бывают ситуации, когда слишком долго объяснять или объяснить невозможно, надо просто сделать, без пояснений: иди и сделай, любой ценой.

Лидеры не принадлежат к числу мыслителей - это люди действия. «Перейти Рубикон», «разрубить Гордиев узел»- это про решительных, способных принимать решения и нести ответственность лидеров.

Для лидера важно умение управлять своими эмоциями и их внешним выражением. Мудрый руководитель может сдержать эмоции, если это нужно, если видит, что их проявление может навредить [9]. Отсутствие эмоционального самоконтроля очень заметно, и чело-

век, не обладающий им, не пользуется влиянием. Если по человеку видно, что он не способен сам себя контролировать, если он легко поддается гневу или, наоборот, унынию, уважения к такому человеку не будет. Об этом писал Конфуций две с лишним тысячи лет назад: «Когда человек не управляет собой, хоть он и приказывает, ему не повинуются» [5. с. 21].

Харизматические личности умеют, испытывая одни эмоции, внешне демонстрировать совсем другие. Например, говорят с провинившимся сотрудником ласково, хоть в действительности и испытывают чудовищное раздражение. Когда руководитель не кричит, не ругается, то этим полностью обезоруживает человека. Когда на нас кричат, мы начинаем выстраивать оборонительную линию поведения, находим способы уклониться от удара [2. с. 152]. Личное обаяние - один из признаков харизмы.

Для поведения харизматического лидера характерны:

1) спокойствие и уверенность. Харизматичный лидер не суетится по мелочам. Его отличает достойная и уверенная манера держаться. Чувство спокойствия должно стать основным фоновым чувством[5. с. 126]. Поэтому они выглядят собранными и владеющими ситуацией;

2) открытость и доброжелательность. Лидер демонстрирует, что он действует *по правилам*. Даже в случае конфликта на работе - доброжелательность лучше агрессии! Продемонстрировать деловое сотрудничество и спокойное, уважительное отношение к лицу, вызывающему тебя на конфликт-это ежедневный тренинг, этому нужно и можно учиться [5. с.127].

Подчиненные видят сверхинтеллект харизматика: умение делать несколько дел одно временно: писать, читать, слушать, декламировать, которое приписывали Юлию Цезарю и Александру Македонскому, или уникальная память [2. с. 135].

Лидера видно сразу по внешним признакам: мимика, осанка, походка, голосовой режим. Люди на бессознательном уровне чувствуют, что перед ними лидер и подчиняются ему.

Правила речи харизматического лидера: говорить то, что точно знаешь; ненужное не говорить. Стараться говорить немного и по делу, медленнее и более низким голосом, тогда слова будут иметь больший вес. Для разрядки в конфликтной ситуации, изменения эмоционального отношения к проблеме - лидер умеет эффективно и к месту использовать шутку, юмор. Юмор помогает человеку отвести свою агрессию в безопасное русло и снимает напряженность в стрессовых ситуациях, повышается эффективность коммуникации [4. с. 26].

Харизма связана с образом воображаемых «весов»: на одной чаше все то, чем лидер дает своему народу, на другой все, что он взял для себя. Важно, чтобы на этих весах сохранялся дисбаланс, чтобы чаша «давать» в глазах народа перевешивала. Эту чашу нужно постоянно нагружать: демонстрировать конкретные дела и поступки, направленные на их благо. Лампа в кабинете лидера должна гореть круглосуточно, свидетельствуя о труде на пользу людям без выходных, без перерывов. Но при всей демонстрации своего труда на благо человечества харизматик демонстрирует и уменьшение чаши «брать». Нужно демонстрировать скромный образ жизни, ограничение личных потребностей: «мне нужно немного, я человек простой» [2. с. 122]. Для харизматика важно, чтобы его цель не сводилась к покупке новых вещей, целью должно быть служение людям.

При решении кадровых вопросов, когда обсуждается вопрос должностного повышения, взгляд кого-то «выхватывает», на кого-то возникает желание опереться в деле, а на кого-то нет. Необходимо совершенствовать свои лидерские качества, чтобы повысить эффективность действий, но одновременно необходимо подбирать кандидатуры руководителей на вакантную должность, чтобы впоследствии не страдать из-за ошибочного выбора. «Если все завалит тот, кому он делегировал, то все равно ответственность несет тот, кто делегировал. Не то делегировал, или не так, или не тому»[3. с.173].

Харизма - важнейшее и полезнейшее социальное качество человека, обязательное для эффективного руководителя. Харизма - не дар богов и не избранность. Это набор внутренних качеств, позволяющих влиять на окружающих в той степени, в которой это необходимо, а внутренние качества можно создать и развить. Харизма – это результат труда, труда над собой [5. с.3].

---

1. Аристотель. Политика // Соч. т. 4. М., 1983. 830 с.

2. Гандапас Р.И. Харизма лидера. Манн, Иванов и Фербер. 2017. 224 с.

3. Мороз Ю. Ваше кредо - вечно второй? Истина в тезисах. Ростов н/Д: Феникс, 2004. С. 136-173.

4. Титов К.В. Биологическая основа успешности. Управление главным социальным инстинктом для достижения богатства и статуса. М.: Изд-во «Э», 2017. 272 с.

5. Титов К.В., Кондаков Г. Формирование личной харизмы. Интегрированный навык. Афина. 2007. 166 с.

6. Карпушкин О.С., Чаплыгина В.Н. Назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: про-

блемы реализации и пути развития // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). С. 71-73.

7. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex Russica. 2015. № 7. С. 37-42.

8. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Некоторые проблемы расследования уголовных дел о взяточничестве // Закон и право. 2015. № 1. С. 133-134.

9. Шолохов С.В., Васюков В.Ф. Отдельные вопросы организации раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией А.И. Бастрыкина. 2017. С. 456-460.

Ключевые слова: харизма, руководитель, развитие лидерских качеств, дисциплина, эффективность управления, имидж.

УДК 159.9:316.77

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОСВЯЩЕННОГО ПРОБЛЕМАМ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 165 УПК РФ

Казаков Александр Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент заведующий кафедрой уголовного процесса, Второй факультет повышения квалификации Института повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург), Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 620142, г. Екатеринбург, ул. Щорса, 18

В статье с учетом толкования уголовно-процессуальных норм, данных Верховным Судом РФ, освещаются сложности, возникающие при производстве ряда следственных действий, допускаемых с разрешения суда.

К одним из ключевых актов Верховного Суда РФ, касающихся вопросов досудебного производства по уголовным делам, следует отнести Постановление Пленума от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий,

связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»[1]. Его принятие способствовало унификации правоприменительной деятельности по ряду аспектов. Однако многие вопросы, имеющие существенное значение с точки зрения обеспечения правовой определенности в рассматриваемой сфере отношений, остались не разрешенными.

В пунктах 9 и 10 данного Постановления разграничивается порядок выемки документов, содержащих сведения, составляющих врачебную и банковскую тайны, и направления запросов о получении такого рода информации. Думается, что подобным образом следует дать разъяснения относительно соотношения п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ и посвященной представляющим определенную ценность сведениям ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 29.07.2004 года № 98-ФЗ «О коммерческой тайне».

Осталась без внимания ч. 7 ст. 185 УПК РФ. В научной литературе справедливо подчеркивался неоднозначный характер указанного предписания, не позволяющий определить сферу его распространения (все электронные сообщения или только передаваемые по сетям федеральной почтовой связи) [4].

Нет единого понимания и в правоприменении. Так, следователем с согласия руководителя следственного органа в порядке ст. 165 УПК РФ было возбуждено ходатайство о разрешении проведения осмотра и выемки сообщений, содержащихся в сотовых телефонах. Суд пришел к выводу, что такое разрешение необходимо только в двух случаях: 1) когда «сообщения находятся в ведении организации связи» или 2) при «наличии возражений владельца мобильного телефона против его осмотра». В связи с этим в удовлетворении заявленного ходатайства было отказано. Примечательно, что второе из альтернативных условий законом не предусмотрено. Правда, в юридической литературе указывалось на его процессуальное значение [1, С. 25-26; 2, С. 12; 3, С. 3] и до введения исследуемой нормы.

Необходимость получения такого согласия в случае отсутствия соответствующего судебного решения во многом обосновывалось правовой позицией Конституционного Суда РФ. Однако современный подход последнего не столь очевиден.

В своей жалобе, поданной в орган конституционного надзора, Д.А. Прозоровский просил признать не соответствующими Основному закону ст. 176 «Основания производства осмотра», 177 «Порядок производства осмотра» и 195 «Порядок назначения судебной экспертизы» УПК РФ в той мере, в какой их положения допускают возмож-

[1] Российская газета. 2017. 9 июня.

ность получения органом предварительного следствия информации о соединениях между абонентскими устройствами, текстов переписки, почтовых и иных сообщений в ходе производства осмотра и компьютерно-технических экспертиз изъятых абонентских устройств без получения судебного решения. Конституционный Суд РФ не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению. По его мнению, проведение подобного рода осмотра и экспертизы действительно не предполагает вынесения об этом специального постановления со стороны суда. Лица же, полагающие, что осуществление этих следственных действий и состоявшиеся при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, могут оспорить законность их проведения (принятия) в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ.

В средствах массовой информации данное Определение получило конкретную интерпретацию как позволяющее следователям «читать переписки с телефонов в ходе осмотра» без разрешения суда. Думается, что именно таким образом оно было воспринято практикующими специалистами. Однако некоторая недосказанность присутствует. Очевидно, что осмотр мобильного устройства связи автоматически означает получение доступа к сведениям, составляющим тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений [5]. Возражающий против этого гражданин, как видно, вправе требовать признания указанного действия постфактум незаконным. Но на каком тогда основании, если сама процедура получения доступа к этой информации без соблюдения положений 165 УПК РФ законна? Только лишь в связи с тем, что исследуемые сведения не имеют отношения к обстоятельствам уголовного дела? В таком случае, возможно, речь должна идти об оспаривании тех следственных действий, в результате которых мобильное устройство был изъято. И не совсем ясно, каким образом может быть компенсирован факт необоснованного нарушения права. Учитывая распространенность осмотра электронных сообщений, порядок получения доступа к ним следователя, дознавателя не должен допускать двойственного толкования.

Наконец, не раскрыто положение п. 2 Постановления: «В отношении лиц, указанных в части 1 статьи 447 УПК РФ, применяется особый порядок производства по уголовному делу (глава 52 УПК РФ), и разрешение на производство следственных действий, осуществляемых не иначе как на основании судебного решения, может быть дано с учетом положений части 5 статьи 450…». Последняя норма в настоящий момент фактически безжизненна, поскольку уровень суда, к

которому она отсылает, установлен лишь двумя из пятнадцати пунктов ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

---

1. Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Получение информации, содержащейся в электронных мобильных устройствах, с применением универсального устройства извлечения судебной информации (UFED): методические рекомендации. М.: Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, 2013. 52 с.

2. Бычков В.В. Соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при проверке сообщений о преступлениях и в ходе их расследования // Российский следователь. 2013. № 24. С. 10-13.

3. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Некоторые особенности осмотра средств сотовой связи при расследовании уголовных дел // Российский следователь. 2014. № 2. С. 2-4.

4. Супрун С.В., Черкасов В.С. О противоречивом характере новеллы в законодательном регулировании следственного действия «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления» // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 1. С. 59-64.

5. Шеметов А.К. Возможности поиска и использования информации, содержащейся в средствах сотовых систем мобильной связи и электронных устройствах, по делам о преступлениях сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2015. № 20. С. 35-38.

Ключевые слова: следственное действие, конституционные права участников уголовного процесса, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, осмотр и выемка электронных сообщений.

УДК 343.98

ПРОБЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Калюжный Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302034, Орел, ул. Приборостроительная, 35

В статье анализируются нормы уголовного законодательства об ответственности за посягательства на свободу личности; проводится их анализ и сравнение с положениями международных нормативных правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией; выявляются пробелы в уголовно-правовом регулировании законодательства России; предлагаются пути решения указанных проблем; подводятся выводы по рассмотренной проблематике.

Тревожной приметой нашего времени стала хорошо организованная, мобильная, технически оснащенная и вооруженная преступность, предметом особого ее внимания которой стала работорговля, торговля человеческими органами, проституция, в сферу незаконной деятельности которых активно вовлекаются несовершеннолетние, женщины, безработные.

Реализация уголовно-правовой политики государства, как вид деятельности уголовно-правового направления противодействия преступности, характеризуется закреплением в главе 17 УК РФ составов преступлений, посягающих на свободу личности: похищение человека (ст.126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст.127 УК РФ), торговля людьми (ст.127.1 УК РФ), использование рабского труда (127.2 УК РФ), незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст.128 УК РФ).

Анализ содержания указанных составов преступлений, свидетельствует о неполном соответствии уголовного законодательства Российской Федерации нормам международного права, несмотря на то, что наша страна, ратифицировав большинство международных нормативных документов в данной сфере, взяла на себя обязательства по принятию законодательных и других мер, направленных на упразднение незаконных посягательств на свободу личности.

Так, например, международными нормативными правовыми актами запрещены: рабство и работорговля во всех видах [4]; долговая кабала; подневольное состояние; институты и обычаи, сходные с раб-

ством; обращение другого лица в рабство [3]; осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей [6] и др.

В тоже время, рассмотрение содержания составов преступлений, предусмотренных в главе 17 УК РФ, позволяет утверждать о пробельности некоторых из них, неудачной конструкции и отсутствии в них ряда норм, предусмотренных международным законодательством. К примеру, норма, закрепляющая ответственность за торговлю людьми (ст.127.1) в диспозиции статьи предусматривает действия, не относящиеся непосредственно к самой торговле: вербовка, перевозка, укрывательство людей, выполнение которых может и не предполагать необходимость или обязательность последующей торговли ими, и по своему содержанию требует отдельного закрепления в новой норме.

Кроме того, Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством обязывает государств-участников, ее ратифицировавших (в том числе и Россию), установить ответственность за обращение другого лица в рабство (ст.6) [3, с.207], которой в нормах российского уголовного законодательства нет, тем самым оставляя неурегулированным огромный пласт общественных отношений в сфере обеспечения права на свободу. Общественная опасность обращения в рабство не менее опасна, чем у других составов преступлений в данной сфере, и заключается в лишении человека права на свободу, придания ему статуса раба, определения его фактического бесправия, что требует устранения уголовно-правового пробела и криминализации деяния. Очевидно, что человек может оказаться в положении раба не только в результате торговли людьми, их незаконного лишения свободы или похищения, но и в силу действия закона, института или обычая.

Одним из наиболее значимых видов деятельности уголовно-правового направления противодействия исследуемой преступности является криминализация деяний. В целях приведения российского уголовного законодательства в соответствие с требованиями международных стандартов, полагаем необходимым ввести в главе 17 УК РФ норму, предусматривающую ответственность за обращение в рабство или применение институтов или обычаев схожих с рабством, под которыми следует понимать любые действия, связанные с вербовкой, захватом, перевозкой или укрывательством людей, в результате которых человек попадает в рабство, долговую кабалу, крепостное состояние, либо иным образом полностью или частично лишается личной свободы.

Требует изменения и содержание понятия «эксплуатация человека», закрепленное в примечании 2 к ст.127.2 УК РФ, суть которого сводится лишь к привлечению к занятию проституцией или иных формах сексуальной эксплуатации. Из поля зрения законодателя выпали иные формы эксплуатации человека, не связанные с его сексуальной эксплуатацией (рабский труд, подневольное состояние, использование результатов интеллектуального труда, использование физических особенностей организма (искусственное оплодотворение и т.п.) проведение над человеком опытов и др.), в силу чего содержание диспозиции ст.127.2 УК РФ – использование рабского труда, слишком заужено.

Реализация уголовно-правовой политики государства предполагает модернизацию и положения ст.126 УК РФ, устанавливающей ответственность за похищение человека, но не описывающего в диспозиции признаков похищения человека, отсылка к которым имеется в диспозиции ст.127 УК РФ [5, с.129]. Анализ состава похищения человека свидетельствует о необходимости включения в его диспозицию признаков, отграничивающих его от состава незаконного лишения свободы, предусмотренного ст.127 УК РФ: завладение им в месте пребывания и перемещение с целью последующего удержания помимо воли в другое место [8].

Нуждается в совершенствовании и ст.128 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях и практически не применяющаяся в судебной и следственной деятельности, как в силу трудностей доказывания прямого умысла виновных и фактического проявления психического расстройства потерпевших (в некоторые периоды может не проявляться), так и противоречивости ч.1 и ч.2 самой статьи, последняя из которых закрепляет такой квалифицированный признак как использование своего служебного положения. Но ведь врач-психиатр, незаконно помещая лицо в психиатрический стационар, всегда использует свое служебное положение, что предполагает исключение данного признака из ч.2 анализируемой статьи, либо его изложение с указанием на конкретных субъектов (заведующего отделением, главного врача психоневрологического стационара и т.п.) [7, с. 52].

Также, диспозиция ст.128 УК РФ предусматривает ответственность лишь за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, оставляя без внимания противоправные деяния, связанные с недобровольным продлением времени нахождения лица в стационаре и

незаконном отказе в его выписке из стационара, что требует своего разрешения [1, с.147].

Таким образом, положения уголовного законодательства представляют собой наиболее разветвленную и упорядоченную систему норм, содержащих виды и меры ответственности за преступные посягательства на свободу личности. Анализ диспозиций составов преступлений, посягающих на свободу личности, свидетельствует о некорректности законодательной конструкции ряда из них и необходимости их приведения в соответствие с нормами международного права.

1. Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана прав пациента: Учебное пособие / Под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. 561 с.

2. Дворкин А.И., Торбин Ю.Г. и др. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование. М.: Юрист, 2007. 294 с.

3. Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. 672 с.

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. СЗ РФ 08.01.2001. № 2. ст. 163.

5. Красиков А.И. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов. 1996. 211 с.

6. Протокол №2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее. СЗ РФ. 04.10.2004. № 40. ст. 3884.

7. Тяжкова И. Незаконное помещение в психиатрический стационар // Уголовное право. 2002. №3. С. 52-54.

8. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 294-298.

Ключевые слова: свобода личности, преступление, норма права, уголовное законодательство, пробелы.

УДК 343.4

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кириченко Юлия Николаевна,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, доцент,
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, д.71

В статье рассматривается актуальные проблемы назначения и проведения специалистами исследований на стадии возбуждения уголовного дела. Раскрываются обязанности специалиста по отражению им в заключение алгоритма своих действий и применяемых методик.

Стадия возбуждения уголовного дела в силу недостаточной правовой регламентации, скоротечности, специфики уголовно-процессуального доказывания по праву признается процессуалистами одной из самых противоречивых с точки зрения как уголовно-процессуальной характеристики, так и организационно-тактической.

Уголовное дело может быть возбуждено при наличии повода и основания. Поводами к возбуждению уголовного дела являются заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, согласно ч. 1 ст. 140 УПК РФ [1]. Они служат лишь формальной предпосылкой для возбуждения уголовного дела. Для начала производства по уголовному делу требуется наличие наряду с поводами и оснований, которыми, согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ, являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

Ст. 140 УПК РФ определяет основание для возбуждения уголовного дела как наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Содержание понятия «достаточные данные» в законе не раскрывается, а в литературе остается предметом дискуссий.

В стадии возбуждения уголовного дела во многих случаях невозможно установить и по смыслу закона не требуется устанавливать

все признаки состава преступления. Достаточно лишь установить признаки объекта и объективной стороны преступления [2].

В качестве доказательств на стадии возбуждения уголовного дела, кроме материалов документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов и трупов (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ), протоколов осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ), осмотра трупа (ст. 178 УПК РФ) и освидетельствования (ст. 179 УПК РФ), могут быть использованы также справки и иные официальные документы, полученные от должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ.

При проведении предварительных проверок нередко возникает необходимость в использовании специальных знаний. Анализ практики свидетельствует о необходимости в определенных ситуациях (при ознакомлении с документооборотом, технологическим процессом и др.) привлечения к участию в предварительной проверке специалиста. Данные, полученные с использованием помощи специалиста, зачастую содержат необходимые сведения, указывающие на признаки преступления, либо на их отсутствие, что позволяет принять правильные процессуальные решения по результатам предварительной проверки.

К участию в производстве осмотра места происшествия наиболее часто приглашаются специалисты-криминалисты, которые оказывают следователю (дознавателю) техническую и консультационную помощь в обнаружении, фиксации и изъятии следов контактного происхождения: следов рук, обуви, орудий взлома, транспортных средств, а также веществ, в частности наркотических, материалов и предметов, в частности стреляных гильз, применении фотографических и иных технических средств, в частности металлоискателей [3]. Нередко в осмотре места происшествия участвуют специалисты-кинологи, которые оказывают следователю (дознавателю) помощь в обнаружении источников запаховых следов, определении путей подхода к месту происшествия и отхода от него лиц, совершивших преступление, что способствует целеустремленности осмотра и правильному определению границ места происшествия. В ряде случаев для участия в осмотре места происшествия приглашаются и иные специалисты: столяры, плотники, электрики, слесари, монтажники, пожарные, в сельской местности – агрономы, зоотехники, а для содействия в обнаружении, фиксации и изъятии предметов, находящихся в труднодоступных местах – водолазы, альпинисты, спелеологи.

Несмотря на отсутствие в УПК РФ правовой регламентации порядка назначения и проведения специалистом исследований на стадии возбуждения уголовного дела, на практике специалисты широко при-

влекаются на данной стадии уголовного процесса для решения указанных выше вопросов. Кроме того, ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] установил право дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. (ч.1 ст. 144 УПК РФ).

Результаты предварительных исследований объектов, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела специалистами по поручению органов дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, оформляются на практике, как правило, в виде документа, не предусмотренного УПК РФ и именуемого «справка об исследовании», в то время как подобным образом могут быть оформлены и результаты оперативно-розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов», предусмотренного п. 5 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5].

Специалисты – сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в соответствии с п. 53 «Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России», проводят исследование представленных им объектов на стадии возбуждения уголовного дела на основании письменных поручений органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа. В соответствии с п. 55.4 данного Наставления они оформляют результаты проведенных исследований справкой об исследовании, которая подписывается сотрудником, ее

составившем, и руководителем экспертно-криминалистического подразделения [6].

Подобная форма представления результатов исследований, проводимых специалистами на стадии возбуждения уголовного дела, не позволяет использовать составляемые ими документы в качестве самостоятельных источников доказательств на последующих стадиях уголовного процесса в данном виде. Различия между справкой об исследовании, представленной специалистом, и заключением эксперта в ряде случаев состояли в отсутствии описаний специалистом методики проведенных исследований [7].

Тем не менее, это не означает, что в отличие от эксперта, который излагает методику своего исследования, как того требует закон (ч. 1 ст. 204 УПК РФ), специалист не проводит исследования представленных объектов. Причина иной, чем заключение эксперта, формы представления результатов применения знаний специалиста видится в отсутствии конкретной нормы закона, указывающей на необходимость полного описания специалистом исследований с указанием примененных методик.

В этой связи было бы целесообразным предусмотреть в УПК РФ отдельную норму, определяющую форму заключения специалиста, в которой закрепить обязательность отражения специалистом в заключении алгоритма своих действий и применяемых методик. Актуальность решения этой задачи обусловлена необходимостью искоренения практики производства экспертиз по результатам исследований, проведенных специалистом до возбуждения уголовного дела, если закон не требует обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ). Причем, результаты таких исследований признаются достаточными для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, но не являются источниками доказательств по тому же самому уголовному делу.

Действительно, согласно ст. 87 УПК РФ, проверка доказательств производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, и получения иных доказательств, а, согласно ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Заключение эксперта, полученное на стадии предварительного расследования, также подлежит оценке, а при необходимости и проверке. Оформление результатов исследований специалиста, проведенных на стадии возбуждения уголовного дела, в виде заключения специалиста, придает им статус допустимых

доказательств, оцениваемых по общим правилам оценки доказательств, и позволяет избегать их проверки путем назначения экспертизы и получения заключения эксперта в каждом случае.

Таким, образом, сущность этой стадии заключается в установлении наличия либо отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок предварительного расследования. Сопряженное с применением мер процессуального принуждения и производством следственных действий, предварительное расследование производится лишь в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В этом смысле стадия возбуждения уголовного дела является одной из гарантий соблюдения прав и законных интересов граждан в Российской Федерации.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, от 18.12.2001, № 174-ФЗ, ред. от 29.07.2017 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

2. Семенов Е.А. Правовой статус и правовая регламентация участия специалиста в уголовном процессе: монография / Е.А. Семенов; Орловский юридический институт МВД России. Орел, 2012.

3. Семенов Е.А. Специалист в уголовном судопроизводстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Семенов Евгений Алексеевич; [Место защиты: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации].- Орел, 2010.

4. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», ред. от 28.12.2013 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ред. от 06.07.2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

6. Приказ МВД РФ от 11.01.2009 № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru.

7. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции : В 2 томах. 2015. С. 228-231.

Ключевые слова: актуальные проблемы, уголовно-процессуальные нормы, специалист, заключение специалиста, возбуждение уголовного дела, методика проведения исследования.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Клевцов Вадим Владимирович,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В данной статье, на основе изучения современной научной литературы и судебно-следственной практики рассматриваются некоторые особенности производства осмотра места происшествия на первоначальном этапе расследования преступлений различных категорий, в частности против жизни и здоровья населения, против собственности, в сфере незаконного оборота наркотиков.

На основе обобщения многолетнего опыта работы различных ученых, занимающихся вопросами методики расследования различных видов преступлений, криминалисты пришли к выводу о том, что деятельность следователя по конкретному уголовному делу, как правило, фактически делится на два этапа – первоначальный и последующий [9, С. 398-399].

На первоначальном этапе расследования различных видов преступлений, следователю необходимо решить следующие основные задачи:

1) проверить общие версии о событии преступления, выдвинутые на основании имеющихся данных к моменту возбуждения уголовного дела;

2) определить круг фактов, которые необходимо установить в ходе производства по делу;

3) незамедлительно собрать и закрепить доказательства, могущие быть утраченными;

4) принять необходимые меры для установления, розыска и задержания лица, заподозренного в совершении данного преступления;

5) и другие.

На первоначальном этапе расследования различных видов преступлений наиболее важной является стадия возбуждения уголовного дела, на которой получается вся первичная информация, необходимая не только для определения признаков конкретного преступления, но и для получения криминалистически значимой информации для дальнейшего направления расследования. Стадия возбуждения уголовного дела представляет собой не одноразовое действие, проявляющееся в принятии решения о том, начинать или не начинать производство по конкретному делу, а целый комплекс действий. В своей совокупности эти действия призваны обеспечить законность и обоснованность соответствующего решения [1, С. 7-8, 7].

Первоначальный этап расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков обусловлен рядом специфических условий и выражается в проведении комплекса уникальных и неповторяемых ОРМ и следственных действий. В результате непрофессиональных действий следователя и оперативного работника криминалистически значимая информация нередко утрачивается безвозвратно, ошибки не могут быть устранены в ходе последующего расследования [8].

Изучение судебно-следственной практики и специальной литературы позволили однозначно констатировать, что на первоначальном этапе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков при производстве предварительной проверки исходной информации наиболее характерными являются следующие следственные действия и иные мероприятия, направленные на документирование преступной деятельности: осмотр места происшествия, задержание, проверочная закупка, назначение и проведение судебных экспертиз, личный обыск (если подозреваемый задержан), следственное и медицинское освидетельствование и др. [3, 9, С. 508-509; 5, С. 33; 11, С. 57-58, 14].

Анализ судебно-следственной практики и результатов научных работ, проведенных другими авторами позволяет утверждать, что к перечню процессуальных действий, осуществляемых на первоначальном этапе расследования преступлений направленных против личности, относятся: осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов, осмотр трупа (если потерпевший скончался) и освидетельствование (в остальных случаях), назначение и проведение судебных экспертиз и др. [9, С. 404, 415, 439; 4, С. 167-168; 10, С. 36, 13].

Изучение судебно-следственной практики и специальной литературы позволили однозначно констатировать, что на первоначальном этапе расследования преступлений против собственности при производстве предварительной проверки исходной информации наиболее характерными являются следующие следственные действия: осмотр места происшествия, допросы лиц, назначение и производство судебных экспертиз и др. [9, С. 439, 448, 460-461; 10, С. 76-77, 102-103; 12, С. 93-110; 2, С. 51].

На первоначальном этапе расследования, как правило, производятся осмотр места происшествия, который направлен на обнаружение и фиксацию следов преступления, их изъятие, которые отражаются на объектах материального и идеального мира, а также в той информации, по которой можно судить о следообразующих объектах, и которую можно в дальнейшем будет использовать в качестве доказательств. Для проведения осмотра места происшествия по делам, связанным со сбытом или изготовлением наркотиков, необходимо обеспечить участие специалистов фармацевтов, врачей, химиков, наркологов, которые смогут не только выполнить обязанности специалиста-криминалиста, но и дадут необходимые консультации [6, 15]. В ходе производства осмотра места происшествия, где был обнаружен труп, необходимо привлекать сотрудников бюро судебной медицины или врачей, в качестве специалиста. В случае, если местом происшествия является участок открытой местности целесообразно привлечь для участия свидетелей или потерпевших для конкретизации границ осмотра и установлению наиболее вероятного местонахождения следов преступления [2, с. 124].

Как показало проведенное нами изучение специальной литературы и судебно-следственной практики, проведение осмотра места происшествия позволяет целенаправленно решать организационно-подготовительные мероприятия; избирательно намечать тактические приемы осмотра места происшествия; выдвигать версии о характере и обстоятельствах события, возможных источниках доказательств, направлении расследования.

В то же время, осмотр места происшествия позволяет получить данные о лице или лиц (при совершении преступления группой), участвующих в совершении преступления, а анализ отдельных следов на месте происшествия и изменений в обстановке в ходе совершения преступления позволяют выдвинуть версии о последовательности событий (хронологии) на месте преступления.

Подводя итог, необходимо сказать, что в данной статье, на основе изучения современной научной литературы и судебно-

следственной практики мы попробовали рассмотреть некоторые особенности производства осмотра места происшествия на первоначальном этапе расследования преступлений различных категорий, в частности против жизни и здоровья населения, против собственности, в сфере незаконного оборота наркотиков

1. Васюков В.Ф., Гаврилов Б.Я., Кузнецов А.А. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей: учебное пособие / под общ ред. Б.Я. Гаврилова. М.: «Проспект», 2017. 160 с.

2. Васюков В.Ф. К Вопросу о сущности следов преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Право и образование. 2016. № 8. С. 112-118.

3. Васюков В.Ф. Особенности становления института освидетельствования в российском уголовном процессе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. №5 (25). 2011. С. 69-73.

4. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Расследование посягательств на свободу личности: теоретические основы и практические особенности: Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.

5. Клевцов В. В., Сретенцев А. Н. Проблемы расследования преступлений, связанных с распространением «дизайнерских» наркотиков: монография. Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. 97 с.

6. Клевцов В.В. Некоторые особенности осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с распространением запрещенных курительных смесей // Наука и практика. 2014. № 2 (59). С. 67-70.

7. Клевцов В.В. Особенности производства следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела по различным преступлениям // Сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола «Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования». Орел. 2017. С. 109-112.

8. Клевцов В.В. Особенности производства следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела по различным преступлениям // Сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола «Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования». Орел. 2017. С. 109-112.

9. Криминалистика. Углубленный курс: Учебник / Под общ. ред. А.Г. Филиппова. М.: ДГСК МВД России, 2012. 592 с.

10. Особенности расследования отдельных видов преступлений: Курс лекций / Д.А. Бадиков, А.Н. Калюжный, Д.Ф. Флоря. Орел: ОрЮИ МВД России, 2008. 166 с.

11. Особенности расследования отдельных видов преступлений: Курс лекций в 2-х частях (Ч. 2) / Д.А. Бадиков, А.В. Булыжкин, А.Н. Калюжный, Д.Ф. Флоря. Орел: ОрЮИ МВД России, 2009. 166 с.

12. Сретенцев А.Н. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования краж автотранспорта: Дис. … к.ю.н. М.: МосУ МВД России, 2010. 248 с.

13. Чаплыгина В.Н. Особенности проверки сообщений о преступлениях с участием несовершеннолетних // Сборник статей Международной научно-теоретической конференции «Уголовный процесс постсоветских государств: традиции, современное состояние, перспективы развития». Ростов. 2017. С. 165-170.

14. Земцова С.И. Принцип «дополнительности» специальных знаний и его использование при производстве отдельных видов следственного осмотра по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1 (30). С. 213-220.

15. Земцова С.И. Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ: Диссер. … к.ю.н. / Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя. Москва, 2017.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, осмотр места происшествия, первоначальный этап расследования.

УДК 343.985.3

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ С ИНОСТРАННЫМИ СЛУШАТЕЛЯМИ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «КРИМИНАЛИСТИКА»

Клевцов Вадим Владимирович,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В данной статье рассматриваются особенности формирования криминалистических умений и навыков в ходе проведения различных видов занятий по дисциплине «Криминалистика» в ВУЗе системы МВД для решения задач по формированию профессиональных компетенций будущих специалистов с иностранными слушателями.

Последние несколько лет в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова проводится обучение иностранных слушателей из Республики Таджикистан, Монголии, Республики Южная Осетия и др. Обучение данной категории слушателей проходит на государственном языке принимающей (обучающей) стороны – на русском – и имеет свою специфику, свои особенности.

Обучающиеся слушатели из Монголии в подавляющем большинстве владеют только своим родным языком. Слушатели из Таджикистана и Южной Осетии – билингвы, то есть владеют, кроме родного языка и русским, на различном уровне.

Как показывает практика, овладение учебными дисциплинами и обучение слушателей происходит по-разному. Слушатели, владеющие одним родным языком, труднее воспринимают новый для них русский язык, на котором ведется преподавание дисциплин общего и специального юридического цикла.

Соответственно, к данным слушателям следует применять специальные педагогические методы при изучении дисциплин, преподаваемых на кафедре криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Например, к слушателям, хорошо владеющим только родным языком и изучающим русский язык, при распределении времени лекции, следует уделять большее внимание интерактивным методам обучения, как-то: показ и комментирование мультимедийной презентации, демонстрация видеоряда, то есть лекция должна быть макси-

мально визуализирована. Некоторые авторы рекомендуют, при введении специализированной юридической лекции следует на слайдах прописывать термин на русском и на родном для слушателей языке [3], но это будет затруднительно, так как в нашем ВУЗе отсутствуют преподаватели национальных языков слушателей, а использование программ-переводчиков очень часто допускают ошибки.

Также необходимо в ходе проведения лекционного занятия устраивать провокации, намеренно допуская ошибки, проводить анализ определенных ситуаций. После прочтения лекции по темам, рассматривающих особенности проведения различных следственных действий или методику расследования конкретных видов преступлений, на практических занятиях преподаватель для проверки качества усвоения материала может устраивать ролевые и деловые игры, провести так называемые «пресс-конференции», максимально вовлекая весь состав учебной группы в процесс интеракции. По мнению В.И. Седаковой практическое занятие в форме «пресс-конференции» можно проводить на разных этапах обучения: 1) в начале изучения раздела, темы с целью выявления круга интересов и потребностей обучаемых, уровня знакомства с темой; 2) в середине изучения с целью акцентирования внимания на узловых моментах, проблемах; 3) в конце раздела, темы с целью подведения итогов и определения перспектив развития темы [5].

Так же, практические занятия должны представлять форму организации детализации, анализа, расширения, углубления, закрепления, применения и контроля за усвоением полученной учебной информации (на лекционном и семинарском занятиях, а также в ходе самостоятельной работы) под руководством преподавателя образовательной организации. Одной из наиболее эффективных форм проведения [7].

Не стоит забывать о том, что трудность организации проблемного обучения связана с большой затратой времени для постановки и решения проблем, создания проблемной ситуации и предоставления возможности самостоятельного решения последней каждым учащимся. Данный вид обучения таит в себе естественный процесс разделения обучающихся на самостоятельных и несамостоятельных [6]. Особенно это связанно с преодолением языкового барьера между преподавателем и иностранными слушателями.

Особое внимание при преподавании криминалистических дисциплин следует уделять рефлексии, то есть более детально останавливаться на ключевых моментах каждой изучаемой темы, предлагая иностранным слушателям заполнить таблицу или написать кратко эс-

се по итогам изученной темы. Использование приема рефлексии способствует формированию у слушателей осмысления своей деятельности в контексте интерактивной деятельности.

Иностранные слушатели постоянно соотносят национальное и русское уголовное судопроизводство. Для лучшего усвоения темы, связанных с производством следственных действий слушателям даются такие задания, как отображение на интерактивной доске процедуры производства допроса, осмотра места происшествия, следственного эксперимента, предъявление для опознания, обыска, проверка показаний на месте в виде взаимосвязанной схемы. В процессе подготовки перечисленных заданий слушатели визуально отражают ход проведения того или иного следственного действия, тем самым детально закрепляют полученную информацию. В результате, активное взаимодействие происходит не только на уровне слушатель-преподаватель, но и слушатель-слушатель, так как задания даются для подготовки в группе.

Поскольку некоторые навыки приобретаются не столько посредством получения знаний, сколько путем простого механического повторения той или иной операции, то для их поддержания необходимо регулярное воспроизведение действий, формирующих основу навыка, для чего и предназначены практические занятия по криминалистической технике [2].

Обращаясь к опыту педагогической деятельности следует заметить, что, к сожалению, в настоящее время такие занятия проводятся только на начальном этапе юридической подготовки будущих специалистов. В последующий период обучения данные навыки остаются невостребованными, в результате чего и происходит постепенная их утрата. Как известно, чем реже включается определенный материал в деятельность личности, чем менее значимым становится он для достижения актуальных жизненных целей, тем глубже происходит процесс его забывания [4].

При проведении диссертационного исследования по проблеме использования специальных знаний при расследовании преступлений, автором данной статьи было выявлено, что лица, осуществляющие предварительное расследование, не всегда способны правильно применять технико-криминалистические средства в ходе поиска, обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов преступления. В практике известны случаи, когда самостоятельное применение технико-криминалистических средств и методов лицом, осуществляющим предварительное расследование, привело к порче или уничтожению следов преступления [1].

Таким образом, для полного и успешного восприятия и усвоения дисциплин, преподаваемых на кафедре криминалистики и предварительного расследования в ОВД, преподаваемых на неродном для обучающихся языке, необходимо постоянное активное взаимодействие слушателей и преподавателя. Только при постоянной вовлеченности в учебный процесс у слушателей будут сформированы профессиональные навыки и компетенции.

1. Клевцов В. В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 188-189.

2. Клевцов В.В., Булысова Т.В. Особенности формирования у обучающихся практических навыков и умений применения технико-криминалистических средств на практических занятиях по криминалистике // Психопедагогика в правоохранительной деятельности. 2016. № 1. С. 66.

3. Лялюхина М.Ю. К вопросу об особенностях преподавания дисциплины «Уголовный процесс» у иностранных слушателей // Сборник Всероссийской НПК «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика», Москва, 2016. С. 610-613.

4. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М., 2009. 512 с.

5. Седакова В.И. Организация практических занятий студентов с использованием интерактивных методов обучения // Казанская наука. 2013. № 2. С. 181.

6. Сретенцев А.Н. Деловая игра как метод обучения учебной дисциплине «Криминалистика» // Образование и общество. 2016. № 2. С. 71.

7. Чаплыгина В.Н. Особенности проведения практических занятий по дисциплине «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» // Сборник материалов 22 всероссийской научно-методической конференции «Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии». 2017. С. 145-148.

Ключевые слова: практическое занятие, криминалистика, формирование профессиональных компетенций, применение технико-криминалистических средств, иностранные слушатели.

УДК 343.1

РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Климова Яна Александровна,
преподаватель, Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье автор анализирует проблему трансформации полномочий прокурора и эффективности осуществления прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела с момента принятия действующего уголовно-процессуального кодекса по настоящее время. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью выявления сущности процессуальной деятельности прокурора и выполнения исторически возложенных на него функций и полномочий на стадии возбуждения уголовного дела. В настоящее время эффективность надзора находится в прямой зависимости от объема и характера полномочий прокурора.

С момента принятия действующего уголовно-процессуального кодекса российское уголовно-процессуальное законодательство постоянно эволюционировало. В связи с этим особый интерес представляет развитие нормативной регламентации процессуальной деятельности прокурора. Всестороннее рассмотрение вопроса позволит понять предназначение такой важной процессуальной фигуры как прокурор, выявить сущность процессуальной деятельности прокурора, в частности на стадии возбуждения уголовного дела, а также исторически обусловленную необходимость выполнения возложенных на него функций и полномочий.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), принятый 21 ноября 2001 г., вступивший в действие с 1 июля 2002 г., помимо надзорной функции на стадии возбуждения уголовного дела наделяет прокурора новой функцией — уголовного преследования, которая выходит на первый план (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Не соглашаясь с распространенной в уголовно-процессуальной литературе точкой зрения [1], присоединимся к мнению В. С. Шадрина, утверждавшего, что функции прокурорского надзора и уголовного преследования гармонично сочетаются между собой, дополняя, а в отдельных случаях даже перевоплощаясь друг в друга [2].

Усложнилась процедура возбуждения уголовного дела. Так, на первоначальной стадии процесса прокурор был уполномочен самостоятельно возбуждать уголовное дело, а также давать разрешение

следователю и дознавателю на возбуждение уголовного дела (что было подвергнуто резкой критике в научной литературе) [3].

Важно отметить, что в первоначальной редакции УПК РФ обязывал дознавателя, следователя вместе с постановлением о возбуждении направлять все материалы проверки сообщения о преступлении. В действующей редакции статьи речь идет только о направлении копии постановления о возбуждения уголовного дела. Однако согласно п. 1.3 Приказа Генпрокуратуры России от 28.12.2016 N 826 прокурорам надлежит в необходимых случаях истребовать у следственных органов материалы, на основании которых были приняты указанные процессуальные решения - организовывать «незамедлительное представление в прокуратуру материалов проверки сообщения о преступлении по поступившему постановлению об отказе в возбуждении уголовного дела» [4]. Считаем целесообразным вернуть обязанность направлять для согласования прокурору все материалы проверки вместо одной только копии постановления, так как это будет способствовать осуществлению более качественного надзора на первоначальной стадии процесса, позволит оценить правильность принятого решения, выявить допущенные нарушения и своевременно среагировать на них. Тем более, что согласно проведенного опроса практических работников во многих регионах уже существует такая практика. Схожей точки зрения придерживается Х.Б. Бегиев, считающий, что на практике прокурор выражает свою позицию о законности и обоснованности постановления о возбуждении уголовного дела и подписывает статистическую карточку «Форма № 1» для постановки уголовного дела на учет и получения номера уголовного дела лишь после изучения всех материалов проверки [5].

Прокурор был наделен полномочием по вынесению постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или постановления об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в случае признания постановления дознавателя, следователя о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным и отсутствия основания для возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 146, ст. 148 УПК РФ).

В последующем с принятием Федерального закона от 05 июня 2007 года № 87-ФЗ полномочия прокурора претерпели значительную трансформацию и, по сути, существенно сократились. Попытка разделить функции предварительного следствия и прокурорского надзора привела к кардинальному усечению полномочий прокурора, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела. Это выразилось в лишении права возбуждать уголовное дело, давать согласие на возбуждение уголовного дела и права отменять незаконные и необоснован-

ные постановления следователя (эти полномочия перешли к руководителю следственного органа). Теперь прокурор мог только вынести требование об устранении выявленных им нарушений, которое даже не являлось обязательным для исполнения следователем [6]. У прокурора остались лишь эфемерные полномочия по надзору за соблюдением требований действующего закона органом следствия. В связи с этим многие ученые-процессуалисты высказывали мнение о том, что в стадии возбуждения уголовного дела надзорная функция стала единственной процессуальной функцией прокурора [7; 8].

В новой редакции статьи 27 ФЗ «О прокуратуре РФ», регламентирующей полномочия прокурора, они сформулированы очень неопределенно: прокурор, имея основания полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, принимает меры к тому, чтобы совершившие его лица в соответствии с законом были подвергнуты уголовному преследованию.

Эти изменения в статусе прокурора критиковались многими учеными и практиками. Общие претензии к законодателю можно выразить высказыванием С. Ю. Лапина, справедливо указавшим на новую роль прокурора в стадии возбуждения — пассивного созерцателя, имеющего право надзора, но лишенного действенных полномочий для его осуществления [9]. Однако, законодатель, видимо, хотел сохранить определенный баланс, поэтому прокурор, фактически утратив полномочия по процессуальному руководству следствием, был наделен многими императивными полномочиями в отношении дознавателя, получив неограниченное право направления хода дознания.

Безусловно, права К.А. Тоболина, считающая такое положение парадоксом: ведь возможность существенного ограничения конституционных прав и свобод личности на стадии возбуждения уголовного дела не зависит от формы расследования. Следовательно, объём надзорных полномочий прокурора при производстве предварительного следствия не может быть существенно меньше, чем при производстве дознания [10]. Ее мысль продолжает Д.И. Ережипалиев, считающий, что на стадии возбуждения уголовного дела разный объем процессуальных полномочий прокурора вносит элемент неопределенности в правовой статус прокурора, чем осложняет и запутывает ситуацию [11]. Так, анализ практики возбуждения уголовных дел позволяет сделать вывод, что надзор прокурора по делам, возбуждаемым следователем, является последующим надзором, которому присущ восстановительный характер, а по делам, предварительное расследование по которым производится в форме дознания, этот надзор носит разреши-

тельный (предупредительный) характер, что, безусловно, является более эффективным способом.

Таким образом, несмотря на закрепленное в ч. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ» полномочие по осуществлению уголовного преследования, прокурор был лишен полномочия самостоятельно возбуждать уголовные дела, что, кстати, не согласуется и с международным опытом в этой сфере[1].

Считаем правильным присоединиться к мнению С.Г. Бывальцевой, согласно которому прокурор неоправданно оказался лишен этого полномочия, ведь очень часто уголовные дела возбуждались именно прокурорами на основании результатов общенадзорных проверок, что составляло до нескольких тысяч возбужденных уголовных дел в год [13]. Логично предположить, как считает А. В. Петров, что обязанность уголовного преследования, предполагает и наличие права возбудить уголовное дело для всех без исключения субъектов этого вида деятельности [14]. Ш.М. Абдул-Кадыров, продолжая мысль, подчеркивает важность предоставления прокурору права возбуждать уголовное дело также в случае, если признаки преступления были выявлены им непосредственно при осуществлении надзорной деятельности [15].

Законодатель после массовой критики, как ученых-процессуалистов, так и практических работников все-таки решил скорректировать явные противоречия, допущенные в ходе реформирования полномочий прокурора. Однако вместо логичного шага по возвращению утраченного права, в попытке восстановить часть прежних прокурорских полномочий был принят Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ, который включил в число поводов к возбуждению уголовного дела постановление прокурора о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании, которое в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен вынести при выявлении им фактов нарушений уголовного законодательства. По сути это инициация возбуждения уголовного дела.

Согласимся с мнением С.Г. Кехлерова, считающего, что, безусловно, изменения законодательства частично восстановили полномочия прокурора, однако в полной мере перекосы, допущенные в ходе реформирования УПК РФ, не устранены [16]. Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка, комментируя эти изменения УПК РФ, соглашается с тем, что существуют законодательные пробелы, требующие повыше-

[1] Положения Рекомендации R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия», в которых определено, что прокуроры не только поддерживают обвинение в суде, но и «во всех системах уголовного правосудия решают вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования» [12].

ния уровня защищенности прав и свобод участников процесса, устранение которых возможно путем достижения баланса полномочий между надзором и следствием. Единственным условием существования сильного следствия является наличие эффективного и сильного прокурорского надзора [17].

К дальнейшим попыткам законодателя повысить эффективность прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела, но без возврата прокурору очевидных, присущих ему полномочий, можно отнести принятие Федерального закона № 4-ФЗ от 07.02.2011 г., внесшего кардинальные изменения в ст. 51 Закона о прокуратуре, в соответствии с которой с 1 января 2012 г. на органы прокуратуры возложена не характерная функция ведения государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, в том числе, в целях осуществления эффективного надзора и обеспечения прав и законных интересов граждан на стадии возбуждения уголовного дела. Не соглашаясь с имеющейся в уголовно-процессуальной литературе точкой зрения, высказанной Л.А. Сиверской, согласно которой выбор органов прокуратуры для выполнения этой функции определяется ее целями, задачами и предназначением [18], считаем, что это несвойственная для прокуратуры функция. Соблюдение законности субъектами учета преступлений должно входить в предмет надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие (ст. 29 Закона о прокуратуре), а не выделяться в отдельное направление деятельности прокуратуры.

Дальнейшее реформирование деятельности прокуратуры также непоследовательно, что порождает правовую неопределенность в регулировании ее полномочий. Законодатель начинает расширять границы правозащитной функции прокуратуры: помимо обязанности по защите прав граждан, возложив еще обязанность по защите прав и законных интересов юридических лиц и предпринимателей [19]. Считаем в связи с этим правильной высказанную С.Г. Бывальцевой точку зрения о том, что возложенные на прокуратуру новые полномочия в этой сфере только с большой долей условности можно отнести к надзорным вообще, так как они имеют значительные отличия от традиционных полномочий, которые прокуратура реализует, осуществляя надзор за исполнением законов [20].

Таким образом, с одной стороны, прокуратура наделяется весьма широкими, но абсолютно не характерными для нее полномочиями, а с другой — при осуществлении традиционной и истерически обусловленной надзорной функции в досудебном уголовном производстве — необоснованно их лишается. Все это свидетельствует о непосле-

довательности законодателя в реформировании деятельности прокуратуры и определении ее правового статуса, что не способствует эффективности ее деятельности, дальнейшему укреплению законности.

Особую актуальность полномочия прокурора приобретают в свете принятия изменений в УПК РФ, внесенных Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ и Федеральным законом от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ. Был расширен перечень процессуальных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела. Это свидетельствует о том, что законодатель обратил свое внимание на необходимость повышения эффективности проверки сообщения о преступлении и недопущения нарушений именно на первоначальном этапе уголовного производства с целью избежать как необоснованного возбуждения уголовного дела, так и необоснованного отказа в его возбуждении.

Тем самым в настоящее время возрастает значение самой стадии возбуждения уголовного дела и, соответственно, полномочий прокурора на этой стадии. В настоящее время полномочия прокурора на стадии возбуждения уголовного дела регламентируются УПК РФ (п. 1, 2, 5.1, 6 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148 УПК РФ), ФЗ «О прокуратуре РФ» (ст. 29, 30) и ведомственными приказами. Прокурор уполномочен:

1) проверять исполнение требований федерального закона и соблюдения установленного порядка при приеме, регистрации и разрешения сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях;

Прежде всего, целью проверки является устранение и предупреждение правонарушений. Прокурору надлежит систематически, не реже одного раза в месяц проводить проверки состояния регистрации и учета заявлений и сообщений о преступлениях. Практика прокурорского надзора показывает, что широко применяются такие формы реагирования, как дача указаний по проверке заявлений и сообщений.

2) осуществлять надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также за законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие;

Прокурор изучает находящиеся в производстве органов дознания и предварительного следствия материалы проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях и при необходимости дает письменные указания, целью которых является недопущение волокиты.

3) выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания

для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства;

Анализ прокурорских проверок свидетельствует, что самыми распространенными способами укрытия преступлений от учета являются: вынесение незаконного и необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, списание сообщения о преступлении в номенклатурное дело без принятия по нему процессуального решения, вынесение незаконного решения о направлении материала по подследственности либо подсудности, отказ в приеме сообщения о преступлении, фальсификация материала путем внесения заведомо ложных сведений о существенных обстоятельствах, а также о характере и размере причиненного ущерба. Так, прокурор Сахалинской области в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направил в следственное управление Следственного комитета России по Сахалинской области материалы прокурорской проверки в отношении генерального директора ООО «Островной рыбокомбинат» А. Попова для решения вопроса о его уголовном преследовании по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ. При этом было установлено, что возбуждению 17 апреля 2016 г. уголовного дела в отношении А. Попова предшествовало принятие органами расследования многочисленных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, которые неоднократно отменялись надзирающим прокурором с указанием конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке [21].

4) отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя;

5) незамедлительно получать копию постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела;

6) отменять постановление о возбуждении уголовного дела, в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела, в случае признания постановления о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, о чем выносит мотивированное постановление;

7) незамедлительно получать копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения;

Для контроля за своевременностью поступления всех материалов об отказе в возбуждении уголовного дела прокурор может производить сверку книг (журналов) их регистрации и учета в прокуратурах с аналогичными книгами (журналами) соответствующих подразделений (дежурных частей) органов внутренних дел [22].

8) истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ;

К.А. Таболина обозначает существование проблемы истребования прокурором материалов проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела. В связи с этим она приводит пример из практики прокуратуры Московской области, согласно которому срок переписки между прокурором и руководителем следственного органа о предоставлении для проверки законности и обоснованности решения об отказе в возбуждении уголовного дела соответствующих материалов составил практически полгода [23].

9) отменять постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, в случае признания его незаконным или необоснованным, при этом направлять соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения;

10) отменять постановление об отказе в возбуждении уголовного дела руководителя следственного органа, следователя, в случае признания отказа в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным. В срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении прокурор отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа.

Дискуссионным остается вопрос о существующем различии правового регулирования одинаковых, по сути, общественных отношений. К.А. Таболина в своем исследовании обосновывает мнение о том, что по содержанию изложение прокурором конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке следователем, фактически не отличается от его указаний дознавателю, различие заключается только в порядке их изложения. К.А. Таболина считает, что подобная дифференциация надзора прокурора в зависимости от поднадзорного органа безосновательна, а различие полномочий на практике носит иллюзорный характер [24].

Исламова Э.Р. предлагает включить в УПК РФ отдельную статью 145.1 «Полномочия прокурора при осуществлении надзора в стадии возбуждения уголовного дела» [25]. Представляется, что такой способ изложения нормативного материала вряд ли улучшит регули-

рование деятельности прокурора. Существующий способ (от общего (ст. 37 УПК РФ) — к частному (ст. 221, ч. 1 ст. 214, ст. 226, 26.8 УПК РФ)) видится нам более оптимальным, т.к. позволяет с учетом принципа экономии нормативного материала не дублировать некоторые положения закона, содержащиеся в общей норме, при конструировании установлений частного характера.

Следует отметить, что на эффективность деятельности по надзору за исполнением законов, обеспечение установленного порядка разрешения сообщений о преступлениях, проведения расследования, а также законности решений, принимаемых органами предварительного расследования, непосредственное влияние оказывают объем и характер полномочий прокурора. Имеющихся на сегодняшний день полномочий явно недостаточно для осуществления эффективного надзора. Благоприятные условия для нарушений создает отсутствие системного, постоянного и действенного прокурорского надзора. Что касается следствия, это связано не только с возможными злоупотреблениями слишком большими и по существу бесконтрольными полномочиями следователей и руководителей следственных органов, но и с ошибками, которые в силу низкой профессиональной подготовки и неопытности, загруженности и других факторов как объективного, так и субъективного характера, допускаются при производстве по уголовным делам.

По нашему мнению в большинстве случаев по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, по которым установлено лицо, его совершившее, потерпевшему важно именно возмещение ему ущерба, причиненного преступлением, а не обязательное уголовное наказание для преступника, поэтому часто на практике в суде такие дела прекращаются за примирением сторон. При этом государство уже понесло затраты на производство расследования по такому делу, а прокурор часто еще на стадии возбуждения видел отсутствие судебной перспективы дела и при наличии соответствующих полномочий мог бы обеспечить достижение социально значимого эффекта еще на первоначальном этапе производства, тем самым создав условия реализации принципа разумной процессуальной экономии. Безусловно, нужно закрепить определенные условия, обстоятельства, при наличии которых возможно применение процедуры медиации (например, совершение преступления впервые, преступление относится к категории небольшой или средней тяжести, виновный полностью возместил потерпевшему причиненный ущерб, обязательное согласие сторон на применение процедуры и т.д.). Полагаем, следует детализировать эти условия и применительно к стадии возбуждения уголовного дела, учитывая ее специфику в плане скоротечности, ограниченности по-

знавательных средств, недостаточной определенности статуса ее участников.

Таким образом, не вызывает сомнений необходимость трансформации полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела путем изменения норм уголовно-процессуального кодекса. Сфера уголовного судопроизводства на основании закона допускает применение наиболее существенных ограничений прав и свобод граждан. В этой связи нормы, регламентирующие полномочия прокурора, должны реально работать, а не быть декларативным инструментом утверждения законности. Поэтому необходимо не только вернуть прокурору полномочие по возбуждению уголовного дела, но и в целом расширить его полномочия путем введения принципа дискреционности при решении вопроса о целесообразности возбуждения уголовного дела.

---

1. Дикарев И.С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 28.

2. Шадрин В.С. Прокурор как представитель прокуратуры в уголовном судопроизводстве // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2004. № 6. С. 5.

3. Гордеев А.Ю. Отказ в возбуждении уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2006. С. 143.

4. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 № 826. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Бегиев Х.Б. Реализация в современном уголовном судопроизводстве России норм процессуальной самостоятельности следователя: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 54.

6. Зиновьев А.Ю., Татьянин Д.В. Полномочия прокурора по надзору за следствием в новых условиях// «Стратегии уголовного судопроизводства» Материалы международной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого. 11-12 октября 2007 г. (Санкт-Петербург). [Электронный ресурс]. URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?go=page&name Pages&pid=362 (дата обращения: 18.05.2017).

7. Синельщиков Ю.П. О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2008. № 17.

8. Каменобродский С.Л. О функциях прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2009. № 2.

9. Лапин С.Ю. Прокурор-следователь: революция началась // Эж-Юрист. 2009. № 26.

10. Таболина К.А. О недостаточности полномочий прокурора для обеспечения эффективного надзора в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. № 6. 2014. С. 1208-1214.

11. Ережипалиев Д.И. Прокурор как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения в досудебных стадиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 4.

12. О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия: рекомендации Комитета Министров Совета Европы 19 государствам – членам от 6 октября 2000 года № R (2000), принята Комитетом Министров Совета Европы на 724-м заседании представителей Министров // Журнал российского права. 2001. № 8.

13. Бывальцева С.Г. Современная концепция развития российской прокуратуры / /Бизнес, Менеджмент и Право. 2013. № 2. С. 85.

14. Петров А.В. Прокурор в стадии возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 2. С. 336.

15. Абдул-Кадыров Ш.М. Осуществление прокурором уголовного преследования и надзора за исполнением законов в досудебном производстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 164.

16. Кехлеров С.Г. Российская прокуратура: история, реформы и перспективы развития // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2011. № 6 (26). С. 13.

17. Чайка Ю.Я. Дел – много // Ю.Я. Чайка; интервьюер Егоров И. // Российская газета, 2012. 12 января (№ 3).

18. Сиверская Л.А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: М., 2015. С. 21.

19. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

20. Бывальцева С.Г. Современная концепция развития российской прокуратуры // Бизнес, Менеджмент и Право. 2013. № 2. С. 86.

21. Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/news-1075710/ (дата обращения: 01.06.2017).

22. Сумин А.А. Актуальные проблемы обеспечения законности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России, 2013. С. 33-34.

23. Таболина К.А. К вопросу о проблеме истребования прокурором материалов проверки сообщения о преступлении и материалов уголовного дела // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 1.

24. Таболина К.А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: дис. канд. юрид. наук: М., 2016. С. 161.

25. Исламова Э.Р. Процессуальные полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. канд. юрид. наук: Иркутск, 2009. С. 12.

Ключевые слова: прокурор, полномочия, трансформация, уголовно-процессуальный кодекс, возбуждение уголовного дела, изменения в УПК РФ, дискреционные полномочия.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ, ИМЕЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАМКАХ ОСМОТРА ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ

Колычева Алла Николаевна,
адъюнкт кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2

В статье рассматриваются самые распространенные варианты сетевых преступлений, а также варианты использования органами дознания и предварительного расследования сетевых Интернет ресурсов в раскрытии и расследовании преступлений.

Ежегодно сеть Интернет становится доступней для миллионов людей [1]. Возможности сетевого интернет пространства по передаче электронной почтовой корреспонденции трансформируются посредством модификации web-сервисов. Предоставляющих дополнительные возможности для пользователей. Подомная востребованность

почтовых ресурсов у современного человека, безусловно вызывает интерес и у органов предварительного расследования в ходе сбора доказательственной информации в результате расследования конкретных уголовных дел.

Зачастую не только содержание электронной корреспонденции может иметь доказательственное значение, но и информация, остающаяся на средствах вычислительной техники. В целях установления такой техники «организуются поисковые действия, инициируются оперативно-технические мероприятия» [2].

Осмотр электронной почты, интерфейс программного обеспечения организован с использованием web-сервиса, не отличается от осмотра страниц или интернет-сайта. В данном случае мы также используем программу обозреватель (браузер), получаем отображение страницы с содержимым и фиксируем снимком экрана.

Также для получения электронной почты используются специальное программное обеспечение – почтовые клиенты. При осмотре ПЭВМ, подключенного к сети Интернет, необходимо обратить внимание на наличие установленного программного обеспечения, такого как MozillaThunderbird, TheBat!, MicrosoftOutlook, Это необходимо в связи с тем, что данные почтовые клиенты при использовании протокола POP3 после скачивания почты на ПЭВМ, могут удалять оригиналы писем на почтовом сервере, и фактически вы не узнаете получал/отправлял ли пользователь ПЭВМ электронную корреспонденцию. Процесс фиксации в протоколе, необходимо подкреплять проведением снимков экрана, которые помещаются в иллюстрационную таблицу [3] с отражением соответствующего факта в протоколе.

Отдельный интерес представляет тело письма это то, что мы видим с использованием браузера или почтовых клиентов, является по сути отформатированным по телу письма отображением, которое уже не хранит в себе (или не в полной мере) служебные заголовки, которые также могут представлять интерес [4].

При использовании почтовых клиентов, файлы с телом письма сохраняются на компьютере в каталогах, указанных в настройках программы, и имеют расширение .eml. При использовании web-ориентированных сервисов электронной почты тело письма получают следующими способами:

- Mail.ru (inbox.ru, list.ru, bk.ru). Чтобы получить тело письма в формате .eml на mail.ru необходимо, зайти в это письмо, вверху нажать кнопку «Еще» и выбрать «скачать на компьютер».
- Yandex.ru. В почтовом сервисе Яндекса, чтобы получить тело письма в формате .eml нужно, зайти в письмо, кликнуть по ссылке

«Свойства письма» после чего открывается новое окно с кодом письма, который нужно скопировать и сохранить в файле с расширением - «.eml».

- Gmail.com. Для получения технических заголовков письма в gmail.com необходимо, кликнуть по кнопке «еще» справа от кнопки «Ответить» и выбрать пункт «Показать оригинал».
- Rambler.ru (lenta.ru, autorambler.ru, myrambler.ru, ro.ru, r0.ru). В почтовом сервисе rambler.ru, необходимо кликнуть по кнопке «Показать заголовки и исходный код письма».

Для примера рассмотрим типичный образец писем, направляемых ежедневно мошенниками в адреса электронной почты. Так выглядит визуальное представление письма на почтовом сервисе «Яндекс.Почта» с помощью браузера GoogleChrome:

А так выглядит тело вышеуказанного письма, направленного мошенниками:

Received: from mxfront8g.mail.yandex.net ([127.0.0.1])
by mxfront8g.mail.yandex.net with LMTP id hCe2E4MR
for<mvd-oruin@ya.ru>; Thu, 14 Sep 2017 06:32:51 +0300
Received: from unknown (unknown [185.22.66.102])
by mxfront8g.mail.yandex.net (nwsmtp/Yandex) with ESMTPS id UNxYvp47si-Wo94WUGD;
Thu, 14 Sep 2017 06:32:50 +0300
(using TLSv1.2 with cipher ECDHE-RSA-AES128-GCM-SHA256 (128/128 bits))
(Client certificate not present)
Return-Path: skulditsky@gmail.com
X-Yandex-Front: mxfront8g.mail.yandex.net
X-Yandex-TimeMark: 1505359970
Authentication-Results: mxfront8g.mail.yandex.net; spf=softfail (mxfront8g.mail.yandex.net: transitioning domain of gmail.com does not designate 185.22.66.102 as permitted sender, rule=[~all]) smtp.mail=skulditsky@gmail.com
X-Yandex-Spam: 4
Received: from centos6.6.4.19443.env-9135240 (localhost [127.0.0.1])
by centos6.6.4.19443.env-9135240 (8.14.4/8.14.4) with ESMTP id v8E3CrEV015835
for<mvd-oruin@ya.ru>; Thu, 14 Sep 2017 03:12:53 GMT
Received: (from apache@localhost)
by centos6.6.4.19443.env-9135240 (8.14.4/8.14.4/Submit) id v8E3CqoN015834;

Thu, 14 Sep 2017 03:12:52 GMT

X-Authentication-Warning: centos6.6.4.19443.env-9135240: apache set sender to skulditsky@gmail.com using -f

To: mvd-oruin@ya.ru

Subject: =?utf-8?B?0J/QsNGA0LDQvNC10YLRgNGLINGD0YfRkdGC0L3QvtC5INC30LDQv9C40YE=?=

X-PHP-Originating-Script: 48:class.phpmailer.php

Date: Wed, 13 Sep 2017 21:12:52 -0600

From: =?utf-8?B?0JrQsNGA0LAt0K/Qtw==?= <skulditsky@gmail.com>

Message-ID: <45cde8ae3efa244ee98eb3485671ad8e@kara-yaz.kz>

X-Mailer: PHPMailer 5.2.16 (https://github.com/PHPMailer/PHPMailer)

MIME-Version: 1.0

Content-Type: text/plain; charset=utf-8

Content-Transfer-Encoding: 8bit

X-Yandex-Forward: e2ce45f92cd4163658daa3d5fa5eec84

Здравствуйте, 1 На ваш счет *3453 поступил перевод со счета *1939 - ttps://vk.com/doc376615450_450128068?c9folbuwc=33,

Благодарим вас за регистрацию на сайте Кара-Яз Петропавловск Казахстан, производство муки в Петропавловске, продажа муки в Казахстане, купить муку в Петропавловске, мельница Петропавловск, мельничный комплекс Петропавловск. Ваша учётная запись создана, но должна быть активирована прежде, чем вы сможете ею воспользоваться.

Чтобы активировать учётную запись, перейдите по ссылке ниже, или скопируйте её в адресную строку браузера:

http://karayaz.kz/component/users/?task=registration.activate&token=70e010378f95184ccd96b164ce779f4d

Рассмотрим какую информацию можем получить из технических заголовков:

Received: Содержит информацию о прохождении письма через почтовый сервер. Анализируя заголовок «Received:», мы видим, реальные электронные адреса, через которые прошло письмо, и кто его отправил, в нашем случае Received: fromunknown (unknown [185.22.66.102]) почтовый адрес отправителя не указан, имеется только IP адрес. Возможно, письмо было направлено с почтового сервера Received: fromcentos6.6.4.19443.env-9135240c установленной операционной системой CENTOS 6.6.4, не зарегистрированного в установленном порядке.

From: (с двоеточием) информация об адресе отправителя, указанная самим отправителем. В нашем примере это From: =?utf-8?B?0JrQsNGA0LAt0K/Qtw==?= skulditsky@gmail.com или Кара-Язskulditsky@gmail.com (расшифровка кодировки в UTF-8). В данном заголовке можно указать любую информацию, например Сбербанк РФ support@sberbank.ru, и получивший письмо первоначально будет думать, что письмо действительно пришло из Сбербанка РФ.

Authentication-Results: mxfront8g.mail.yandex.net; spf= softfail (mxfront8g.mail.yandex.net: transitioningdo mainofgmail.comdoesnotdesignate 185.22.66.102 aspermittedsender, rule=[~all]) smtp.mail=skulditsky@gmail.com в данном заголовке мы видим, что почтовый сервис gmail.com не может подтвердить, что ip-адрес 185.22.66.102 принадлежит абоненту с почтовым ящиком skulditsky@gmail.com.

Cc: (CarbonCopy - копия) Данный заголовок является дополнением поля "To:", он указывает получателей копии письма.

Content-Type: MIME-заголовок, сообщающий почтовому клиенту о виде данных, хранящихся в сообщении.

To: — адрес получателя (или адреса). При этом поле «To:» не всегда содержит адрес получателя, так как движение письма базируется на конвертном заголовке «To», а не на заголовке сообщения «To:».

Subject: — тема сообщения.

Return-Path: — адрес возвращения письма в случае неудачи, если невозможно доставить письмо адресату. Обычно совпадает с MAILFROM. Но может и отличаться.

Date: Заголовок указывает дату создания и отправления сообщения. Если этот заголовок не был создан на компьютере отправителя, то, возможно, его добавит почтовый сервер или какой-нибудь другой компьютер, через который пройдет письмо. Данный заголовок, возможно, подделать или он может быть некорректен из-за ошибки во времени у отправителя.

Приведенные нами выше сведения, которые отражаются в результате работы в почтовом сервисе, могут иметь доказательственное значение в результате грамотной фиксации, а также способствовать раскрытию и расследованию уголовного дела и направлению его в суд с обвинительным заключением.

---

1. Россия заняла первое место в Европе по числу пользователей интернета // URL: http:www.rg.ru/2016/02/03 (дата обращения: 18.09.2017).

2. Васюков В.Ф. К вопросу о сущности следов преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Право и образование. 2016. № 8. С. 112-118.

3. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 80-84.

4. Панферов Р.Г Особенности первоначального этапа расследования контрабанды наркотических средств, перемещаемых в международных почтовых отправлениях: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12 / Роман Геннадьевич Панферов. М., 2015. 222 с.

Ключевые слова: киберпреступность, информационно-коммуникационные технологии, сеть Интернет, контент, файлообменная система.

УДК 343.1

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Лапшин Вячеслав Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры криминалистики,
Нижегородская академия МВД России,
603950, БОКС-268, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

Кузьменко Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД России,
603950, БОКС-268, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

В статье исследуются вопросы, связанные с научной составляющей криминалистической идентификации и особенностями решения данной задачи в процессе расследования преступлений.

Говоря о термине «идентификация», следует отметить, что он употребляется в нескольких значениях. Им обозначают: цель (задачу)

и результат самого исследования, процесс исследования как систему действий, выполняемых в определенной последовательности для решения задачи отождествления или дифференциации; и наконец, теоретическую концепцию (теорию) об общих принципах и приемах отождествления материальных объектов как способа установления существенных обстоятельств в процессе (уголовном, административном, гражданском, арбитражном).

Но главным остается вопрос о том, какое место занимает идентификация в расследовании преступлений. По этому поводу в криминалистической науке существует как минимум три точки зрения.

Первая связана с именем С.М. Потапова, который понимал идентификацию как «методологию криминалистического исследования» [1]. Иначе говоря, всякое суждение, любое исследование, каждый познавательный акт представляет собой идентификацию.

Вторая точка зрения появилась благодаря резкой критике взглядов С.М. Потапова со стороны Н.В. Терзиева и С.П. Митричева. Так, например, С.П. Митричев призывал к тому, что «надо строго придерживаться тех рамок, в пределах которых применима криминалистическая идентификация» [2]. Идентификацию следует понимать лишь как один из методов исследования вещественных доказательств.

Третья позиция появилась в результате разработок В.Я. Колдина. «Вопрос о тождестве становится предметом судебного исследования в тех случаях, когда в орбиту судебного процесса попадает отображение объекта, связанного с событием преступления, и имеется объект, который мог вызвать это отображение. Значение такого исследования состоит в том, что оно позволяет установить связь определенного лица или предмета с событием преступления и тем самым выяснить ряд существенных обстоятельств дела».

Трудно поспорить с утверждение о том, что «бесследных» преступлений не бывает. В результате каждого преступления образуется следовая картина. По этой картине восстанавливается расследуемое событие. По следам организуется розыск тех объектов, которые оставили эти следы. Эти объекты принято называть идентифицируемыми, а те объекты, на которых имеются отображения – идентифицирующими.

Существуют две основные следовые картины – материальная и психофизиологическая. Первая – вещественная (овеществленная), материальная – следовая картина, носящая объективный характер: следы деятельности человека (рук, ног, зубов), следы образованные орудиями взлома, инструментами, частями транспортных средств огне-

стрельного оружия, а также документы и фотографические изображения, трупы, микрочастицы, видеозаписи и фонограммы и т.д.

Вторая – психофизиологическая – следовая картина носит субъективный характер. Она состоит в запечатлении мысленных образов любых объектов в памяти конкретных лиц, поэтому субъектом отождествления, то есть лицом, осуществляющим идентификацию, в подобных случаях может быть только очевидец – человек, в чьем сознании запечатлен чувственно-конкретный образ отождествляемого предмета, т.е. его идеальный образ [3].

Здесь следует особо выделить тот факт, что в случаях, когда производится следственное действие «Предъявление для опознания» (ст. 193 УПК РФ), то правомочным субъектом, который оценивает и принимает решение о результатах уголовно-процессуальной идентификации, является следователь. Свидетели, потерпевшие, обвиняемые или подозреваемые выступают лишь носителями информации (отображений). Напрашивается аналогия с теми ситуациями, когда по материально-фиксированным отображениям идентификацию может проводить иное лицо (эксперт, специалист и др.), способное правильно воспринимать отраженные признаки объекта и на этой основе делать вывод о конкретном объекте.

Важными условиями идентификации выступает, во-первых, раздельное исследование самих «проверяемых» объектов, а, во-вторых, их сравнительное исследование. Сравнение – это изучение двух или нескольких объектов исследования с целью установления того, что у них имеется общего, что их объединяет и, вместе с тем, какие у них имеются различия. Анализ различий в процессе идентификации имеет важное значение.

Различия могут быть обусловлены множеством факторов самого разнообразного характера: структурой объекта, условиями его изготовления, использования, хранения и т. п. Различия могут быть выражены и естественным ходом времени, например, по мере старения человека изменяются черты его внешности, используемые для отождествления.

Различия могут быть вызваны намеренными действиями по сокрытию преступления, могут быть следствием изменения объекта под влиянием различных условий, связанных с воздействием на объект. Искусственно созданные различия могут воспрепятствовать отождествлению в тех случаях, когда они существенно изменяют собственные признаки объекта (например, обработка наждачной шкуркой канала ствола пистолета или затачивание рубящей кромки топора и т.п.).

Изучение неизбежных различий помогает лучше уяснить и объяснить факт тождества, определить допустимую меру различий, не исключающих вывода о тождественности объекта самому себе.

Существует общепринятая классификация выводов, и не только экспертных, которые можно сделать при сравнительном исследовании: а) о наличии тождества; б) о его отсутствии; в) о невозможности решения задачи. Иначе говоря, при оценке результатов сравнительного исследования приходят к одному из трех возможных выводов: 1) об установлении искомого объекта, о факте его взаимодействия с отображением; 2) об отсутствии контакта проверяемого объекта с отображением; 3) о невозможности решить задачу идентификации.

В тех случаях, когда имеются различия, то необходимо выяснить причину (природу) этих различий. Если причины различий остаются непонятными, а механизм произошедшего явления не ясен, то делается вывод о том, что решить идентификационный вопрос не представилось возможным.

Следователь и суд не должны переоценивать категорический положительный идентификационный вывод. Во-первых, он не должен противоречить иным доказательственным материалам. Во-вторых, вывод должен быть обоснован, логически аргументирован.

На сегодняшний день не существует единой точки зрения по поводу правомерности и допустимости вероятных выводов. В одной и той же экспертной ситуации один эксперт, руководствуясь внутренним убеждением, может дать категорический вывод, со значением «да или нет», а другой предпочтет сделать вероятный вывод, со значением «скорее всего, вероятно». Обязательного минимума совпадающих признаков при производстве, например, трасологических экспертиз не существует [4]. Такого минимума нет и при дактилоскопических исследованиях [5]. В настоящее время экспертными учреждениями МВД России и Министерства юстиции РФ вообще не практикуется использование здесь какого-либо заранее установленного конечного критерия.

Немецкие специалисты отмечают, что перед проведением сравнительных исследований следов, «как правило, ставится вопрос, какова вероятность оставления следов одним и тем же предметом?» [6].

При решении задачи установления целого по его частям (фрагментам) сопоставляют между собой фрагментированные части объекта (осколки, обломки, детали, клочки бумаги и др.); исследуют их физические и химические свойства, определяют наличие общей поверхности разделения, совпадение микрорельефа на совмещаемых частях и т. д. Например, если требуется установить, не составляли ли единое целое осколки фарного рассеивателя, найденные на месте наезда на

пешехода, и осколки, изъятые в проверяемом автомобиле, то для этого должны быть исследованы признаки исходного сырья (стекла), признаки производственного происхождения (макро- и микрорельеф), эксплуатационные признаки и другие данные.

Идентификация может осуществляться и специалистом (не экспертом) при производстве предварительных исследований (не экспертиз) [7]. Обычно они проводятся по заданию оперативного сотрудника и по материалам, полученным оперативным путем. Эти данные имеют оперативное или тактическое значение (поиск лиц, орудий преступления, следов, похищенных предметов) для построения криминалистических версий и при назначении судебной экспертизы.

Широкое распространение в криминалистической идентификации получило установление групповой принадлежности объекта, то есть его принадлежности к некоторому множеству однородных объектов. При этом под однородными понимают объекты, которые при всех их различиях обладают одним и тем же набором признаков группового свойства (например, топоры одного целевого назначения, подошвенная часть одного вида обуви, одной формы, размеров и т. п.). Однако понятие группы при установлении принадлежности к ней объекта может быть сформировано и по случайным признакам. Например, по следам на месте происшествия установлено, что наезд на пешехода совершен автомобилем ВАЗ-2121, на правом заднем колесе которого имеется характерная трещина (на одном из грунтозацепов). В этом случае поиск проверяемого объекта и его принадлежности к группе будет осуществляться применительно к группе автотранспортных средств, условно обозначенной как автомобиль «Нива» с повреждением в виде расслоения или удаления материала на правом заднем колесе.

Содержание идентификационных действий (поиск следов, моделирование искомого объекта, оставившего след, сравнительный анализ следов с проверяемым объектом) в основном проявляется через взаимодействие оперативного работника со специалистом, следователя – со специалистом и экспертом. Безусловно, результативность такого взаимодействия зависит от: 1) уровня специализации его участников; 2) продуктивного использования методов моделирования и классификации; 3) уровня развития информационного обеспечения идентификационно-поисковой деятельности [8].

---

1. Железняков А.И., Ручкин В.А. Современное состояние и возможности дактилоскопического исследования: Лекция. Волгоград, 1986.

2. Колдин В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М., 1957.
3. Колдин В.Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969.
4. Колдин В.Я. Идентификация при расследовании преступлений. М., 1978.
5. Криминалистический словарь. М., 1993.
6. Лубин А.Ф. Взаимодействие участников идентификационно-поисковой деятельности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1983.
7. Митричев С.П. Задачи советской науки криминалистики // Социалистическая законность. 1951. № 6.
8. Семенов Е.А., Власов В.В. Как использовать предварительные исследования специалиста до возбуждения дела // Уголовный процесс. 2017. №. 5. С. 84-91.

Ключевые слова: криминалистическая идентификация, отождествление, дифференциация, экспертиза, следовая картина.
УДК 343.1

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК МЕТОД ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Лукьянчикова Светлана Анатольевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассмотрены понятие, цель и предмет финансово-экономической экспертизы как одного из главных методов государственного финансового контроля.

В Российской Федерации государственный финансовый контроль включает в себя контроль за исполнением федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов, организацией денежного обращения, использованием кредитных ресурсов, состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлением финансовых и налоговых льгот и преимуществ.

Финансовый контроль осуществляется различными методами, которые преследуют одну цель-проверку соответствия фактической финансовой деятельности действующему законодательству. Четкого перечня методов финансового контроля в законодательстве нет. Российские эксперты выделяют следующие методы: мониторинг; обследование; проверка; экспертиза; ревизия; анализ.

Понятие экспертиза можно определить как исследование и решение опытными специалистами различных сфер экономической науки вопросов, требующих специальных знаний в области экономики, науки, техники, ремесла и искусства.

Финансово-экономическая экспертиза является одним из методов финансового контроля. Данный метод считается аналитиками самым сложным в аспекте практической реализации и признается экспертами оптимальным, с точки зрения достоверности результатов.

Министерство юстиции в соответствии (с приложением № 1 приказа от 14 мая 2003 г. № 114 «Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации») в классификацию судебных экспертиз включает 3 рода судебно-экономической экспертизы: 1) бухгалтерская экспертиза); 2) финансово-экономическая экспертиза; 3) товароведческая экспертиза.

Судебная финансово-экономическая экспертиза - это особый род судебной экономической экспертизы, которая проводится для исследования показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта.

Финансово-экономическая экспертиза проводит исследования отдельных сторон финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования, связанные с анализом процедур закупок товаров (работ, услуг), проверкой соблюдения очередности осуществления платежей, установлением наличия (отсутствия) признаков криминальной экономической несостоятельности (банкротства) и пр.

Главной целью финансово-экономической экспертизы является оценка объективности и правильности расчетов, указанных в соответствующих документах хозяйствующих субъектов. Немаловажным представляется рассмотрение предмета вышеназванного вида экспертиз.

Предмет экспертизы представляет собой свойства объектов и процесс их изменения в результате внешнего и (или) внутреннего воздействия на них, которые изучаются экспертом, обладающим специальными знаниями в соответствующих областях науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности, с помощью специально

разработанных для этих целей методик в пределах своей компетенции и с учетом вопросов, поставленных перед ним органом, назначившим экспертизу.

Анализируя определение, данное Ю.К. Гаджиевым, можно констатировать, что он выделяет три направления исследования, которые относятся к предмету финансово-экономической экспертизы: финансовые операции; финансовые показатели деятельности; фактические данные, отражающие формирование, распределение и использование хозяйствующим субъектом доходов и денежных фондов [1]. Именно они позволяют получить достаточную информацию об экономической составляющей деятельности предприятии (организации).

Финансовыми операциями являются «сделки с денежными средствами, ценными бумагами, электронными деньгами, иным имуществом, в том числе имущественными правами, а также исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности независимо от формы и способа ее осуществления» [2]. Среди таковых выделяют кредитные, валютные и банковские операции, факторинг, лизинг и многие другие.

Вторым компонентом предмета финансово-экономической экспертизы являются финансовые показатели. Стоит отметить, что в большинстве случаев именно они расцениваются в качестве основания при производстве анализа различных сторон деятельности организации. К данным показателям относят ликвидность, рентабельность, деловую активность, финансовую устойчивость и др.

Третье направление исследования предмета финансово-экономической экспертизы представлено фактическими данными о доходах и денежных фондах. Среди них можно отметить, например, доходы от основных видов деятельности, операционные доходы, внереализационные доходы и иные показатели.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что фактические данные о доходах и денежных фондах отражаются в определенной отчетности. В Международных стандартах финансовой отчетности таковую принято называть финансовой, а содержащиеся в ней сведения – финансовыми показателями. С учетом этого факта можно сделать следующий немаловажный вывод. Фактические данные и финансовые показатели являются взаимозаменяемыми понятиями, следовательно, в определении предмета финансово-экономической экспертизы их выделение в отдельную группу нецелесообразно.

В настоящее время одной из целей государственной политики должно стать усиление финансового контроля, борьба с правонарушениями в финансово-экономической деятельности, в том числе и с по-

мощью применения специальных знаний в области финансов, бухгалтерского учета и экономики, то есть судебно-экономической экспертизы.

1. Ковган, Ж.И. Предмет финансово-экономической экспертизы/ Ж.И. Ковган // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. №2(38). С.139.

2. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения: Закон Респ. Беларусь от 30 июня 2014 г., № 165-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015.

Ключевые слова: финансово-экономическая экспертиза, финансовый контроль, финансовые операции, финансовые показатели.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ Ч. 2 СТ. 272 УК РФ

Малышева Наталия Александровна,
слушатель факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Васюков Виталий Федорович,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Научно-технический прогресс последних десятилетий привел к проникновению информационных технологий практически во все сферы жизнедеятельности современного общества. Наблюдается повсеместный рост эксплуатации мобильных устройств, компьютеров, ноутбуков, планшетов, значительно упрощающих жизнь человека, де-

лающих ее более мобильной. Люди активно решают многие финансовые и личные вопросы через приложения ВКонтакте, Skype, Viber, Сбербанк Онлайн, WhatsApp, Instagram и т.д. Это приводит к концентрации большого объема данных личного характера на различных технических устройствах либо циркуляции ее в сети Интернет. В таких условиях права и свободы граждан становятся более уязвимыми.

Наряду с этим, совершенствование информационных технологий, расширение сфер их применения способствуют появлению новых способов совершения преступлений в сфере компьютерной информации, объектами которых становятся информация и денежные средства. Преступники придумывают все более изощренные способы реализации своих преступных намерений, используя, в том числе, и различные социальные сети [3].

В 2016-2017 годах по всей России прошел всплеск взлома личных страниц пользователей социальной сети «Вконтакте». Противоправные действия злоумышленников заключались в том, что они из корыстной заинтересованности осуществляли неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации путем использования специальных программ и средств, позволяющих преодолевать установленные системы защиты. Хочется отметить, что подобные преступные посягательства актуальны и на сегодняшний день. Так, отделом по обслуживанию территории Ленинского района СУ Управления МВД России по г. Ижевску в период с 1 сентября 2017 года по 1 февраля 2018 года было возбуждено 25 уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного ч.2 ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации». При неправомерном завладении компьютерной информацией предметом преступления является компьютерная информация, не имеющая физических характеристик и одновременно неразрывно связанная с компьютером, компьютерной системой, машинным носителем [1].

Особенностью возбуждения уголовных дел по факту неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации граждан, является то, что материалы, служащие основанием возбуждения уголовного дела, как правило, являются выделенными из материалов, собранных по заявлению граждан, свидетельствующих о совершении в отношении них преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Это означает, что злоумышленники, «взламывая» личную страницу пользователя социальной сети «Вконтакте», осуществляют массовую рассылку сообщений друзьям указанного пользователя с просьбой перевести денежную сумму на счет банковской карты либо на номер мобильного телефона. Лица, которые перевели денежные

средства по просьбе злоумышленника, затем и обращаются к сотрудникам полиции с заявлением о совершении в отношении них мошеннических действий. По указанным заявлениям в течение 3-х суток проводится проверка, которая может быть продлена до 10, а в последствии и до 30 суток. Сотрудник органа внутренних дел, осуществляющий проверку сообщения о преступлении, пишет рапорт об обнаружении признаков преступления, которому присваивается свой номер согласно книге КУСП. И именно вышеуказанный рапорт становится поводом для возбуждения уголовного дела по ч.2 ст. 272 УК РФ. Так, 12.11.2017 года следователем отдела по обслуживанию территории Ленинского района СУ УМВД России по г. Ижевску было возбуждено уголовное дело № 11701940016185507 по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 272 УК РФ по факту осуществления неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации личной страницы социальной сети «Вконтакте» гр. Ф. Однако, сам гр. Ф. с заявлением в полицию не обращался. Заявление было подано 12.10.2017 года коллегой по работе – гр. С., которая по просьбе мошенников перевела денежные средства в размере 900 рублей на номер мобильного телефона, указанный в сообщении.

Еще одним примером может служить уголовное дело № 11701940016148607, возбужденное в отделе по обслуживанию территории Ленинского района СУ УМВД России по г. Ижевску 08.09.2017 года по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 272 УК РФ. Материалы, которые послужили основанием для возбуждения данного уголовного дела, были выделены из уголовного дела, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 159 УК РФ по факту мошеннических действий в отношении гр. М. на сумму 10 500 рублей.

При возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч.2 ст. 272 УК РФ, следователю важно своевременно отправить соответствующие запросы, среди которых особое место занимают: запрос ООО «Вконтакте», ПАО «Сбербанк», при необходимости – запросы операторам сотовой связи. При формировании запроса ООО «Вконтакте» важно указать id страницы, доступ к которой был неправомерно реализован; при наличии указать IP-адреса электронных устройств, через которые осуществлялся вход на социальную страницу. Кроме того, в запросе особое значение имеет формулировка самой запрашиваемой информации. Представляется, что в запросе наиболее оптимальным удачным будет выглядеть следующая формулировка: «сведения о лице, зарегистрированном на Вашем сайте под учетной записью «С.С.» id - 000000001, за период

времени с 00:00:00 «число.месяц.год» по 23:59:59 «число.месяц.год», с указанием IP-адресов, с использованием которых осуществлялась регистрация учетной записи, последующее их использование, а также даты и времени доступа к учетной записи. Кроме того, прошу сообщить дату, время и IP-адреса, с помощью которых осуществлено изменение пароля для доступа к вышеуказанной учетной записи». Предоставление компанией ООО «Вконтакте» подобной информации позволит следователю установить местонахождение электронного устройства, через который был осуществлен неправомерный доступ. Стоит отметить, что через IP-адрес следователь может установить местонахождение электронного устройства как самостоятельно – с использованием специальной программы, так и путем направления поручения в отдел «К».

Отличительной особенностью расследования вышеуказанного преступления выступает «виртуальность» его совершения, то есть противоправные действия совершаются путем подачи электронных сигналов. На первоначальном этапе расследования важным следственным действием выступает допрос потерпевшего и свидетелей. Допрос потерпевшего производится с целью уточнения времени, места и иных обстоятельств совершения преступления. При допросе потерпевшего важно указать, сколько лет и под каким именем был зарегистрирован пользователь в социальной сети «Вконтакте», какая информация личного характера у него была размещена в открытом доступе, как часто потерпевший посещал свою страницу и через какие электронные устройства, при возможности указать IP-адреса таких устройств. Кроме того, следователю необходимо выяснить id страницы потерпевшего. Однако, как показывает практика, потерпевшие зачастую не могут указать ни id страницы, ни IP-адресов электронных устройств, поскольку в повседневной жизни не сталкиваются с такими понятиями. В ходе допроса также стоит выяснить обстоятельства совершения преступления: в какой момент и от кого потерпевшему стало известно о «взломе» его виртуальной страницы, когда в последний раз потерпевший посещал страницу и через какое электронное устройство, кому еще известно о факте неправомерного доступа к компьютерной информации потерпевшего [6].

Одним из важнейших первоначальных следственных действий при расследовании данного вида преступления является назначение и производство компьютерно-технической судебной экспертизы, которая позволяет ответить на следующие вопросы: Каким образом организован ввод и вывод данных в представленном программном средстве? Имеются ли в программном средстве отклонения от нормальных

параметров типовых программных продуктов? Имеет ли программное средство защитные возможности (программные, аппаратно-программные) от несанкционированного доступа и копирования? Подвергался ли алгоритм программного средства модификации по сравнению с исходным состоянием? В чем это нашло отражение? С какой целью было произведено изменение каких-либо функций в программном средстве? Полученные в заключении эксперта ответы позволят следователю сделать вывод о том, каким образом был осуществлен доступ к компьютерной информации потерпевшего [7, 8]. Однако, анализ практической деятельности следственных органов показывает, что потерпевшие зачастую отказываются от производства указанного следственного действия, поскольку для его производства необходимо выдать электронное устройство следователю. Отказ от выдачи электронного устройства обосновывается тем, что потерпевший пользуется электронным устройством в повседневной деятельности либо на работе, а в случае производства устройство будет изъято на достаточно длительный срок. В подобных ситуациях потерпевший в ходе допроса указывает, что он отказывается выдавать электронное устройство для производства судебной экспертизы с указанием конкретных причин своего отказа [5]. Так, при расследовании уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ч.2 ст. 272 УК РФ, следователями отдела по обслуживанию территории Ленинского района СУ УМВД России по г. Ижевску в период с 01.09.2017 года по 01.02.2018 года не было назначено ни одной компьютерно-технической судебной экспертизы, так как потерпевшие отказывались выдавать техническое устройство.

Допрос свидетелей при расследовании данного вида преступления также играет важную роль. Свидетелями по уголовному делу могут выступать родственники потерпевшего, а также лица, которым приходили сообщения со страницы потерпевшего от имени мошенников, независимо от того, были ли переведены денежные средства или нет. Допрос максимального круга лиц позволит более точно определить время совершения преступления и намерения злоумышленников. В ходе допроса свидетелей важно выяснить сведения, которые выяснялись у потерпевшего. Кроме того, в вопросно-ответной части допроса свидетелей необходимо указать, в каких отношениях состоит свидетель с потерпевшим и почему он перевел (или не перевел) денежные средства по просьбе потерпевшего. Безусловно, необходимо указать номер банковской карты, на который требовалось перевести денежные средства [4].

Жертвами преступлений, предусмотренными ч.2 ст. 272 УК РФ, становятся обычные граждане, в связи с чем необходимо повышать квалификацию следователей, расследующих данные преступления. Злоумышленники совершенствуют способы совершения мошеннических действий с целью извлечения материальной выгоды, поэтому лица, ведущие расследование, должны обладать определенным уровнем специальных познаний в области высоких технологий.

Таким образом, можно сказать, что на сегодняшний день констатируется низкая эффективность расследования преступлений в сфере компьютерной информации и судебного рассмотрения таких дел [3]. Качественное производство первоначальных следственных действий является залогом успешного расследования данного вида преступлений. Однако, при их производстве, следователь в силу своей безграмотности в сфере информационных технологий, не всегда может выполнить следственные действия на должном уровне, в связи с чем, на наш взгляд, было бы целесообразно обучать следователей в направлении расследования преступлений, совершенных против компьютерной информации, так как данная группа преступлений имеет множество особенностей, связанных с «виртуальным» характером их совершения.

---

1. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 80-84.

2. Дубко М.А. Особенности квалификации неправомерного завладения компьютерной информацией и отграничения от иных преступлений против информационной безопасности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2015. № 13. С. 180-185.

3. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // [Электронный ресурс] : Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 45-50.

5. Дёмин К.Е. К вопросу о содержании криминалистической характеристики преступлений, сопряженных с применением современ-

ных информационных технологий // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования. Сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола. Редколлегия: А.В. Булыжкин [и др.]. 2017. С. 54-59.

6. Васюков В.Ф. К вопросу о сущности следов преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Право и образование. 2016. № 8. С. 112-118.

7. Шведова Н.Н., Баринова О.А. Краткий обзор практики экспертно-криминалистического сопровождения деятельности органов внутренних дел в борьбе с преступностью экономической направленности // Современные проблемы противодействия преступности. Всероссийская научно-практическая конференция. 2010. С. 351-356.

8. Баринова О.А. История и современное состояние криминалистических исследований материалов, применяемых для изготовления документов // Судебная экспертиза. 2011. № 4. С. 134-142.

Ключевые слова: специальные знания, следственные действия, электронные устройства, осмотр, экспертиза, следователь.

УДК 343.98

БОРЬБА С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НОВЫХ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ: МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Макаренко Мадина Мусаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя»,
117997, г. Москва, ул. Волгина, д. 12

В статье рассматриваются проблемы борьбы с незаконным оборотом новых потенциально опасных психоактивных веществ, приводятся варианты разрешения данных проблем.

С развитием химических технологий наркотики растительного происхождения уходят в прошлое, и на рынке наркобизнеса их активно вытесняют наркотики синтетического происхождения, в том числе наркотические курительные смеси, условно называемые «спайс», и

порошки амфетамин, больше известные под названием «спиды» или «скорость». В начале XXI столетия именно это множество аналогов наркотических средств (MDMC, 4-MMC, MMCAT и др.) становятся неотъемлемыми элементами молодежной субкультуры во всем мире, что неизбежно приводит к массовым отравлениям в этой среде и высоким показателям летальных исходов. Как свидетельствуют специалисты, действие новых потенциально опасных психоактивных веществ на организм человека во много раз превышает воздействие от традиционных наркотических средств [1]. При употреблении таких наркогенов сосуды головного мозга резко сужаются, наступает острое кислородное голодание. У человека развивается устойчивое чувство страха, паники, безысходности, галлюцинации. Нередко потребители «спайсов» становятся пациентами психиатрических клиник [2].

Указанные обстоятельства потребовали рассмотрения проблемы распространения новых потенциально опасных психоактивных веществ с участием всего мирового сообщества, и в во многих странах стали приниматься антинаркотические нормы, ограничивающие или запрещающие их оборот. Государственные мероприятия по контролю курительных смесей за последние 10 лет были активно разработаны и реализованы в Австрии, Германии, Франции, Люксембурге, Польше, Литве, Швеции, Эстонии и находятся в стадии рассмотрения в других государствах - членах Евросоюза.

Среди исследователей нет единства мнений о том, где и как происходит фактическое производство травяных смесей, синтетических каннабиноидов и их добавление к травяным смесям. Одни исследователи полагают, что миксы производятся на территории Северной Ирландии компанией The Psyche Deli и позиционируются как легальные смеси для курения растительного происхождения, не дающие положительного результата на наркотические пробы. Другие считают, что продукты спайс могут быть произведены в странах Азии, например в Китае, в то время как синтетические каннабиноиды - в странах, где наличествует дешевый органический синтез.

Стремительно развивающаяся внешняя наркоэкспансия и насыщение наркорынка новыми видами психоактивных веществ представляют прямую угрозу национальной и экономической безопасности Российской Федерации, здоровью населения, культурному и нравственному потенциалу страны. Так, например, в результате мониторинга Роскомнадзором сети Интернет установлено, что пользователями только одного региона России ежемесячно запрашивается информация со словами: «наркотик» – 10 000, «спайс» – 7 000, «марихуана» – 1 150, «гашиш» – 1 000, «героин» – 850. По запросу «как приготовить

амфетамин в домашних условиях» – интернет выдает 32 тыс. сайтов, которые содержат информацию о способах изготовления наркотиков в домашних условиях. При запросе в поисковой системе «Yandex» слова «наркотик» выдает 46 млн сайтов, «марихуана» – 9 млн, «героин» – 8 млн, «спайс» – 6 млн, «курительные смеси» – 1 млн., «дезоморфин» – 578 тыс. [3].

Сложившаяся ситуация диктует необходимость создания новой системы противодействия данной угрозе на государственном уровне. Одним из направлений этой деятельности, безусловно, является совершенствование законодательства и правоприменительной практики в указанной в сфере.

За последние пять лет в России ликвидировано 50 тысяч наркопритонов и мест производства наркотиков, из незаконного оборота изъято 26 тонн опиатов, в том числе 11,5 тонн афганского героина, 18 тонн синтетических наркотиков, 121 тонна марихуаны и 10 тонн гашиша, выявлено свыше 700 видов новых потенциально опасных психоактивных веществ. В 2014 году объём изъятых синтетических наркотиков в 160 раз превысил количественный показатель десятилетней давности. За последние пять лет к уголовной и административной ответственности привлечено 1 млн 200 тыс. человек, пресечена деятельность 26 тыс. организованных преступных групп и преступных сообществ.

Рабочая группа по противодействию незаконному обороту наркотических средств, распространяемых под видом курительных смесей действует при Главном управлении России по городу Москве. Аналогичные подразделения существуют также в низовых подразделениях по округам. Их усилиями на постоянной основе с 2014 года осуществляется оперативно-профилактическое мероприятие «Спайс». Подобные рабочие группы действую и во многих субъектах Российской Федерации.

Правоохранительные органы Российской Федерации изымают новые виды психоактивных веществ, поступающие из разных государств: Ирландии, Италии, США, Великобритании, Нидерландов, Чехии, Германии, Испании, Финляндии, Бельгии, Литвы, Латвии, Украины. Вместе с тем необходимо отметить, что из этих государств в Россию поступают небольшие партии наркотиков. Наиболее же крупные партии поступают в Россию из Китая. Средний вес одного изъятия, поступившего из КНР, составляет 480 граммов, из других государств - 16 граммов.

Анализ сложившейся ситуации констатировать опасную тенденцию, имеющую место на протяжении последних лет, которая вы-

ражается в стремительном и неуклонном росте преступного «профессионализма» и высокой организованности наркобизнеса. Меняются схемы и способы сбыта наркотиков. С 2008 года на территории Российской Федерации все большую популярность начал набирать бесконтактный способ сбыта наркогенов. Для таких целей раньше использовались средства сотовой телефонной связи, обеспечивавшие обмен информацией о времени, месте и способе сбыта наркотиков, путем голосовых переговоров и коротких SMS-сообщений, а в настоящее время возможности сети Интернет.

Вместе с тем, результативность проводимой работы остается попрежнему низкой из-за ряда объективных и субъективных причин, некоторые их которых будут раскрыты ниже.

В Российской Федерации установлена административная (ст. 6.9, 6.9.1, 6.10 КоАП РФ) и уголовная ответственность (ст. 234.1 УК РФ) за противоправные действия конкретных лиц, которые, преследуя корыстные цели, наносили и наносят существенный вред здоровью населения путем незаконного оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Следует отметить, что к обязательным признакам образцов, которые претендуют на отнесение их к новым потенциально-опасным психоактивным веществам относится их запрещенность для оборота в Российской Федерации. Это условие предполагает, что в установленном законом порядке, после проведения необходимых исследований принято решение о запрете оборота соответствующих веществ. Либо, исходя из потенциальной опасности данных предметов, устанавливается запрет или ограничение свободного доступа к ним.

Однако легального официально-опубликованного списка новых потенциально-опасных психоактивных веществ в Российской Федерации не существует. С момента внесения изменений в Закон № 3-ФЗ, формирование указанного Реестра было возложено на ФСКН. В этом направлении проводилась активная работа по сбору и обобщению сведений о новых потенциально-опасных психоактивных веществах, находящихся в обороте на территории Российской Федерации. Однако в связи с реорганизацией ФСКН 5 апреля 2016 г. функции и полномочия данной службы переданы МВД России. До настоящего времени процедура формирования указанного Реестра не налажена. А поскольку официально запрещенных к обороту на государственном (законодательном) уровне новых потенциально опасных психоактивных веществ нет, то и введенная в уголовное законодательство норма, предусмотренная ст. 234.1 УК РФ до настоящего времени на практике не применяется вообще.

Поскольку российское законодательство не содержит перечня подобных веществ, включенных в соответствующий Реестр, это приводит к формулированию следующей коллизии: получается, что законодатель допускает привлечение к уголовной ответственности за указанные действия в случае их осуществления с некими предметами, опасность которых доподлинно не определена, и они не включены в соответствующие перечни запрещенных или ограниченных к обороту. То есть, сталкиваясь с термином «новые потенциально-опасные психоактивные вещества», правоприменитель не представляет, о каких веществах идет речь. Отмеченная неопределенность предопределяет необходимость скорейшего активного формирования Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, что, безусловно, будет способствовать единообразной правоприменительной практике по противодействию их незаконному обороту. Кроме того, это имеет большое значение в повышении эффективности борьбы не только с указанным, но и другими преступлениями, совершаемыми под воздействием наркотических средств, сильнодействующих и новых потенциально опасных веществ.

Следует так же обратить внимание и на то обстоятельство, что у «спайса», или синтетического канабиноида, много формул. В результате чего, как только правоохранительные органы запрещают одну формулу, тут же появляется другая. Токсикологическая идентификация компонентов спайс затруднительна, так как продукт имеет сложный химический дизайн; кроме того в него добавляют большое количеств непсихотропных веществ, таких, например, как токоферол, которые маскируют активные компоненты. Именно по этим причинам синтетические добавки трудно обнаружить и идентифицировать [4]. По этой причине научной классификации курительных смесей в Российской Федерации не существует, так как своевременно систематизировать столь быстро пополняющийся ассортимент продукта, появившегося на отечественном рынке, специалисты не успевают.

Таким образом, огромное количество доступных и вместе с тем потенциально опасных психотропных синтетических каннабиноидов означает, что мероприятия, осуществляемые государствами во всем мире по их контролю, являются пока неэффективными. Процесс же выработки новых более результативных мер противодействия этому опасному явлению должен носить международный характер и осуществляться на постоянной основе. Считаем, что совместные исследования химиков, медиков, психологов, криминалистов, государственных органов контроля помогут сформировать эффективную систему про-

филактики нежелательных последствий, возможных в результате употребления дизайнерских наркотиков.

1. Иваноженко Н.Д., Волчкова А.Н. Нарушения психики при употреблении курительных смесей // Тюменский медицинский журнал. 2010 № 1. С. 25.

2. Влияние спайса на организм человека. Интернет ресуср. URL: http://www.vredno-vsyo.ru/vred_narkotikov/139-vliyanie-spajsa-na-organizm-cheloveka. html .

3. Пропаганда наркотических средств. Интернет ресурс: URL: http // rehab-centrs.ru/stati

4. Курдиль Н.В. Актуальные вопросы таксикологии и лабораторной идентификации синтетических каннабиноидов (подготовлено по материалам Европейского Центра наркотиков и наркомании EMCDDA) // Медицина неотложных состояний. 2015. № 2(65). С.9-18.

Ключевые слова: борьба, незаконный оборот, психоактивные вещества, опыт, каннабиноиды, реестр.

УДК 343.98

ПРАВО ГРАЖДАН НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Меняйло Дмитрий Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры тактико-специальной подготовки,
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

Семенюк Анастасия Федоровна,
курсант 4 курса факультета правоохранительной деятельности,
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

В статье рассматриваются вопросы понимания и реализации права граждан на получение информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления как института

права оказывающего влияние на состояние коррупции в России на современном этапе.

Возможность граждан на получение информации о деятельности государственных органов и органом местного самоуправления является важной гарантией повышения доверия со стороны населения к органам публичной власти, реализующий принцип гласности. Реализация данного права выступает мощным фактором в вопросе противодействия коррупции в современной России. Недаром основным принципом противодействия коррупции является «публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [1]. Но существование права на получение информации о деятельности государственных органов и органом местного самоуправления само по себе еще не гарантирует эффекта сдерживания коррупции, большое значение имеет правовая культура правоприменителя и фактическая реализация данного права. Для того, чтобы у граждан была реальная возможность пользоваться указанным правом, в Российской Федерации было принято множество нормативно-правовых актов, которые регулируют его основные положения. Не смотря на существование комплекса таких нормативных правовых актов, в жизни могут возникать трудности и противоречия в использовании гражданами своего конституционного права. Право на получение информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления вытекает из конституционного права, закрепленного п. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации, в которой сказано, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Особо оговаривается, что существует перечень сведений, составляющих государственную тайну, правовой режим которой определяется федеральным законом.

В соответствии с положением Федерального закона Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а именно на основании пункта 1 статьи 2, под информацией следует понимать сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления [2]. Эти сведения могут быть выражены в любой форме: документа (бумажного или электронного), изображения (фотографии, видеоизображения), аудиозаписи, сообщения в устной форме и т.д.

Проанализировав права на информацию различных ученых [3], можно прийти к выводу о том, что право на информацию представляет собой не конкретное субъективное право человека, а имеет соот-

ношение с традиционными информационными правомочиями: свободой убеждений, свободой слова, правом на доступ к информации. То есть, для понимания права на информацию характерно комплексное восприятие, которое включает в себя ряд закрепленных в Конституции РФ конкретных правомочий.

Право на доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, неразрывно связано с общим правом на информацию, включающем право гражданина искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым образом, которым не запрещено законом.

Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [4] определено понятие права на получение информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Итак, в пункте 1 статьи 1 вышеуказанного Федерального закона сказано:

«информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления - информация (в том числе документированная), созданная в пределах своих полномочий государственными органами, их территориальными органами, органами местного самоуправления или организациями, подведомственными государственным органам, органам местного самоуправления (далее - подведомственные организации), либо поступившая в указанные органы и организации. К информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления относятся также законы и иные нормативные правовые акты, а к информации о деятельности органов местного самоуправления - муниципальные правовые акты, устанавливающие структуру, полномочия, порядок формирования и деятельности указанных органов и организаций, иная информация, касающаяся их деятельности» [4].

Помимо ранее указанных Федеральных законов «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [5] и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6], нормативно-правовую базу, которая регламентировала рассматриваемое нами право, составляют ряд международных, а также государственных нормативно-правовых документов. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информа-

ции о деятельности судов в Российской Федерации» - также являются нормативными источниками, если не прямо, то косвенно, регулирующими рассматриваемое нами право.

Современное законодательство предоставляет широкие возможности для осуществления права на доступ к информации о деятельности органов власти. Однако их реализация затруднена наличием некоторых обязательных для соблюдения правил и процедур, которые регламентируются большим количеством нормативно-правовых документов.

Что касается противодействия коррупции, то, проанализировав статью 13 Закона о доступе к информации, и в частности положения о том, какая информация должна быть предоставлена в сети Интернет, можно сделать вывод о том, что наличие информации, например, *о вакантных должностях государственной службы, имеющихся в государственном органе, его территориальных органах, о вакантных должностях муниципальной службы, имеющихся в органе местного самоуправления,* на всеобщем обозрении действительно может служить достаточно эффективной антикоррупционной мерой. Как справедливо утверждает в своих трудах ученый-правовед Е.А. Семенов: «тем самым предоставление должностей «своим» людям в органах государственной власти будет затруднительно» [7; 8; 9].

На сегодняшний день в Российской Федерации существует определенная система нормативно-правового обеспечения в области защиты права граждан на доступ к информации. Важно отметить, что она не просто существует, но и работает. Анализ судебной практики позволяет отметить, что за 2017 год в Российской Федерации к уголовной ответственности, за нарушение рассматриваемого нами права, привлечены лица по 5 судебным решениям, из которых 4 по ст.140 Уголовного кодекса Российской Федерации, и 1 судебное решение по ст. 237 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это еще раз доказывает необходимость существования системы защиты права и то, что несмотря вроде бы на небольшое количество уголовных дел, рассмотренных в суде, такие нарушения все же существуют и подлежат уголовному преследованию.

Реализации права на информацию препятствует неоднозначность формулировок целого ряда норм федеральных законов, регламентирующих осуществление данного права. Это наводит на мысль о необходимости продолжения реформирования законодательства, посвященного вопросам получения информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

1. Статья 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 3 апреля 2017 г.) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

3. Семенов Е.А. Современное состояние и перспективы развития суда присяжных в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 2 (71). С. 87-90.

4. Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 9 марта 2016 г.) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

6. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» 2006 [электронный ресурс] URL: https://sudrf.ru (дата обращения 16 ноября 2017 г.).

7. Семенов Е.А., Власов В.В. Как использовать предварительные исследования специалиста до возбуждения дела // Уголовный процесс. 2017. №. 5. С. 84-91.

8. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции : В 2 томах. 2015. С. 228-231.

9. Семенов Е.А. Показания специалиста как доказательства в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 4 (69). С. 85-87.

Ключевые слова: право на информацию, коррупция, деятельность государственных органов, деятельность органов местного самоуправления, доступ к информации.

УДК 343.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Митрофанова Олеся Андреевна,
курсант 301 учебной группы, ФПС,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д.2

Панферов Роман Геннадьевич,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры физической подготовки и спорта,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д.2

В статье рассматриваются вопросы использования виртуальной валюты при осуществлении преступной деятельности. На основе изучения практики, анализа литературы, нормативных правовых актов выявлены проблемы в сфере контроля за оборотом криптовалют, обозначены основные направления совершенствования данной сферы правоохранительной деятельности.

Нормами Конституции РФ определено, что рубль является денежной единицей Российской Федерации, а Центральный Банк России является единственным субъектом осуществляющий эмиссию. Стоит отметить, что введение и эмиссия другой денежной единицы в России не допускается [1].

Но прогресс проявляется во всех сферах деятельности человека, в том числе и финансовой. Технический прогресс неминуемо повлек за собой информатизацию кредитно-финансовой системы, что привело к активному применению современных механизмом осуществления финансовых расчетов. Как следствие в обыденную жизнь вошли инновационные способы осуществления денежных расчетов, например, бесконтактная оплата товаров либо услуг, дистанционное банковского обслуживания и так далее.

Данные изменения имеют и ряд отрицательных черт. Криминогенные элементы на фоне достаточной осведомленности о формах, методах, силах и средствах оперативно-разыскной деятельности, высокого уровня материально-технического и финансового обеспечения при подготовке и совершении преступлений все динамичнее применяет неограниченные возможности сети Интернет [4], используя осо-

бенности его технического построения и функционирования, в том числе по вопросам оборота денежных средств.

Современные технические средства предоставляют возможность анонимизации личности при совершении определённых транзакций в сети Интернет, что предоставляет определенную защиту преступной деятельности от правоохранительных органов.

В частности, уже сегодня приходится констатировать, что оборот криминальных денежных средств (легализация, вывод за рубеж, обналичивание и др.) активно осуществляется посредством конвертации реальной денежной платежной единицы в виртуальную валюту, где ее оборот в силу особенностей технического построения физически лишен контроля со стороны организаций кредитно-банковской сферы и иных заинтересованных лиц.

Наиболее распространённый видом является децентрализованной валюты – криптовалюта представляющая собой основанную на алгоритмических принципах виртуальную валюту с открытым исходным кодом, при использовании которой отсутствует как внешнее, так и внутреннее управление, а следовательно отсутствие как такого контроля и надзора (Bitcoin, LiteCoin, Ripple) со стороны государственных органов или иных третьих лиц [7].Согласно отчету группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (The Financial Action Task Force, далее — FATF) наиболее востребованным видом криптовалюты является Bitcoin, который представляет из себя децентрализованную P2P платежную сеть, обслуживаемую ее пользователями, функционирующую без органов управления и посредников на фоне отсутствия централизованного контроля.

Разумеется, данные явления и их прогрессивное использование требует адекватной реакции со стороны органов государственной власти, в целях урегулирования данной области. На современном этапе отмечается наличие недостатков правового, организационного и тактического характера как в законотворческой и правоприменительной деятельности, которые выражаются в отсутствии механизма регулирования данного явления как такового.

Так, выдвигалась инициатива Министерством финансов Российской Федерации о введение юридической ответственности (административной, уголовной) непосредственно за эмиссию и оборот криптовалюты. В 2014 году был подготовлен законопроект [2], согласно которому предлагалось внести административную ответственность за выпуск (эмиссию) денежных суррогатов (ст. 15.16 КоАП РФ) и оборот денежных суррогатов (ст. 15.16.1 КоАП РФ). Данным законопроектом предусматривалось внесение изменений в Федеральный закон от 27

июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», установив запрет на распространение информации, позволяющей осуществлять выпуск (эмиссию) денежных суррогатов и (или) операции с их использованием. Вопросы введения уголовной ответственности за оборот денежных суррогатов (ст. 187.1 УК РФ) также нашли отражение только лишь на уровне законопроекта[3], который, как и указанные ранее инициативы о введении административной ответственности, не получил законодательного воплощения.

Практика показывает, что наиболее рациональным решением будет являться, не запретительный уклон в разрешении данного вопроса, а прямо пропорциональным, а то есть, воздействие на эффективность и предопределяет принятие определенных контрмер как со стороны разработчиков Bitcoin и подобных криптовалют, так и со стороны иных заинтересованных лиц. Основа данного утверждения не беспочвенна, а сформирована с учетом следующих факторов:

- Bitcoin имеет децентрализованный и наднациональный характер, а это значит, что запретительные действия со стороны одного государства не реализуемы и неэффективны. В данном случае необходима консолидация действий в рамках международного сотрудничества, в том числе по вопросам противодействия транснациональной преступности;

- юридическим лицам, официально зарегистрированным на территории РФ, можно законодательно установить запрет принимать Bitcoin в качестве средства платежа, но при этом практически невозможно запретить его обмен на реальные денежные средства на международных биржах криптовалют либо использовать в качестве средства платежа в иностранных торговых сетях;

- хостинг интернет сайтов, на которых предлагается использование криптовалют, как правило, осуществляется за пределами РФ в зоне действия иностранного правового поля, и, соответственно, невозможно осуществить блокировку подобных сайтов, в том числе в силу использования различных средств анонимизации.

Таким образом, государство не может полностью искоренить эмиссию частных денег, денежных суррогатов, к которым можно отнести и Bitcoin [5], в связи с чем законодательство в подходе к разрешению вопроса о создании системы регулирования оборота Bitcoin должно опираться на результаты мониторинга законодательства иностранных государств по данному вопросу, на внедрение передового положительного опыта в рамках взаимодействия и др.

В решении обозначенной проблемы заслуживает внимания подход БАТЕ [6], в соответствии с которым его государствам — участникам предложено осуществлять регулирование использования виртуальных валют по нижеследующим основным направлениям.

1. Регулирование деятельности центров, в которых осуществляются операции с конвертируемой виртуальной валютой, к числу которых следует отнести биржи и обменники виртуальных валют. В данном случае подразумевается выявление степени риска деятельности организаций, и, исходя из результатов, предполагается либо введение запрета на операции с конвертируемой виртуальной валютой, либо применение имеющихся законных форм и методов противодействия легализации и отмыванию денежных средств, финансированию экстремизма и терроризма. К данным формам и методам следует отнести введение системы регистрации (лицензирования) субъектов, оказывающих услуги по обмену конвертируемой виртуальной валюты на денежные средства, и наоборот; направление сообщений о подозрительных операциях; возложение обязанности по осуществлению сбора информации о клиентах (политика «знай своего клиента») на субъектов, оказывающих услуги по обмену конвертируемых виртуальных валют или других видов организаций, выступающих в качестве центров, в которых деятельность, связанная с виртуальными валютами, пересекается с регулируемой финансовой системой [7].

2. Другим направлением регулирования использования виртуальных валют предлагается создание межведомственных рабочих групп, предназначенных для взаимодействия надзорных и регулирующих органов, подразделений финансовой разведки и правоохранительных органов в первую очередь на международном уровне. Целями консолидации усилий являются выработка и реализация эффективной и сбалансированной политики регулирования обозначенного процесса, создание действенной нормативной правовой основы; обмен опытом; обучение высококвалифицированных специалистов и обмен ими; оказание взаимной правовой помощи; содействие в выявлении, замораживании, аресте и конфискации доходов от средств, используемых для совершения преступлений в форме виртуальной валюты; совместное участие в развитии и совершенствовании технологий по вопросам технического противодействия анонимизации пользователей криптовалют; содействие в экстрадиции лиц за совершение преступлений, связанных с виртуальной валютой; сотрудничество и обмен информацией, касающейся сомнительных операций, особенно в связи с трансграничными операциями с использованием виртуальной валюты, а также ряд других мер, направленных на выявление и сни-

жение потенциальных рисков и угроз для общества и государства, связанных с оборотом виртуальной валюты.

Также важно отметить, что первые шаги в данном направлении предприняты сотрудниками Люксембургского университета [8; 9; 10], которые в проведенном исследовании указали примерные алгоритмы деанонимизации пользователей Bitcoin, осуществлявших транзакции с использованием ресурсов сети TOR посредством проведения DoSatak.

Разумеется, рассматриваемая сфера общественных отношений весьма своеобразна и проблематична, обозначенные недостатки не носят исчерпывающего характера и, несомненно, требуют дальнейшего научного осмысления и дискуссии на различных площадках. Подводя итог, хотелось бы отметить, что состояние деятельности в сфере контроля за оборотом криптовалют не отвечает скрытым угрозам и масштабам их распространения и динамичного внедрения во все сферы общественной жизни. Государству необходимо придать процессу взятия под должный контроль оборота виртуальных валют системный характер, в том числе посредством проведения фундаментальных научных исследований, тесного взаимодействия на международной арене, а также совершенствования правовой основы регулирования данной сферы жизнедеятельности.

3 DoS (от англ. DenialofService - отказ в обслуживании) - хакерская атака на вычислительную систему с целью доведения ее до отказа, т. е. создание таких условий, при которых добросовестные пользователи системы не могут получить доступ к предоставляемым системным ресурсам (серверам) либо этот доступ затруднен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данная сфера общественных отношений имеет специфических характер и в силу своей новизны не нашла еще отражения в нормативно-правовых актах. Именно поэтому стоит уделить особенно внимание на пути урегулирования данной сферы жизнедеятельности, которая продолжает активно развиваться, а вместе с ней и криптопреступность.

---

1. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федерального закона (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.11.2014) // СПС КонсультантПлюс.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федерального закона (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.04.2016) // СПС КонсультантПлюс.

4. Денисов В. В., Яковец Е. Н. Сущность и содержание информационно-аналитического обеспечения полицейской разведки // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41).

5. Крылов О. М. Правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации: монография / отв. ред. С. В. Запольский. М., 2014.

6. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Некоторые особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием электронных платежных единиц // Российский следователь. 2017. № 23. С. 8-10.

7. Булыжкин А.В., Васюков В.Ф. Некоторые аспекты расследования хищений, совершаемых с использованием систем сотовой связи // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 22-28.

8. Баринова О.А. Некоторые результаты экспериментального исследования свойств штрихов реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма // Судебная экспертиза. 2015. № 2 (42). С. 107-119.

9. Баринова О.А., Шведова Н.Н. К вопросу о существующих возможностях установления последовательности выполнения реквизитов документов // В сборнике: Современные проблемы противодействия преступности Всероссийская научно-практическая конференция. 2010. С. 379-386.

10. Прокофьева Е.В., Баринова О.А., Прокофьева О.Ю. Применение метода 3d моделирования при осмотре места совершения кражи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 149-155.

Ключевые слова: виртуальная валюта, денежная единица, криптовалюта, правоохранительная деятельность.

УДК 343.13

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЙСТВИЯМИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В РАМКАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Митрофанова Олеся Андреевна,
курсант 301 учебной группы, ФПС,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д.2

Панферов Роман Геннадьевич,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры физической подготовки и спорта,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д.2

В статье рассматриваются тактические вопросы предварительного расследования преступления. А именно установление перечня обстоятельств, подлежащие установлению при расследовании преступлений, связанных с действиями медицинских работников в рамках профессиональной деятельности. Данный перечень будет определять направленность сил и средств при распределении.

Существует категория преступления в российском уголовном законодательстве особенностью, которой является специальный субъект – профессиональный медицинский работник. К данной категории можно отнести следующие составы преступлений:

ч. 2 ст. 109 УК РФ «причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»;

ч. 2 ст. 118 УК РФ «причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»;

ч. 4 ст. 122 УК РФ «заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»;

ст. 124 УК РФ «неоказание помощи больному» [1].

Так же особенностями данных преступлений является то, что они имеют материальный состав, а то есть требуют наступления общественно опасных последствий, перечень которых исчерпывающий, а также что их субъективная сторона выражена исключительно в виде

неосторожности (небрежности, легкомыслия). Это обстоятельство обусловливает возможность разработки криминалистической методики расследования указанной категории уголовных дел [2].

Основное значение при разработки криминалистических методик расследования преступления имеют обстоятельства, подлежащие установлению, то есть это совокупность включающая в себя: обстоятельства подлежащие доказыванию, а так же те обстоятельства, перечень которых не определен законодателем, но они способствуют доказыванию, в том числе обстоятельства, требующие определения по конкретным категориям дел в зависимости от следственных ситуаций. При расследовании данной категории уголовных преступлений можно обозначить следующие обстоятельства:

1. Событие преступления (что произошло);

2. Повод потерпевшего при обращении за медицинской помощью;

3. Как должен был действовать медицинский работник в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей, какие пункты инструкций или положений были нарушены;

4. Наступившие последствия;

5. Наличие причинно-следственной связи между совершенным медицинским работником общественно-опасным деянием и наступившими общественно-опасными последствиями;

6. Лицо, которое, непосредственно, оказывал медицинскую помощь или обязан был ее оказывать и на основании чего обязан;

7. Является ли виновный медицинским работником, то есть, имеет ли он право на занятие профессиональной медицинской деятельностью, в том числе на оказание медицинской помощи соответствующего вида; обязано ли данное лицо, согласно закону оказывать медицинскую помощь; какое образование имеет виновный; каков медицинский стаж, врачебная категория, специальное звание лица, ненадлежащим образом исполнившим свои профессиональные обязанности либо неоказавшего помощь больному без уважительных причин; какими правовыми нормами, приказами и должностными инструкциями регламентируется его деятельность, какой круг обязанностей и полномочий [3];

8. Наличие вины в форме неосторожности;

9. Потерпевший; характер и размер вреда, причиненного потерпевшему преступлением;

10. Момент обращения за медицинской помощью;

11. Когда виновный ненадлежащим образом исполнил свои профессиональные обязанности либо уклонился от их исполнения; ко-

гда наступил вред здоровью - до начала оказания медицинской помощи, после начала, но до наступления вреда; после выполнения определенного комплекса действий;

12. Место где был причинен вред здоровью;

13. Наличие обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния;

14. Наличие обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание;

15. Наличие обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

16. Наличие обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

При использовании вышеупомянутого списка обстоятельств подлежащих доказыванию по данной категории уголовных дел, следователь на этапе предварительного расследования преступления имеет непосредственную возможность целенаправленно и эффективно использовать силы и средства для изучения события преступления, оценить законность и достаточность собранной информации и принять решение о возбуждении уголовного дела или определить направления поиска недостающей информации [4].

На начальном этапе расследования указанные обстоятельства могут использоваться в целях определения направлений расследования; определения необходимых процессуальных действий и последовательности их производства; принятия правильного решения о привлечении к установленной законом ответственности врачей и лиц среднего медперсонала, по вине которых наступили тяжкие последствия, и, напротив, недопущения необоснованного обвинения медицинских работников в тех случаях, когда вред причинен не вследствие их недобросовестности или небрежности, а ввиду, например особой сложности диагностики заболевания, отсутствия на данный момент научно обоснованных методов лечения или других объективных причин [5]. Наконец, на заключительном этапе указанные обстоятельства могут использоваться при проверке и оценке имеющихся доказательств.

Кроме того, данный перечень обстоятельств может использоваться при осуществлении прокурорского надзора как при проверке законности и обоснованности решений о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела, так и при утверждении обвинительного заключения.

---

1. Флоря Д.Ф. Проблемы проведения отдельных следственных действий органами дознания // Научный вестник Орловского юриди-

ческого института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 2 (67). С. 102-104.

2. Васюков В.Ф., Семенов Е.А. Правовая основа применения технических средств при производстве следственных процессуальных действий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 135-139.

3. Панферов Р.Г Особенности первоначального этапа расследования контрабанды наркотических средств, перемещаемых в международных почтовых отправлениях: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12 /Роман Геннадьевич Панферов. М., 2015. -222 с.

4. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 294-298.

5. Панферов Р.Г., Шурухнов Н.Г. Сведения о способах совершения контрабанды наркотиков, перемещаемых в международных почтовых отправлениях // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 10 июня 2014 г.). М., 2014. С. 129-136.

Ключевые слова: расследование преступлений, предмет доказывания, преступления, профессиональная медицинская деятельность, медицинская деятельность.

УДК 343.13

ПИСЬМЕННОЕ УКАЗАНИЕ ПРОКУРОРА О НАПРАВЛЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

Митькова Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье анализируется полномочие прокурора по даче дознавателю письменного указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий в совокупности с правом прокурора знакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела. Автором ставится вопрос о природе данного полномочия: реа-

лизуется ли оно в рамках осуществления надзорной функции прокурора или функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве.

Российское уголовно-процессуальное законодательство выделяет две функции прокурора в досудебном производстве - уголовное преследование от имени государства в ходе уголовного судопроизводства и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия[1].

Полномочия прокурора, перечисленные в ст. 37 УПК РФ, не дают четкого представления, для реализации которой из двух функций они предназначены, что обусловливает дискуссии по соотношению полномочий и функций прокурора в уголовно-процессуальной теории.

Рассмотрим одно из спорных, на наш взгляд, полномочий прокурора в системе действующего правового регулирования, касающихся дачи дознавателю письменных указаний о направлении расследования и производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Данное полномочие конкретизировано в п. 12 приказа Генпрокуратуры РФ от 26.01.2017 г. № 33 [2] закреплением возможности давать письменные указания дознавателям о направлении расследования, получении и надлежащей фиксации доказательств, производстве неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления, иных необходимых процессуальных действий, в том числе на этапе проверки сообщений о преступлениях в порядке статей 144 - 145 УПК РФ.

На этот счет есть мнение И.А. Дубины, что прокурор, возглавляя сторону обвинения, отменяя незаконные и необоснованные постановления дознавателя, давая ему указания, направляемые на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, реализует предоставленные ему законом полномочия, тем самым непосредственно осуществляет уголовное преследование указанных лиц [3].

На самом деле, представляется, что данное право прокурора вытекает из функции уголовного преследования, однако оно предполагает опосредованное воздействие через дознавателя на уголовно-процессуальную деятельность органа дознания, так как прокурор лично не проводит следственных и иных процессуальных действий в ходе

[1] В уголовно-процессуальной литературе весьма распространена концепция полифункциональной системы деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве [1].

расследования. Это дает основание ряду авторов утверждать, что «…позиции прокурора по осуществлению уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования значительно ослабли» [4].

Полномочие по даче письменных указаний о направлении расследования тесно взаимосвязано с правом прокурора знакомиться с материалами находящегося в производстве у органов предварительного расследования уголовного дела на основании мотивированного запроса, которое было восстановлено в 2008 г. введением ч. 2.1. в ст. 37 УПК РФ [5]. Многие авторы критически относятся к требованию мотивированности запроса [6; 7]. Однако изучение правоприменительной практики показало парадоксальное положение, при котором прокурор вообще не утруждает себя направлением указанного запроса: все уголовные дела в обязательном порядке предоставляются прокурору на основании устного запроса и сопроводительного письма начальника подразделения дознания или начальника органа дознания. В лучшем случае составляются запросы о предоставлении уголовных дел в произвольной форме без какой-либо мотивировки, кроме как общей фразы «с целью проверки законности». Проверке, как правило, подвергаются практически все уголовные дела, как на стадии предварительного расследования, так и после приостановления дознания, и, безусловно, при поступлении уголовного дела прокурору с обвинительным актом (постановлением).

Бесспорно, ознакомление с материалами уголовного дела является важным инструментом обеспечения законности предварительного расследования, без которого невозможна дальнейшая надзорная деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве. В то же время, полагаем, опять же учитывая относительную несложность категории уголовных дел, находящихся в производстве дознавателя, что такое повсеместное изучение уголовных дел ставит не только дознавателя в положение лишенного самостоятельности субъекта уголовно-процессуальных отношений, но и фактически затягивает сроки дознания. Дознание теряет свойство упрощенности и быстроты. Кроме того, прокурор, превращаясь в непосредственного руководителя дознавателя, растрачивает свои силы и время, свой «надзорный потенциал» на уголовные дела, которые не представляют никакой сложности в доказывании в ущерб надзору за расследованием более сложных уголовных дел.

Анализ материалов уголовных дел, находящихся в производстве органов дознания системы МВД России, показал, что письменные указания прокурора давались по 76 % от общего количества изучен-

ных дел. Указания содержатся в решениях прокурора об отмене постановления дознавателя о приостановлении дознания, об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, в требовании об устранении нарушений федерального законодательства либо непосредственно в письменных указаниях по уголовному делу, данных прокурором дознавателю в порядке п. 4 ч. 1 ст. 37 УПК РФ.

Особый интерес с нашей точки зрения представляет смысловое содержание указаний. В подавляющем большинстве - это указания о проведении организационных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, выполнение которых обязательно запланировано по каждому уголовному делу и, как правило, отражено лицом, ведущим расследование, в плане.

Так, в основном (91% изученных указаний) это: требование о составлении плана совместных следственных и оперативно-розыскных мероприятий по уголовному делу, производстве процессуальных действий (признание потерпевшим, допрос потерпевшего, свидетеля, назначение судебных экспертиз, направление поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий и т.д.) Примечательно, что все изученные указания даны за 7-10 суток до истечения срока дознания, то есть до обозначенного времени дознавателем по большинству рассмотренных дел не произведено ни одного следственного действия (кроме осмотра места происшествия) и не направлено ни одного поручения органу дознания. Это свидетельствует о крайне низком качестве расследования, а также неэффективном ведомственном контроле начальника подразделения дознания и начальника органа дознания.

Так, по уголовному делу № 0…..4, возбужденному 01.01.2013 года по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, находящемуся в производстве ОП № 1 Управления МВД России по городу В., заместителем прокурора Т-ского района города 24.01.2013 года даны письменные указания «для организации дознания в порядке ст. 37 УПК РФ» начальнику отделения дознания ОП № 1: о признании потерпевшей Д. и производстве допроса потерпевшей, о допросе Ч. (процессуальный статус лица не указан), выполнении иных следственных действий, направленных на полное, объективное и всестороннее расследование.

Непонятно, во-первых, почему указания даны начальнику подразделения дознания, а не дознавателю, во-вторых, их содержание ставит под сомнение значение процессуальной фигуры начальника подразделения дознания. Если прокурор дает указание о допросе потерпевшего за 7 суток до истечения срока дознания, то возникает за-

кономерный вопрос, почему начальник подразделения дознания не осуществлял контроль за своевременностью производства необходимых следственных действий на всех этапах расследования, пользуясь предоставленными полномочиями согласно п. 1, 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ?

Мы полагаем, что не в силу загруженности, потому как по изученным нами уголовным делам указания начальника подразделения встречаются гораздо реже, чем указания прокурора и начальника органа дознания. Начальник подразделения дознания выступает лишь «посредником» между прокурором и дознавателем, предоставляя уголовные дела для ознакомления и выполняя организационные функции. По нашему мнению, именно по причине повсеместного прокурорского контроля, он самоустраняется от выполнения своих обязанностей, всецело полагаясь на руководство прокурора. Кроме того, понимая обязательность исполнения указаний, начальник подразделения дознания сознает абсолютную бессмысленность своих возражений. 79 % опрошенных нами названных должностных лиц заявили, что никогда не обжаловали указания прокурора, при том, что 89 % опрошенных признались, что нередко были с ними несогласными. Практика обжалования указаний прокурора составляет единичные случаи.

Законодатель, наконец, позитивно воспринял результаты исследований многих ученых-процессуалистов [8; 9; 10], рассматривающих проблематику дознания, и уделил фигуре начальника органа дознания отдельную статью - 40.2 УПК РФ. В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий.

Таким образом, дознаватель является единственным субъектом уголовно-процессуальных отношений, на которого возложена обязанность исполнения указаний сразу трех субъектов контрольно-надзорной деятельности. Подобная трехступенчатая система контроля с дублированием процессуальных полномочий не может способствовать обеспечению законности, быстроты, объективности и всесторонности дознания.

Проблемы качества дознания необходимо решать, по нашему мнению, усилением средств ведомственного контроля и, соответственно, приведения в баланс всей системы контрольно-надзорной деятельности.

Полагаем, процессуальный статус прокурора как «главного участника» со стороны обвинения и специфика его положения как надзорного органа не должны подразумевать подобный детальный кон-

троль за каждым уголовным делом (дача шаблонных, формальных указаний) и нивелирует роль такого участника уголовного процесса, как начальник подразделения дознания.

Направление расследования, письменные указания о производстве различных процессуальных действий и принятии процессуальных решений (о прекращении уголовного дела, избрании меры пресечения, применении мер процессуального принуждения к подозреваемому и т.п.) предполагают реализацию прокурором функции уголовного преследования, что противоречит сущности роли прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Возникает так называемый «надзор за собой» [11], когда в правовом статусе одного участника уголовного судопроизводства сосредоточены полномочия по уголовному преследованию и надзору за ним. Когда на разные органы возлагаются одни и те же задачи, ответственность «размывается», и вместо усиления гарантий можно получить обратный результат [12].

Поэтому, по нашему мнению, полномочие по даче письменных указаний в порядке п. 4 ч. 1 ст. 37 УПК РФ следует изъять из полномочий прокурора и сохранить их у начальника подразделения дознания, в связи с чем данная норма подлежит соответствующей корректировке.

---

1. Климова Я.А. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства: понятие и классификация // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3. С. 94.

2. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генпрокуратуры РФ от 26.01.2017 № 33. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

3. Дубина И.А Задачи досудебного уголовного производства и роль прокурора в их достижении: дис…канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 107.

4. Гринюк Е.Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам : моногр. / Е.Н. Гринюк, Е.А. Зайцева. Волгоград : ВА МВД России, 2013. С. 45.

5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от 30.12.2015 № 440-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- прав. системы «КонсультантПлюс».

6. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе. Самара. Изд. Самарский университет. 2010. С. 37.

7. Спирин А.В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: вопросы теории, практики, законодательного регулирования: автореф. дис…канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2014. С. 20.

8. Митькова Ю.С. К вопросу о процессуальных полномочиях начальника подразделения дознания // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4. С. 96.

9. Науменко О.А. Прокурорский надзор как гарантия прав личности при производстве дознания // Общество и право. 2013. № 4 (46). С. 193, 194.

10. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 177.

11. Якимович Ю.К. Избранные труды. СПб., 2011. С. 487.

12. Барабаш А.С. Прокурорский надзор за предварительным следствием: возвращение к основам [Электронный ресурс] // Законность. 2011. № 4. С. 37. Доступ из справ.- прав. системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: дознание, уголовное преследование, полномочия прокурора, письменные указания прокурора, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания.

УДК 343.13

О РАЗВИТИИ, РЕАЛИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Мишенина Алла Александровна,
заведующий кафедрой уголовного процесса четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»,
603104, г. Н.Новгород, ул. Краснозвездная, д. 5

Родионова Юлия Викторовна
доцент кафедры уголовного процесса четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат политических наук,
603104, г. Н.Новгород, ул. Краснозвездная, д. 5

В статье авторы описывают тенденции развития уголовно-процессуальных норм, отдельные аспекты гарантий реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса, их защиты.

На настоящий момент пятнадцать лет в России действует Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ), принятый в ноябре 2001 года и вступивший в действие с 1 июля 2002 года [1]. Новый кодифицированный закон, регламентирующий уголовное судопроизводство, включил в себя ряд новых положений, явившихся продолжением норм международного законодательства.

Как справедливо отмечено, международное право является одним из стратегических ориентиров законотворчества в Российской Федерации. Изменения законодательных актов России в соответствии с международными стандартами является закономерной тенденцией и одной из главных черт правового государства [2].

Что положительного приобрела система уголовного судопроизводства с введением уголовно-процессуального процессуального закона Российской Федерации, получили ли реализацию его новеллы, и имеются ли на сегодняшний день результаты, которыми можно гордится? Попытаемся проанализировать некоторые результаты.

В статье 9 УПК РФ законодатель закрепил принцип уважения чести и достоинства личности. Согласно этому принципу, в ходе уголовного судопроизводства запрещаются осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья. Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Отдельного внимания заслуживает принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статье 11 УПК РФ), согласно которому суд и представители стороны обвинения обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Позднее законодатель закрепил эту обязанность по отношению к лицам, не являющихся участниками уголовного процесса, но в отношении которых осуществляется процессуальная деятельность, затрагивающая его права и интересы (статьи 49,119, 144 УПК РФ).

Одним из важнейших принципов, введенных законодателем явился принцип состязательности, выделяющий стороны обвинения и защиты.

Согласно статье 15 УПК РФ уголовное судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности сторон. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Суд же создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Участники со стороны обвинения, со стороны защиты, а также иные участники уголовного судопроизводства выделены законодателем в отдельные главы. За каждым участником закреплены полномочия [3].

Уголовно-процессуальным законом установлен принцип свободы оценки доказательств (статья 17 УПК РФ), согласно судья, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся собранных ранее доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Участникам уголовного судопроизводства одновременно предоставлено право собирать и представлять письменные документы

и предметы для приобщения их в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ).

Гарантией реализации прав участников уголовного процесса послужила Глава 16 УПК РФ, посвященная обжалованию действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Особо оговорен порядок судебного контроля за действиями (бездействием) и решениями должностных лиц при осуществлении уголовного судопроизводства в случае, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников процесса (ст. 125 УПК). Положения этой нормы в дальнейшем получили свой развитие в ст. 125^1 УПК РФ.

Введя данные нормы, определяя механизм защиты каждого конкретного участника процесса, законодатель максимально обеспечил возможности каждого участника процесса по защите их прав и законных интересов в уголовном процессе.

Как известно, уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания является основной задачей органов предварительного расследования и суда.

Ошибки следствия и суда могут быть как результатом злоупотребления со стороны должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, так и их непрофессионализма. Необоснованное привлечение лица к уголовной ответственности приносит лицу и его близким нравственные и физические страдания, которые должны быть компенсированы государством в виде возмещения вреда, причиненного незаконными или необоснованными действиями правоохранительных либо судебных органов.

Новеллой стало законодательное закрепление возможности возмещения вреда, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование (п. 4 ст.11 УПК РФ).

Впервые в Уголовно-процессуальном кодексе было введено понятие реабилитация – то есть порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причиненного ему вреда (п.34 ст. 5 УПК РФ).

Механизм восстановления нарушенных прав был прописан в отдельной Главе 18, которая регламентировала реализацию гарантированного Конституцией РФ права на реабилитацию лица, незаконно (необоснованно) подвергнутого уголовному преследованию.

Законодатель предоставил возможность восстановления в нарушенных правах не только участникам уголовного судопроизводства – подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, осужденному и оправданному, но и иным лицам, права которых могли быть нарушены (к примеру, юридическому лицо, которому причинен вред незаконными действиями (бездействием) и решениями), а также в случае смерти реабилитированного – его родственникам.

В соответствии с п. 3^1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, возмещение имущественного вреда отнесено к исключительной компетенции суда.

Только суд, согласно требования ст. 29 УПК РФ, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения по ряду вопросов, возникающих у следователя на стадии предварительного следствия: об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога; о наложении ареста на имущество, установлении и продлении срока ареста, наложенного на имущество; о контроле и записи телефонных и иных переговоров; получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также давать разрешение на производство отдельных следственных и иных процессуальных действий, затрагивавших конституционные права граждан.

Изложенное свидетельствовало о стремлении законодателя укрепить судебный контроль за действиями (бездействием), решениями должностных лиц, осуществляющих досудебное производство и реализовать закрепленные законом гарантии участников процесса. Это обеспечивает широту их возможностей на защиту прав и законных интересов, защиту от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод и назначение виновному справедливого наказания в рамках разумного срока уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что в течение нескольких последних лет наблюдается дальнейшая тенденция к усовершенствованию уголовно-процессуального закона и его применения:

- расширены возможности участия защитника в уголовном процессе до начала уголовного преследования с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении (ст.47, 144 УПК РФ);

- более подробно регламентированы права потерпевшего и его представителя (ст.42, 45, 198 УПК РФ);

- повышены требования к проведению следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних (ст. 45, 191, 196 УПК РФ).

Это одни из немногих положительных нововведений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Они получили свое развитие при применении их в практической деятельности.

Подводя итоги размышления о развитии уголовно-процессуальных норм в период с 2002 года по настоящее время, следует сказать, что действующая система уголовного судопроизводства оправдывает свое существование наличием положений, обеспечивающих права и законные интересы всех участников уголовного процесса в установленные законом сроки, модернизируется, что заслуживает исключительно позитивных оценок.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ

1. Гущев М.Е. Изменение законодательства России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2006/ 32 с.

2. Хитрова О.В. О понятии «сторона» в состязательном уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 23-27.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные нормы, международное законодательство, участники уголовного процесса, модернизация законодательства, обеспечение гарантий.

УДК 343.1

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Морозова Наталия Владимировна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматривается перечень обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Преступность несовершеннолетних - одна из наиболее значимых проблем современного общества, которая имеет социологические, психологические и юридические основы.

Отмечается, что производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц представляет собой особую процессуальную форму, обусловленную наличием ряда признаков, выделяющих подростков в особую специфичную группу субъектов правоотношений. К таким признакам относится возраст, физиологическое и психическое развитие и т.д. Когда в сферу уголовного судопроизводства попадают несовершеннолетние, автоматически встает вопрос о повышенной степени защиты данных участников процесса [1].

Одной из сложных задач на стадии предварительного расследования по уголовным делам в отношении подростков, совершивших преступления является точное установление и выяснение всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам, совершенных несовершеннолетним лицом. Именно этому вопросу и будет посвящена данная статья.

Порядок производства по делам о преступлениях несовершеннолетних определяется общими правилами производства по уголовным делам, а также дополнительными нормами, изложенными в гл. 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних». В этой главе содержатся нормы, которыми предусмотрено повышение защищенности прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве.

Законодательством РФ предусмотрены специальные нормы, устанавливающие особенности производства по делам в отношении уголовных дел, совершенных несовершеннолетними, а именно:

– дополнение предмета доказывания по уголовному делу;

– обязательное участие защитника;

– участие в судебном разбирательстве законного представителя несовершеннолетнего подсудимого;

– выделение дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство при наличии в нем взрослых участников;

– решения судом дополнительных вопросов при постановлении приговора;

– возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия вместо уголовного наказания;

– порядок задержания и заключения под стражу в качестве меры пресечения в отношении несовершеннолетнего;

– участие педагога или врача, родителей или иных законных представителей в допросе несовершеннолетнего обвиняемого;

– удаление несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания во время исследования обстоятельств, которые могут на него повлиять негативно и прочее.

В уголовном деле должны быть в наличии данные о состоянии здоровья и общем развитии несовершеннолетнего, в связи с чем в ходе расследования уголовного дела следователь принимает меры к установлению состояния здоровья несовершеннолетнего обвиняемого. По этим основаниям доказыванию подлежат наличие у несовершеннолетнего:

– соматических заболеваний, связанных с общим состоянием здоровья;

– психических отклонений, не связанных с душевной болезнью [2].

Наличие у несовершеннолетних соматических заболеваний следует учитывать в процессе досудебного расследования по уголовным делам. Это позволит следователю правильно решить ряд вопросов, а именно об избрании в отношении подростка меры пресечения. Наличие этих заболеваний устанавливается допросом родителей, учителей, а также врачей-педиатров, в которых подросток находился на лечении или учете. К делу следует приобщать также медицинские документы, подтверждающие наличие у несовершеннолетнего тех или иных расстройств здоровья. Установлению подлежат и психологические особенности личности несовершеннолетнего.

Для выяснения состояния интеллектуального развития несовершеннолетнего и уровня его умственной отсталости, установления, мог ли он на самом деле осознавать значение своих действий, предвидеть их последствия, мог ли и в какой степени ими управлять, может быть проведена судебно-психиатрическая экспертиза.

Значительный интерес в процессе доказывания по делам о преступлениях несовершеннолетних вызывает характеристика поведения несовершеннолетнего в определенный период времени.

Для характеристики личности несовершеннолетнего необходимо собрать данные о том, где он учился или работал, как относился к учебе и труду, выяснить его поведение в учебном заведении и по месту жительства.

В материалах дела должны содержаться сведения о пребывании несовершеннолетнего на учете в соответствующих службах, отделе участковых уполномоченных полиции по делам несовершеннолетних или о его привлечении к уголовной или административной ответственности и о применении мер воспитательного воздействия.

Если несовершеннолетний ранее был осужден и отбывал наказание в местах лишения свободы, необходимо потребовать от администрации учреждений отбывания наказания его характеристику.

В таком случае к материалам уголовных дел приобщаются копии приговоров, а также иных материалов, имеющих значение для разрешения текущего уголовного дела [3].

При допросе родителей выясняются условия жизни и воспитания несовершеннолетнего в семье (необходимо выяснить, как родители воспитывали ребенка, виноваты они в том, что их ребенок совершил преступление).

При допросе педагогов, воспитателей, руководителей и других лиц исследуются условия воспитания по месту учебы или работы, роль школьного и производственного коллектива, педагогов, руководителей предприятий, учреждений, руководителей, общественных организаций в создании этих условий, бытовое окружение и связи подростка. Если подросток не учился и не работал, выясняются причины этого, а также меры, которые принимались для его возвращения в школу или на работу.

Допросы в качестве свидетелей соседей по дому, лиц, общавшихся с обвиняемым по месту жительства, часто позволяют определить истинное положение в семье подростка, установить конкретных лиц, которые негативно влияют на него (употребление спиртных изделий, наркотических средств и др.) [4]. Сверстники несовершеннолетнего часто знают то, что неизвестно ни родителям, ни педагогам,

ни другим взрослым, например, интересы, увлечения, идеалы подростка.

Особое внимание следует уделять установлению наличия взрослых, вовлекающих подростков в преступную деятельность, азартные игры, вымогательство, аморальные религиозные секты и т.п. Необходимо выяснить, не было ли со стороны взрослых подстрекательства в совершении преступления; выявлять и привлекать к ответственности подстрекателей, организаторов и других соучастников преступления. Анализируя эмоциональные связи тандема взрослый - подросток, необходимо индивидуализировать роль каждого из участников, тщательно изучить их индивидуально-психологические характеристики [5].

Это обеспечит установление действительной роли несовершеннолетнего в совершении преступления, правильную оценку его деяния.

При выявлении фактов употребления подростками спиртных напитков или наркотических средств необходимо установить: где, как, за счет каких средств они приобретены, не было ли в этом случае вовлечения несовершеннолетнего в пьянство, привлечения к наркомании и т.д.

В ходе расследования уголовного дела в отношении несовершеннолетнего следует учитывать такую процессуальную особенность: если подросток участвовал в совершении преступления вместе со взрослым лицом, в каждом случае должна быть выяснена возможность выделения дела в отношении него в отдельное производство. Выделение такого дела может иметь место тогда, когда это не повлияет на всесторонность, полноту, объективность расследования и рассмотрения в суде, например, когда действия подростка квалифицируются как заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного взрослым.

Таким образом, обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о преступлениях несовершеннолетних, представляют собой сложную систему взаимосвязанных, дополняющих друг друга обстоятельств, требующих полного и всестороннего исследования, со стороны, следователя, прокурора и суда.

---

1. Чаплыгина В.Н. Проблемные аспекты осуществления представительства несовершеннолетних в системе уголовного судопроизводства // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы международной научно-практической конференции / под ред. С.К. Бурякова. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. С. 120-123.

2. Гарифуллина А. Х. Доказывание по уголовному делу. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – С. 36.

3. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. / Под ред. проф. А.И. Чучаева. М.: НИЦ Инфра-М: КОНТРАКТ, 2012. С. 122.

4. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 80-84.

5. Морозова Н.В. Вопросы участия психолога в расследовании преступлений, совершенных организованными группами // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 3 (72). С. 63-65.

Ключевые слова: несовершеннолетние, обстоятельства, расследование.

УДК 343.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

Морозова Наталия Владимировна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

В статье рассматриваются некоторые тактические и психологические аспекты проведения таких следственных действий как обыск и выемка.

Несмотря на наметившуюся тенденцию к снижению совершаемых преступлений в России (2015 год – зарегистрировано 2 388 476 преступлений, 2016 год – зарегистрировано 2 160 063 преступлений, январь-ноябрь 2017 год – зарегистрировано 1 920 819 преступлений) [1], криминогенная ситуация вызывает серьезные опасения.

Значимую роль при расследовании преступлений играют такие следственные действия как обыск и выемка, в процессе которых собираются необходимые доказательства. Целью указанных следственных действий является обнаружение и изъятие орудий преступления, а также документов, предметов имеющих значение для уголовного дела.

Производство обыска и выемки четко регламентировано статьями Уголовно-процессуального кодекса. Выступая в качестве эффективных приемов расследования эти следственные действия, носят принудительный характер, ограничивая некоторые конституционные права граждан, такие как право на частную жизнь и на неприкосновенность жилища. Строгое соблюдение закона при проведении обыска и выемки обеспечивает не только эффективность перечисленных следственных действий, но и допустимость доказательств собранных в процессе их проведения [2]. Но, исходя из практики, обыск и выемка не всегда получают достаточное применение в процессе расследования уголовного дела, а будучи примененными, зачастую не достигают поставленных целей. Причины тому не только трудоемкость этих следственных действий, но и упрощенные представления следователя об их сути и порядке проведения. Вследствие чего у некоторых следователей появляется формализм, нежелание соблюдать рекомендации по применению криминалистических и психологических приемов.

Как при проведении обыска, так и при осуществлении выемки следователь должен действовать, используя не только тактические, но и психологические приемы. Так как в большинстве случаев добровольная выдача искомого происходит в ответ на правильно осуществленные первоначальные поисковые действия, а не в связи с предложением следователя о добровольной выдаче.

Психологическая направленность деятельности следователя при обыске состоит в поиске специально скрываемых материальных объектов, имеющих доказательственное значение в условиях контактного взаимодействия противоборствующих сторон [3].

Перед проведением обыска или выемки необходимо собрать информацию не только о предметах отыскания и возможных местах их сокрытия, но и об индивидуальных особенностях обыскиваемого лица. Эти сведения позволят выстроить правильную тактику и подобрать нужные психологические приемы, кроме того организовать и осуществить прибытие на место проведения следственного действия и проникновение в обыскиваемое помещение. До производства обыска в жилище должны быть получены и проанализированы следующие сведения:

– о психологическом облике обыскиваемого и членов его семьи, особенно о степени их самообладания;

– об уровне культуры обыскиваемого и членов его семьи, интересах, привычках;

– о профессиях как основных, так и дополнительных, о хобби;

– об образе жизни и распорядке дня;

– о том, кому из близких обыскиваемый больше доверяет, кто, кроме него, может знать о наличии тайников.

Психология поиска включает в себя две противоположные формы деятельности:

1. Работа следователя по поиску и обнаружению объектов, имеющих значение для дела;

2. Действия обыскиваемого, направленные на воспрепятствование обнаружению этих объектов.

При проведении обыска или выемки следователь должен придерживаться определенной линии поведения, так как в значительной степени от этого будет зависеть итог следственного действия. Он должен быть бесстрастным, не поддаваться провокациям и спокойно реагировать на все действия обыскиваемого. В сочетании с методичностью поиска такое поведение создает атмосферу неотвратимости положительных результатов обыска.

В целях обеспечения наибольшей сосредоточенности сознания на поисковой деятельности следователь должен придерживаться определенных правил:

1. Не приступать к обыску уставшим;

2. Не допускать конфликтов с обыскиваемым лицом, избегая другой крайности - панибратства;

3. Устранить все отвлекающие факторы (ненужное хождение, посторонние разговоры и т. д.).

4. Приступать к осмотру нового объекта лишь после полного обследования предыдущего, при этом действовать последовательно, в рамках намеченной системы;

5. При появлении признаков усталости делать перерывы для отдыха.

При длительном и сложном обыске, особенно важно помнить о необходимости в коротких перерывах, так как для достижения положительных результатов поисковых мероприятий следователю необходимо применять наблюдательность, концентрацию внимания и даже в некоторой степени интуицию.

Отмечается, что при обыске позиции сторон не равнозначны, следователь помимо властных полномочий обладает профессиональ-

ными знаниями и навыками. Обыскиваемое же лицо, стремясь избежать возможности обнаружения изобличающих его предметов и документов, чаще всего находится в стрессовой ситуации. Это вызывает у него состояние повышенной психической напряженности.

Зачастую обыск проводится в условиях конфликтной ситуации, когда обыскиваемый всячески пытается оказать противодействие следователю, стремясь вывести его из психологического равновесия, либо уничтожить предметы подлежащие изъятию. Следователь должен принимать адекватные меры, что зачастую влечет за собой жалобы на его действия. В ряде случаев для снятия конфликтных отношений в процессе обыска можно применить метод воздействия как внушение в форме приказа, или же попытаться разъяснить цели и необходимости проведения данного действия [4]. Обыск в условиях бесконфликтной ситуации, характеризуется нейтральными отношениями между сторонами. Обычно такие ситуации складываются при производстве обыска у лиц, не причастных к совершению преступления и не связанных с подозреваемыми или обвиняемыми. В данном случае основной задачей обыскивающего является предупреждение возникновения конфликта.

Одним из главных психологических приемов при проведении обыска является наблюдение. Осуществлять его следует либо самому следователю, либо одному из более опытных членов группы обыска. Наблюдение следует вести постоянно, но достаточно скрытно, при этом акцентируя внимание на поведении и эмоциональных реакциях лиц, находящихся в обыскиваемом помещении. Главная задача этого метода состоит в том, чтобы уловить резкие переходы от одного психологического состояния к другому и с учетом этого уточнить то место, приближение к которому вызывает тревогу обыскиваемого.

Практикой отмечено, что при приближении к тайнику у лиц, знающих о нем, наблюдается определенная реакция, которая во многом зависит от характера субъекта и типа его нервной системы. В одних случаях становится заметна некоторая скованность движений, появляется бледность, краснота, выступает пот. В других человек начинает трясти ногой, постукивать каблуком/носком обуви по полу, пальцами руки по столу, неотрывно смотреть в одну точку, находящуюся в стороне от тайника. Но при этом не стоит забывать о возможность симуляции тревоги с целью привлечь внимание следователя к участку, где ничего не спрятано. Такая тактика выбирается с целью утомить следственную группу и создать у них мнение об отсутствии тайников. Достаточно часто обыскиваемые пытаются отвлечь внимание следователя, сбить с «маршрута» поиска. Подобные стремления

могут реализовываться посредством внезапно возникающих вопросов к следственной группе, отвлекающих разговоров, анекдотов.

Следующим тактико-психологическим методом является метод «словесной разведки». Он представляет собой беседу. Перед тем как начать обследование какого-либо нового объекта, следователь интересуется у обыскиваемого, что там находится, и наблюдает за его реакцией.

Также, помимо указанных, применяется метод так называемого испытания, когда следователь через определенное время возвращается к обследованному ранее объекту, осмотр которого совпал с проявлением непроизвольных реакций у обыскиваемого.

Интересен тот факт, что выбирая способ и место создания тайника, прячущий опирается на разные оборонительные принципы, «концепции», пытается моделировать поисковую деятельность следователя. Одни, учитывая установку обыскивающего лица на трудный и изобретательный поиск, оставляют скрываемую вещь на виду, применяя так называемую мнимую маскировку. Другие, наоборот, в расчете на стеснительность, брезгливость или иные качества следователя для сокрытия искомых предметов выбирают места вызывающие резко отрицательные эмоции (грязное белье, помойное ведро). Поэтому для достижения успеха поисковых мероприятий решающим фактором может оказаться целеустремленность и волевое поведение следователя. Не следует рассчитывать на быстрый успех и ни в коем случае не нужно опускать руки при первых неудачах. Бывает, что обнаружить искомые предметы удается лишь в самый последний момент. Важно до конца всего следственного действия сохранять «творческий подъем». Потеряв уверенность в успехе, поиск производится поверхностно, без энергии, формально.

По сравнению с обыском, в психологическом аспекте, выемка также носит поисковый характер, но в меньшей степени. Поэтому психология этих следственных действий отчасти совпадает. Однако, исходя из процессуальных особенностей, выемка имеет свои специфические психологические характеристики: совсем иную психологическую окраску и возможные конфликтные ситуации.

Результат выемки во многом зависит от контакта следователя с лицом, у которого производится выемка. Если при производстве данного следственного действия предметы или документы выдаются добровольно, то выемка завершается их изъятием. В случае если лицо отказывается добровольно их выдавать, усилия следователя должны быть направлены на предотвращение дальнейшего развития конфликтной ситуации, а так же на принятие мер к последующему произ-

водству выемки [5, 6]. Для правильного применения методов психологического воздействия необходимо определить причину отрицательного отношения данного лица к требованию о добровольной выдаче. Иногда поводом отказа может являться чувство боязни за разглашение обстоятельств личной жизни, нежеланием доставить неприятность родственнику, знакомому, коллеге. Для разрешения подобной конфликтной ситуации необходимо акцентировать внимание данного лица на то, что все участвующие и присутствующие при выемке, предупреждаются об ответственности за разглашение обстоятельств личной жизни, ставших им известными в ходе проведения следственного действия. Помимо этого, необходимо указать на то, что выемка может быть произведена принудительно.

Успех обыска или выемки зависит не только от профессиональных качеств следователя, но и от его гибкости, выдержки, настойчивости, самообладания, способности к длительному напряжению при преодолении трудностей, уровня интеллектуального развития и психологической подготовки.

---

1. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности за 2015, 2016, январь-ноябрь 2017 года. [Электронный ресурс] // URL: https://mvd.ru/folder/101762.

2. Обеспечение прав человека: учебник / под общ. ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 430.

3. Васильев В. Л. Юридическая психология. Учебное пособие. – М. : 1991. С.50.

4. Бадиков Д.А. Проблемные вопросы проведения процессуальных и следственных действий при расследовании уголовных дел. Право и образование. 2017. № 6. С. 96-103.

5. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 80-84.

6. Булыжкин А.В., Васюков В.Ф. Некоторые аспекты расследования хищений, совершаемых с использованием систем сотовой связи // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 22-28.

Ключевые слова: обыск, выемка, психология, приемы.

УДК 343.98

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКА ДАВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Муллахметова Наталья Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Смоленский филиал Саратовской государственной
юридической академии,
214012, г. Смоленск, ул. Ударников, д. 3

Автор анализирует порядок прекращения уголовного дела с позиции обеспечения прав и законных интересов потерпевших. В частности, отмечается, что во многих случаях нарушается право потерпевшего на возмещение причиненного преступлением вреда и на судопроизводство в разумный срок.

Ст. 78 Уголовного кодекса и ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусматривают такое основание для освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела как истечение срока давности уголовного преследования. Нормативные положения данного института неоднократно становились предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, который сформулировал ряд концептуальных позиций, с учетом которых должен действовать правоприменитель (см., например, Постановление Конституционного Суда РФ в от 28 октября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова», Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 488-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинградского областного суда о проверке конституционности статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации»). В частности, подчеркивалось, что прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, не влечет официальной констатации судом от имени государства виновности или невиновности лица в инкриминируемом ему преступлении и не подменяет собой приговор суда.

Для прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности требуется согласие обвиняемого, поскольку данное основание относится к числу нереабилитирующих, и обвиняемый вправе настаивать на продолжении расследования и рассмотрении дела в су-

дебном порядке. Но мнение потерпевшего при этом не выясняется и не является решающим для принятия процессуального решения. Конечно, потерпевший не лишен возможности привести доводы относительно правильности исчисления срока давности с учетом фактов уклонения подозреваемого или обвиняемого от следствия и суда, но его согласия на прекращение дела не требуется.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2016 году в связи с истечением сроков давности уголовного преследования только судами прекращены дела в отношении 2325 лиц, из них в 180 случаях – по тяжким и особо тяжким преступлениям [1]. Значительное число дел прекращаются по этому основанию и на досудебных стадиях.

В научной литературе можно встретить разные точки зрения относительно целесообразности применения сроков давности по уголовным делам. Так, по мнению Махмудовой М.А., основанием применения института давности уголовной ответственности следует считать отпадение или существенное снижение (ослабление) по истечении определенного времени общественной опасности лица, совершившего преступление [2]. Волынская О.В., говоря о социально-правовой обусловленности института прекращения уголовно-процессуального производства вообще, указывает на необходимость защиты законных прав и свобод как участников уголовного судопроизводства, так и иных лиц в той части, в которой выполняемые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затронули их интересы, а также на максимальный учет всех объективных и субъективных особенностей конкретного случая для правильного вывода о возможности исправления и перевоспитания лица без применения уголовного наказания [3]. Отказ от уголовной репрессии объясняется и тем, что по прошествии определенного времени утрачивается общественная опасность преступления, а также действием в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма (это подчеркивается, в частности, в Определении Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации»). Есть также доводы процессуального характера: чем больше времени проходит с момента совершения преступления, тем сложнее собрать доказательственную базу (следы утрачиваются безвозвратно, события забываются).

Но не следует забывать, что к числу задач уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 6 УПК РФ относится защита лиц и ор-

ганизаций, потерпевших от преступлений. Отвечает ли институт прекращения уголовных дел в связи с истечением сроков давности их интересам? Как справедливо отмечают ученые-процессуалисты, нередко сроки давности истекают (особенно по преступлениям небольшой тяжести, где срок давности составляет всего 2 года) в результате волокиты, допущенной при производстве предварительного расследования и рассмотрения дела в суде [4].

В 2011 году большой общественный резонанс вызвал случай, произошедший в Курской области, где молодые люди, изнасиловавшие и убившие в 2000 году четырех девочек, были освобождены в зале суда. С учетом несовершеннолетнего возраста на момент совершения преступления, одному из них - Елкину судом назначено наказание в виде 9 лет лишения свободы, другому, Машошину – в виде 8 лет лишения свободы с отбыванием в колонии общего режима. Однако осужденные освобождены от наказания в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. Зал суда они покидали через черный ход, чтобы избежать самосуда со стороны родственников погибших девочек [5].

Судебная практика свидетельствует о том, что потерпевшие часто возражают против прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности, ссылаясь на то, что обвиняемый не предпринял никаких действий по возмещению причиненного преступлением вреда, и впоследствии придется заявлять гражданский иск и устанавливать все обстоятельства в обычном порядке, неся бремя доказывания [6].

В этом году снова поступило обращение в Конституционный Суд РФ, в результате чего вышло Постановление от 2 марта 2017 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова». Заявители, признанные потерпевшими по фактам ДТП, указывали на то, что в результате прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности они лишены возможности реализовать свое право на доступ к правосудию и на компенсацию ущерба, причиненного преступлением. Но Конституционный Суд РФ разъяснил, что обязанность государства обеспечить восстановление прав потерпевшего от преступления не обусловливает наделение его правом предопределять необходимость осуществления предполагающего вынесение приговора уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности, - такое

право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Отметим, что аналогичные разъяснения Конституционный Суд РФ давал применительно к вопросу о правах потерпевших при издании акта об амнистии (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец»). Также указано на то, что гарантированное Конституцией РФ право каждого на судебную защиту его прав и свобод не допускает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты. Оспариваемые заявителями положения закона были признаны не противоречащими Конституции РФ. При этом было в очередной раз отмечалось, что потерпевший сохраняет возможность защитить свои права и законные интересы в порядке гражданского судопроизводства с учетом правил о сроках исковой давности, а обвиняемый (подсудимый) не освобождается от обязательств по возмещению причиненного противоправным деянием ущерба. А государство в лице его уполномоченных органов должно оказывать потерпевшему содействие в получении доказательств, подтверждающих факт причинения ущерба. Однако в силу ч. 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, совершившего преступление, преюдициальное значение имеет только вступивший в законную силу приговор суда, но не постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Следует отметить, что данный вопрос тоже был предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ. И в Определении Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 1823-О разъясняется, что хотя Гражданский процессуальный кодекс РФ не придает постановлению о прекращении уголовного дела преюдициального значения, это не препятствует суду, рассматривающему дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, принять в качестве письменного доказательства постановление о прекращении в отношении него уголовного дела (согласно ч. 1 ст. 71 ГПК РФ) и оценить его наряду с другими доказательствами (в соответствии со ст. 67 ГПК РФ).

Что же касается случаев волокиты при осуществлении производства по уголовным делам, то закон предусматривает механизм выплаты компенсаций за нарушение права на судопроизводство в разум-

ный срок (в соответствии с федеральным законом от 30.04.2010. № 68), но это связано с непростой судебной процедурой.

С учетом изложенного, представляется, что действующий порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи с истечением сроков давности не вполне отвечает критерию справедливости, т.к. не нацеливает обвиняемого на возмещение причиненного преступлением вреда и создает для потерпевшего трудности в защите своих прав, предусмотренных статьей 52 Конституции РФ.

---

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834 (дата обращения 23.11.2017).

2. Махмудова М.А. Сроки давности в уголовном праве России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Махачкала, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/sroki-davnosti-v-ugolovnom-prave-rossii (дата обращения 23.11.2017).

3. Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2008. С. 11.

4. Ендольцева Ю.В. Давность в уголовном праве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://disus.ru/r-yuridicheskie/366336-1-davnost-ugolovnom-prave.php (дата обращения 23.11.2017).

5. См.: Убийц отпустили по закону // Московский комсомолец. 2011. 2 марта. № 25582. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mk.ru/incident/2011/03/01/569314-ubiyts-otpustili-po-zakonu.html (дата обращения 24.11.2017).

6. См., например: постановление Раменского городского суда о прекращении уголовного дела и уголовного преследования [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/pvBuHTc7lPQl (дата обращения 24.11.2017).

Ключевые слова: потерпевший, сроки давности уголовного преследования, прекращение уголовного дела и уголовного преследования, разумный срок уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

ВОПРОСЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ «МАЛОЛЕТНЕЕ ЛИЦО» В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Павлов Дмитрий Владимирович,
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры общеправовых дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 188662, Ленинградская обл., посёлок Мурино, ул. Лесная, 2

Гаврилова Ольга Вячеславовна,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры общеправовых дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 188662, Ленинградская обл., посёлок Мурино, ул. Лесная, 2

В статье рассматриваются вопросы легализации категории «малолетнее лицо» в науке уголовного права

Преступность несовершеннолетних лиц представляет серьезную проблему для любого общества, поскольку ее состояние и тенденции являются важнейшими индикаторами нравственного здоровья и положения не только подрастающего поколения, но и ближайшего будущего страны, естественным резервом которого являются молодые лица. Несмотря на то, что в последние два три года статистика на официальном уровне регистрирует определенное снижение криминальной активности всех слоев населения, криминогенная ситуация в целом продолжает оставаться сложной. Этому в немалой степени способствуют такие негативные процессы современного российского общества, как экономическая нестабильность, усиление социальной напряженности, увеличение имущественной дифференциации населения, обострением распада фундаментальных институтов общества семьи и материнства, снижением уровня финансирования образовательных учреждений, учреждений социальной защиты населения, а также растущей миграцией граждан из нестабильных отношении регионов страны [1].

Динамичность многих из указанных процессов современной жизни рельефно отражается не только в изменениях мотивации преступного поведения несовершеннолетних связанных с постоянно возрастающим числом преступлений, носящих в первую очередь не ситуативный, а предумышленный характер, ростом неоправданной аг-

рессивности при их совершении, но и увеличением виктимологического компонента по отношению к самим несовершеннолетним.

Одновременно с этим, начиная с середины девяностых годов прошлого века результаты проводимых криминологических исследований, отмечают неизменный рост в структуре совершаемых преступлений, деяний в которых потерпевшими являются малолетние лица [2]. При этом чаще всего жертвами преступных проявлений со стороны взрослых лиц малолетние становились по корыстным мотивам в каждом пятом совершенным преступлении, на бытовой почве в каждом десятом и в каждом двенадцатом преступлении, совершенном по сексуальным мотивам и из хулиганских побуждений. Указанное свидетельствует о необходимости не только указания, но и нормативного закрепления понятия «малолетний» в действующем УК РФ.

Однако, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит такого понятия как «малолетний», хотя в ряде уголовно-правовых новелл, мы можем увидеть, что законодателем предусмотрен «малолетний» в качестве квалифицирующего признака, в частности, в п. «з» ч. 1 ст. 63, п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 112, ст. 245 УК РФ. Наравне с этим отдельными авторами делается акцент на то, что малолетними в уголовном праве признаются лица, не достигшие четырнадцати лет [3]. Казалось бы, в пользу такого вывода свидетельствуют различные обстоятельства.

Во-первых, – исторические традиции. Как в свое время отмечал, В.Б. Хатуев: «На уголовно-правовом уровне впервые вопрос о возрастном пороге малолетства потерпевшего перевело на законодательную основу Постановление Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», в котором разъяснялось, что под малолетней следует понимать девочку, не достигшую 14 лет» [4].

Обращал внимание судов на целесообразность именно такого толкования термина «малолетние» и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 22 апреля 1992 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» также [5].

Во-вторых, гражданское законодательство, которое связывает «малолетство» с не достижением лицом возраста четырнадцати лет. Так, статья 28 Гражданского кодекса Российской Федерации называется «Дееспособность малолетних», где в части первой отмечается, что: «За несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), сделки... могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны». Таким образом, основываясь на положениях гражданского законодательства, можно свидетельствовать о то-

ждественности понятий «малолетний» и «несовершеннолетний, не достигший четырнадцати лет». Однако, как представляется, приведенных аргументов явно недостаточно для того, чтобы придавать такое же значение терминам «малолетний» и «малолетство», в рамках уголовного законодательства.

В третьих судебно-следственная практика. Трудности, с которыми сталкиваются практические работники, подтверждают факт, необходимости не только обоснованность использования понятия «малолетнее лицо», но и его законодательной легализации, с определением его содержания.

Как отмечает Лысенко А.В.: «Законодательно впервые Уголовным кодексом закреплено терминологическое понятие «несовершеннолетний» как лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати лет. Представляется целесообразным также законодательно закрепить другую возрастную категорию – «малолетний», которая будет фиксировать возраст детей, не достигших 14 лет, поскольку закон призван защищать и их права и интересы. Это будет способствовать устранению пробела в уголовном законодательстве и обеспечит гарантированное выполнение задач Уголовного кодекса (ст. 2 УК РФ) относительно прав, свобод и интересов данной категории лиц. [6]

Одним из возможных решений, в рамках решения задачи охраны прав, свобод и интересов лиц, не достигших 14 лет, может быть достигнуто при использовании в законе обобщающего понятия «лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста», способного охватить и данную категорию потерпевших, и лиц возрастного периода от 14 до 18 лет. Указанное может иметь место, например, применительно к преступлениям связанным с вовлечением указанной категории лиц в преступления и ли антиобщественную деятельность, предусмотренных ч. 4 ст.150 УК РФ и ч. 3 ст.151 УК РФ. При этом для обозначения потерпевших только возрастного периода от 14-ти до 18-ти лет целесообразно сохранить термин «несовершеннолетний потерпевший».

Как свидетельствуют результаты анкетирования среди следователей и прокуроров, 36% респондентов отметили, что в своей практической деятельности они сталкивались с вовлечением малолетних в совершение преступления и 41% отметили, что им приходилось рассматривать уголовные дела, где малолетние вовлекались в совершение антиобщественных действий. При этом в каждом втором случае вовлечения лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, происходило в систематическое употребление спиртных напитков, и в каждом пятом преступлении вовлечение происходило в систематическое

употребление одурманивающих веществ, а также попрошайничество. В 5% случаев малолетние лица, вовлекались взрослыми преступниками бродяжничество [7].

Несмотря на то, что достаточное число респондентов указали на отсутствие в их практике уголовных дел, связанных с вовлечением малолетних, более 60% из них высказались за необходимость дополнить ст.ст. 150 и 151 УК РФ отдельным квалифицирующим признаком, предусматривающим уголовную ответственность за вовлечение лиц, не достигших четырнадцати лет [8].

О справедливости такого решения, свидетельствует и положение, Конвенции «О правах ребенка» принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 20 ноября 1989 г. В соответствии с ч.2 ст.6 документа на государства участников конвенции возлагается, обязанность обеспечивать в максимально возможной степени не только здоровое развитие, но и выживание ребенка, где в соответствии к детям относятся все лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста [9].

Вместе с тем, как представляется, несмотря на существующую потребность в принятии данного решения, указанное предложение в настоящее время вряд ли может быть реализовано.

Учитывая изложенное, следует предположить, что законодатель вряд ли исходит только из названного возрастного критерия, реализуя положения указанных выше норм уголовного закона, когда им прямо подчеркивается данный факт, ориентируя практических работников именно на это. Наряду с этим в отдельных составах преступлений особо выделена категория потерпевших от преступления, как «лица, не достигшие четырнадцати лет» в качестве квалифицирующего признака, например, п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 3 ст. 134, ч. 2 ст. 135, ч. 3 ст. 241, п. «а» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ.

Это в свою очередь, дает основание полагать, что в случаях указания малолетства, в качестве квалифицирующего признака, в диспозиции конкретной нормы обстоятельством, дифференцирующим ответственность, выступает не само малолетство потерпевшего, а малолетство, обусловившее его особое состояние или качество, такие как беспомощность либо беззащитность, а равно неспособность лица принять меры к самосохранению.

Однако, следует отметить и тот факт, что не каждое лицо, не достигшее 14 лет, может признаваться лицом, находящимся в беспомощном состоянии. Возрастной порог, при этом, перешагнув который человек способен к самостоятельному удовлетворению самых важных жизненных потребностей, к принятию мер по самосохранению, в дей-

ствительности не может быть определен. Исследователи, посвятившие свои работы, квалификации половых преступлений, справедливо отмечают важность учета при решении вопроса о нахождении потерпевшей в беспомощном состоянии не только ее возраста, но и степени умственного и физического развития, ее воспитания и поведения, степени осведомленности о половой жизни [10].

Также следует учитывать, что ст. 87 УК РФ (как и во всей Главе 14 УК РФ) регламентируются вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних, которые никаким образом не затрагивают лиц, не достигших 14 лет. Закреплять в этой статье дефиницию понятия «малолетнее лицо» было бы некорректно. Если понятие «малолетний» и имеет самостоятельную ценность, то только для определения свойств потерпевшего от преступления.

Во-вторых, как отмечается большинством авторов, термин «малолетнее лицо» в настоящее время практически утратил свою самостоятельность и в обозначении качеств потерпевшего от преступления. Так, в одних случаях произошла его замена более точным понятием «лицо, не достигшее возраста, с которого наступает уголовная ответственность» (п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ), лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста» (п. «б» ч.4 ст. 132 УК РФ и др.). В других - понятие названо в качестве всего лишь одной из причин определенного состояния (п. «з» ч.1 ст. 63, п. «в» ч.2 ст.105, п. «б» ч.2 ст.111, п. «в» ч.2 ст.112, ст.125 УК РФ).

Единственным исключением в действующем уголовном законе является ст. 245 УК РФ, предусматривающая в качестве альтернативного признака жестокого обращения с животными совершение преступления в присутствии малолетних. Подобное исключение вряд ли чем-то оправдано. Соответствующий признак следовало бы формализовать, указав в Законе на таких потерпевших, как на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Признак «в присутствии малолетних» в юридической литературе применительно к ст. 245 УК РФ обычно так и интерпретируется [11].

Несмотря на аргументированные доводы, представляется, что данный вопрос, не является в настоящее время полностью решенным. Его проработка, не завершена, о чем свидетельствует отсутствие единого понимания среди ученых-юристов. Вместе с тем, можно предположить, что при любом развитии событий, в ближайшем будущем, он сохранит свою актуальность и дискуссионность.

---

1. Криминологическая характеристика насильственные преступлений, совершаемых несовершеннолетними в сфере быта и досуга (по

материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области): автореф. … дис. канд. юрид. наук. СПб.,2006.

2. Преступность Преступное насилие в России. М.. 2000. С. 9.

3. Доронина Е.Б. Беспомощное состояние потерпевшего в структуре состава убийства: теория, закон и практика: дис. канд. … юрид. наук. Екатеринбург. 2004. С. 57.; Краснюк Г.П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис. канд. юрид. наук. Краснодар. 2000. С. 53.

4. Хатуев В.Б. Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 17-18.

5. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М.: Спарк, 2000. С. 456-461.

6. Лысенко А.В. Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение уголовно-правовыми мерами (на примере Краснодарского края): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 7.

7. Павлов Д.В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий (криминологические и уголовно-правовые проблемы): монография. М.: юрлитинформ, 2013. С. 83-89.

8. Павлов Д.В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий (криминологические и уголовно-правовые проблемы): монография. М.: юрлитинформ, 2013. С. 83-89.9. Конвенция «О правах ребенка», принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.

10. Игнатов А.Н. Квалификация половых преступлений. М., 1974. С. 54.

11. Уголовное право. Особенная часть: учебник. 4-е изд., изм. и доп./ отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Норма, 2008. С. 655.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, преступность, уголовное законодательство, малолетний, уголовная ответственность

УДК 340.6

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Петрова Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

В статье рассмотрены отдельные проблемы расследования ятрогенных преступлений, в том числе, обусловленные необходимостью проведения сложной комиссионной судебно-медицинской экспертизы дефектов медицинской помощи. Предложены пути совершенствования процесса расследования преступлений данной категории.

Преступления, совершенные медицинскими работниками в процессе их профессиональной деятельности, получили название ятрогенных преступлений [1]. Несмотря на неоднозначность использования термина, означающего данную группу преступлений, в настоящее время он закрепился в криминалистике и криминологии. К ятрогенным относят следующие составы преступлений:

- причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ);
- причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ);
- заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122 УК РФ);
- неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ);
- выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ);
- халатность (ст. 293 УК РФ).

Вышеуказанные преступления согласно ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) относятся к подследственности разных органов предварительного расследования: следователей Следственного комитета России (ст. 109, 238, 293 УК РФ), следователей органов внутренних дел РФ (ст. 122 ч. 4, 124 УК РФ), доз-

навателей органов внутренних дел РФ (ч. 2 ст. 118 УК РФ). Вместе с тем, проблемы, возникающие при расследовании ятрогенных преступлений, являются общими для следователей и дознавателей, потому предлагаемые способы их разрешения в порядке совершенствования предварительного расследования отличаются универсальностью. Уголовные дела о профессиональных преступлениях медицинских работников – объективно сложная категория дел, несмотря на кажущуюся однотипность медицинских происшествий.

Регламентированные УПК РФ сроки предварительного расследования остаются неизменно короткими, а потому для некоторых групп преступлений, к которым относятся и ятрогенные преступления, заведомо недостаточными, что влечет необходимость их многократного продления и окончания предварительного расследования в сроки, превышающие два месяца.

Проведение проверок сообщений о профессиональных преступлениях медицинских работников и расследование данных уголовных дел в любом случае не обходится без проведения судебно-медицинской экспертизы (далее - СМЭ) по установлению дефектов медицинской помощи, которые являются «наиболее актуальными, сложными и трудоемкими видами практической деятельности судебно-медицинских экспертов» [2]. Такая экспертиза проводится комиссией экспертов, куда в зависимости от исследуемого клинического профиля (одного и более) в обязательном порядке входят врачи-клиницисты узкой врачебной специальности. Не нарушая принципа свободы оценки доказательств и положения о том, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы», регламентированного ст. 17 УПК РФ, вместе с тем, приходится констатировать особую «ценность» такого доказательства как заключение экспертов при расследовании ятрогенных преступлений. Решение суда о виновности медицинского работника в содеянном базируется на выводах экспертной комиссии. Исследования автора показали, что в подавляющем большинстве случаев основные трудности предварительного расследования связаны с проведением комиссионной СМЭ дефектов медицинской помощи, без которой при расследовании указанной группы преступлений не обойтись [3].

Судебно-медицинская экспертиза, согласно ст. 62 Федерального закона РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», проводится в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, в медицинских организациях экспертами в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной судебно-экспертной

деятельности (Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Отсюда следует, что область применения СМЭ - для целей уголовного и гражданского судопроизводства, а также досудебных разбирательств, проводимых правоохранительными органами, отношения к страховой медицине она не имеет. Задачами СМЭ при расследовании ятрогенных преступлений являются установление механизма происхождения неблагоприятного последствия оказания медицинской помощи, выявление дефектов ее оказания, установление связи между дефектами оказания медицинской помощи и их последствиями, соответствие действий медицинских работников обстоятельствам, в которых они совершались [4]. Заключение СМЭ, безусловно, является доказательством, так как удовлетворяет требованиям, предъявляемым УПК РФ к заключению эксперта (глава 27 УПК РФ «Производство экспертизы»): назначается уполномоченным лицом, выполняется надлежащим субъектом с разъяснением его процессуальных прав (ст. 57 УПК РФ) и предупреждением его об ответственности за заведомо ложное заключение (ст. 307 УК РФ), оформляется в строго регламентированной форме.

Наиболее актуальная проблема - большие сроки проведения СМЭ по выявлению дефектов медицинской помощи - обуславливает длительность проверок и расследования уголовных дел данной категории. Кроме того, некоторые экспертные учреждения обременены очередью на проведение именно комиссионных экспертиз дефектов медицинской помощи, ожидание в которых может составлять до полугода и даже более. Такого рода сложности объективны и не зависят от конкретного следователя (дознавателя) или эксперта. Необходимо помнить, что подавляющее большинство профессиональных медицинских преступлений совершается по неосторожности, они являются преступлениями небольшой или средней тяжести, в связи с чем имеют небольшие сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Очевидно, что эффективное сокращение времени проведения комиссионной СМЭ приведет к уменьшению сроков предварительного расследования ятрогенных преступлений как в форме предварительного следствия, так и в форме дознания. В связи с этим ключевым вопросом данного пути совершенствования предварительного расследования стал поиск альтернативных экспертных учреждений, кроме территориальных бюро судебно-медицинских экспертиз Минздрава России, способных на высоком профессиональном уровне проводить экспертизы дефектов оказания медицинской помощи. Необходимость обеспечения объективности и соответствующей компетентности вы-

водов, а также использования при проведении экспертных исследований утвержденных и опробированных Минздравом соответствующих методик [5], сформировали определенный уровень требовательности к экспертным учреждениям, что не позволит при оценке заключения экспертов в качестве доказательства по уголовному делу признать его недопустимым. Такая сложная задача была в экспериментальном порядке успешно решена Следственным управлением Следственного комитета России по Республике Татарстан. В структуре СК России имеются собственные криминалистические подразделения, объединенные в территориальные управления криминалистики, задачами которых, в том числе, является проведение экспертных исследований. Таким образом, криминалистические подразделения выполняют функцию собственных экспертных учреждений СК. Так, в управлении криминалистики Следственного управления СК России по Республике Татарстан в начале 2016 года было создано отделение судебно-медицинских исследований, основной специализацией которого стало, как раз, проведение комиссионных СМЭ, учитывая большую востребованность такого рода экспертных исследований и значительные трудности их проведения, связанные с длительным ожиданием в очередях бюро СМЭ. В настоящее время состав отделения представлен тремя профессиональными судебно-медицинскими экспертами, которые участвуют в проведениях экспертиз и как специалисты (патолого-анатомы) и как эксперты-организаторы.

Предвосхищая возможные обвинения экспертов в какой бы то ни было заинтересованности в результатах экспертиз по ятрогенным преступлениям, следует указать на обстоятельства, которые подобные обвинения сводят к беспочвенным и несостоятельным. К таковым относятся: во-первых, кадровый состав штатных экспертов (судебно-медицинские эксперты, имеющие авторитет в медицинской среде и опыт практической деятельности), во-вторых, безусловное соблюдение экспертами требований нормативно-правовых актов, регламентирующих судебно-экспертную деятельность (Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), и использование ими утвержденных и опробированных методик проведения экспертных исследований; в третьих, использование унифицированного механизма формирования экспертных комиссий и взаимодействия членов комиссии между собой (такой механизм постоянно реализуется в любом бюро СМЭ) эксперт-организатор из числа штатных сотрудников бюро формирует экспертную комиссию, подбирает и привлекает в состав комиссий особо опытных специалистов-клиницистов необходимого

клинического профиля, согласовывает данный состав с лицом, назначившим экспертизу, координирует работу комиссии, руководитель бюро разъясняет экспертам положения УПК РФ, касаемые деятельности экспертов, а также предупреждает об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ); в четвертых, составление заключения комиссии экспертов в соответствии с требованиями УПК РФ, что позволяет признать его в качестве допустимого доказательства при оценке следователем (дознавателем), прокурором, судом.

Второй год функционирования данного структурного подразделения показал свою эффективность, существенно сократив сроки предварительного расследования ятрогенных преступлений. Такой положительный опыт организационных путей совершенствования процесса расследования в настоящее время широко внедряется в практику других территориальных следственных подразделений.

---

1. Пристансков В.Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию. Монография. С.-Пб. 2005. 329 с.

2. Ковалев А.В. Порядок проведения судебно-медицинских экспертиз и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации. 2-е издание, дополненное. М.: Министерство здравоохранения Российской Федерации. 2017. 26 с.

3. Петрова Т.Н. Организация взаимодействия с судебно-медицинскими экспертными учреждениями при проведении экспертиз по делам о ятрогенных преступлениях: проблемы и пути их решения // Организация предварительного расследования: проблемы и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. М. 2015. С. 364-370.

4. Сашко С.Ю., Кочорова Л.В. Медицинское право: учебное пособие. М. 2009. 352 с.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, комиссионная судебно-медицинская экспертиза, медицинские работники, дефект медицинской помощи.

УДК 340.6

ГРАНИЦЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ К ПОДОЗРЕВАЕМОМУ

Политыко Ольга Евгеньевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Автор в статье рассматривает вопросы, касающиеся содержания понятия исключительности применения меры пресечения, в отношении подозреваемого.

Каждая мера пресечения в той или иной мере ограничивает личные, имущественные и иные субъективные права и свободы уголовно-преследуемого лица. С учетом этого правоприменителям требуется осторожно подходить к выбору необходимой меры пресечения.

Положение ст. 97 УПК РФ предоставляет право лицу, осуществляющему предварительное расследование, «в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных … Кодексом». В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 100 УПК РФ, в отношении такого субъекта уголовного процесса как подозреваемого мера пресечения может быть применена только в исключительных случаях, однако не прописаны критерии данной исключительности. Следовательно, правоприменитель при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения, может по-своему усмотрению признать те или иные сведения, имеющиеся в материалах уголовного дела, исключительными.

Так в чем суть исключительности применения меры пресечения в отношении подозреваемого?

Исходя из содержания статьи 100 УПК РФ, следователь при наличии фактических данных, перечень которых содержится в ст. 97 УПК РФ, имеет право применить к обвиняемому любую меру пресечения. В случае, если данный участник имеет статус подозреваемого, то меру пресечения он можем применить крайне редко. Лицу, производящему расследование, кроме установленных законом оснований, требуется определить иные обстоятельства, которые будут расцениваться как исключительные. При этом положение указанной статьи распространяется не только на заключение под стражу, но и на любую другую меру пресечения. С учетом того, что заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, которая в большей степени

ограничивает конституционные права гражданина, поэтому ее применение к подозреваемому должно быть двойне исключительным.

Понятие, которое определяет неопределенное состояние по отношению к кому-нибудь, предположение о чём-нибудь, является «подозрение». Этот термин употребляется в обыденной жизни и в области права. Согласно толковому словарю С.И Ожегова «подозрение – это предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков, в правдивости чьих-нибудь слов. Задержан по подозрению в краже. Быть под подозрением или на подозрении у кого-нибудь (вызвать к себе подозрение, подозрительное отношение). А также подозрение — это предположение о возможности чего-нибудь (Например, подозрение на скарлатину)»[1].

Учитывая значение слова «подозрение», напрашивается вывод о том, что следователь (дознаватель), применяет меру пресечение к уголовно преследуемому лицу, в отношении которого нет достаточных доказательств, позволяющих вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а имеются только предположения о причастности лица к совершению противоправного деяния, которое основано на сомнении.

А.В. Гриненко отмечает, что для избрания меры пресечения в отношении подозреваемого должно быть наличие двух условий: это исключительный случай и наличие хотя бы одного основания, предусмотренного ст. 97 УПК РФ [2].

Значение исключительности содержится в комментариях к ст. 100 УПК РФ под общей редакцией В.М. Лебедева, в которых указано, что избрание меры пресечения в отношении подозреваемого допускается только в неотложной ситуации, т.е. когда неприменение этой меры реально повлечет исчезновение следов, сокрытие подозреваемого [3].

А.В. Смирнов и К.Б Калиновский в комментариях к ст. 100 УПК РФ раскрывают понятие исключительности, указывая, что она «обусловлена тем обстоятельством, что подозрение (в отличие от обвинения) еще не позволяет обвинителю однозначно утверждать о виновности определенного лиц» [4]. То есть, следователь на этапе, когда он должен рассмотреть вопрос об избрании меры пресечения, сомневается в личности того, кто совершил расследуемое преступление.

Если нет обвинения, значит, правоохранительные органы не могут дать правильную юридическую оценку действиям уголовно преследуемого лица. Квалификация деяния, которая была на момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, может быть завышенной и носить предварительный характер, а сведений о лично-

сти уголовно преследуемого лица может недоставать в связи с неотложной ситуации. Именно поэтому сложно проконтролировать соблюдение обоснованности избрания меры пресечения в отношении подозреваемого.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальным законодательством предусмотрено, что меру пресечения к подозреваемому можно применять в исключительных случаях, на практике действие положения ст. 100 УПК РФ применяется почти в отношении каждого участника, особенно при производстве дознания. Кроме того, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого, который задержан в соответствии со статьей 91 УПК.

Для того, чтобы применение в отношении подозреваемого любой меры пресечения, в том числе и заключение под стражу, было законным, должностное лицо должен иметь доказательства виновности данного участника уголовного процесса. К ним можно отнести и те сведения, которые послужили основанием для задержания лица в качестве подозреваемого (ст. 91).

Таким образом, при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения правоприменителю необходимо иметь достаточно доказательств о совершении данным лицом преступления. При условии, что при расследовании уголовного дела, по мнению следователя, причастность уголовно преследуемого лица доказана, то он может предъявить обвинение. В данном случае у него нет проблем при применении к подследственному меры пресечения. При недостаточности доказательств по общим правилам меру пресечения применять нельзя (даже подписку о невыезде), а лишь в исключительных случаях, когда ее неприменение может привести к исчезновению следов преступления, сокрытию подозреваемого, а также при опасении совершения подследственным нового противоправного деяния.

В итоге все сводится к основным вопросам, которые следует решить при применении меры пресечения к подозреваемому:

1) наличие доказанности причастности уголовно преследуемого лица в совершении преступления;

2) квалификация преступления (относится ли оно к категории тяжких или нет).

Мы считаем, что только при наличии этих двух условий действует положение ст. 100 УПК РФ, а если какой-то их этих элементов отсутствует, то применение меры пресечения следует признавать незаконным и необоснованным.

Одной из основных процессуальных гарантий справедливого ограничения свободы подозреваемого на досудебной стадии является

судебный контроль, который закреплен статьей 29 УПК РФ. Законодателем суду отведена роль контроля при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Это сделано для того, чтобы в отношении подследственного применить адекватную меру пресечения без ущерба для правосудия. Контроль суда за деятельностью органов предварительного расследования по соблюдению конституционных прав и свобод личности необходим, поскольку его отсутствие может привести к негативным последствиям в уголовном судопроизводстве. Однако, судебный контроль в той или иной мере ограничен определенными рамками. Так чем же ограничены полномочия суда при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения?

Принимая во внимание, что на момент рассмотрения вопроса об избрании ареста следователем не предъявлено обвинение уголовно-преследуемому лицу, значит, по уголовному делу отсутствуют достаточные доказательства подтверждающие виновность подозреваемого. Но, не смотря на это, должностные лица все же вышли в суд с ходатайством, аргументируя свое решение исключительной ситуацией, не всегда указывая в постановлении эти основания. Где же эти границы исключительности?

Применяя в отношении подозреваемого арест, лицо, производящее расследование, в большей степени ограничивает его права и свободы. Но на данной стадии уголовного судопроизводства подследственный считается невиновным, на него распространяется принцип невиновности, так как в суде не установлена его вина в совершении преступления, в котором его подозревают.

Принцип презумпции невиновности лица, подвергнутого уголовному преследованию, содержащийся в УПК РФ, основан на ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, где закреплено, что «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном Федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [5]. Залогом соблюдения данного принципа является всестороннее и объективное расследование и разрешение уголовного дела.

Согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства суд при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя должен дать оценку обоснованности подозрения, а также исследовать наличие других оснований для применения ареста.

Подводя итог, мы предлагаем расширить процессуальные полномочия суда при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения заключения под стражу в отношении подозреваемого: прове-

рять законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, наличие достаточных оснований для подозрения лица в совершении преступления, правильность квалификации инкриминируемого деяния.

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И Ожегов. М.: ООО «Мир и Образование»: ООО «Оникс». 2012. С. 393.

2. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие./ А.В. Гриненко. Москва. Проспект, 2017. С. 326.

3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева ; науч. ред. В.П. Божьев. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. 1287 с.

4. Смирнов А.В. Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Смирнова. 6-е издание. Подготовлен для системы КонсультантПлюс с использованием правовых актов по состоянию на 1 января 2012 года. КонсультантПлюс, ИБ «Постатейные комментарии и книги». 2012. Электронный ресурс. URL:http:/kalinovsky-k.narod.ru/p/kom-5/ (дата обращения 04 февраля 2018 г).

5. Чаплыгина В.Н. Домашний арест: практические сложности и перспективы применения // В сборнике «Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их разрешения в России». Сборник материалов Всероссийского круглого стола. / Под редакцией А.Д. Аветисяна, А.А. Рясова, Д.А. Рясова, Е.В. Сопневой. 2017. С. 291-297.

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения 04 февраля 2018 г).

Ключевые слова: правоприменитель, подозрение, мера пресечения, подозреваемый, исключительность.

УДК 343.13

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ПРОИЗВОДСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Потапова Мария Игоревна,
начальник кабинета специальных дисциплин кафедры тактико-специальной подготовки,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье автор рассматривает отдельные вопросы теории и практики, возникающие при реализации прав и законных интересов участников производства о применении принудительных мер медицинского характера при окончании предварительного следствия.

Окончание следователем производства о применении принудительных мер медицинского характера (далее - производства о ППММХ) представляет собой завершение всего досудебного производства по уголовному делу.

Данный этап характеризуется совокупностью процессуальных действий и правоотношений, направленных на проверку объективности, полноты и всесторонности собранных по уголовному делу доказательств, на восполнение пробелов, допущенных в ходе проведенного расследования, окончательное, в соответствии с требованиями закона, оформление материалов дела, формирование и обоснование выводов предварительного следствия.

Признав предварительное следствие оконченным, следователь прекращает дальнейшее собирание доказательств, систематизирует все собранные по уголовному делу материалы, формулирует и обосновывает выводы по существу дела.

Дальнейшее осуществление комплекса процессуальных действий на завершающем этапе предварительного следствия условно можно подразделить на последовательно сменяющие друг друга этапы:

1) уведомление заинтересованных лиц о принятом решении об окончании предварительного следствия, разъяснение принадлежащих им прав на указанном этапе производства;

2) ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и (или) их представителей с материалами производства о ППММХ, разрешение ходатайств данных участников;

3) ознакомление с материалами дела лица, в отношении которого ведется производство о ППММХ, а также законного представителя и защитника этого лица, разрешение ходатайств указанных участников;

4) составление постановления о направлении уголовного дела в суд для ППММХ или постановления о прекращении уголовного дела («в ввиду неопасности лица») и направление данного постановления с материалами уголовного дела прокурору;

5) рассмотрение прокурором поступивших материалов и итогового документа, принятие им соответствующих решений.

Процедура ознакомления основных участников производства с материалами уголовного дела, заявление ими ходатайств, иные их права и обязанности регламентированы нормами ст. 216 - 219 УПК РФ. Однако специальных норм для процессуального порядка ознакомления с материалами уголовного дела лица, в отношении которого ведется производство о ППММХ, а также его законного представителя и защитника в УПК РФ не предусмотрено.

В соответствии с требованиями ч. 3 ст. 439 УПК РФ следователь уведомляет о движении уголовного дела лицо, в отношении которого ведется производство о ППММХ, его законного представителя и защитника, а также потерпевшего, ставит их в известность об их праве на ознакомление с материалами уголовного дела согласно общим правилам ст. 216 - 219 УПК РФ.

При буквальном следовании требованиям указанной нормы перед правоприменителем встает ряд вопросов:

1) какими предписаниями закона следует руководствоваться при ознакомлении лица, в отношении которого ведется производство о ППММХ, его законного представителя и защитника с материалами уголовного дела: относящимися к правам обвиняемого и его защитника (ст. 217 УПК РФ) или же к правам других заинтересованных лиц (ст. 216 УПК РФ);

2) каковы роль, права и обязанности законного представителя, в ситуации, если, в соответствии с ч. 1 ст. 437 УПК РФ, психическое состояние лица, в отношении которого ведется производство о ППММХ, позволяет ему лично участвовать в процессуальных действиях;

3) возможно ли ознакомление с материалами уголовного дела указанного лица и его защитника раздельно (в соответствии с ч. 1

ст. 217 УПК РФ), является ли обязательным участие законного представителя в данном случае?

Ответ законодателя на первый вопрос содержит норма ч. 1 ст. 437 УПК РФ, согласно которой лицу, в отношении которого ведется производство о ППММХ, принадлежат права, регламентированные ст.ст. 46 и 47 УПК РФ, то есть права обвиняемого (подозреваемого).

Таким образом, можно сделать вывод, что законодателем лицо, в отношении которого ведется производство о ППММХ, отнесено к участникам уголовного судопроизводства, так как ему при буквальном толковании норм предоставлен статус обвиняемого (подозреваемого), и оно наделяется соответствующими правами и обязанностями.

В науке уголовного процесса нет единого толкования понятия участника уголовного судопроизводства. Так, В.П. Божьевым высказано мнение, что участниками уголовного судопроизводства являются лица и государственные органы, наделенные комплексом процессуальных прав и обязанностей, и реализующие эти права, и исполняющие обязанности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности в порядке и на условиях, предусмотренных законом [1]. Р.Д. Рахунов выделял следующие признаки участника уголовного процесса: осуществление ими уголовно-процессуальной деятельности, наличие прав и обязанностей и вступление в уголовно-процессуальные отношения с другими участниками процесса в силу закона или по своей инициативе [2]. Другие ученые считают участниками уголовного процесса лишь лиц, которые при производстве по уголовному делу защищают свои права и законные интересы представляемого лица, в связи с чем указанные лица наделены процессуальными правами [3]. В некоторых источниках прямо указывается на подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, законных представителей, защитника, называя лишь их участниками уголовного судопроизводства [4].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением П.А. Колмакова, Е.В. Мищенко, Л.Г. Татьяниной, которые в своих научных трудах утверждали, что лица, в отношении которого ведется производство о ППММХ по правилам гл. 51 УПК РФ, является полноправным участником уголовного судопроизводства, и, следовательно, его правовое положение требует законодательного определения [5; 6; 7].

В научной литературе неоднократно высказывались различные предложения относительно внесения изменений, дополнений в УПК и формулировок законодательного определения «лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера», его прав и обязанностей [8].

По нашему мнению, необходимо дополнение Главы 7 «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты» статьей 47.1 «Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера» следующего содержания:

«1. Лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, признается физическое лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, либо лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, в отношении которого в материалах дела имеется заключение судебно-психиатрической экспертизы о наличии хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики, связанного с опасностью для самого лица или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

2. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера вправе:

1) знать, о совершении им какого деяния, запрещенного уголовным законом, осуществляется производство по уголовному делу;

2) получить копию постановления о применении к нему меры пресечения, копию постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера или копию постановления о прекращении уголовного дела;

3) возражать против производства по уголовному делу о совершении им деяния, запрещенного уголовным законом, давать показания либо отказаться от дачи показаний;

4) представлять доказательства;

5) заявлять ходатайства и отводы;

6) давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым оно владеет;

7) пользоваться помощью переводчика бесплатно;

8) пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренным настоящим Кодексом; иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, без ограничения их числа и продолжительности;

9) иметь законного представителя с момента выявления психического расстройства;

10) участвовать с разрешения следователя в следственных действиях, производимых по его ходатайству или ходатайству его защит-

ника либо законного представителя, знакомится с протоколами этих действий и подавать на них замечания;

11) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, ставить вопросы эксперту и знакомиться с заключением эксперта;

12) знакомиться по окончании предварительного следствия совместно с защитником и законным представителем со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме;

13) снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств;

14) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя, прокурора и суда и принимать участие в их рассмотрении судом;

15) возражать против прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным частью второй статьи 27 настоящего Кодекса;

16) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанции, а также в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении его меры пресечения и в иных случаях, предусмотренных пунктами 1-3 и 10 части второй статьи 29 настоящего Кодекса;

17) знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания;

18) обжаловать определение, постановление суда и получать копии обжалуемых решений;

19) получать копии принесенных по уголовному делу жалоб и представлений и подавать возражения на эти жалобы и представления;

20) защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом.

3. Участие в уголовном деле защитника или законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, не служит основанием для ограничения какого-либо его права, за исключением случаев, когда психическое состояние лица не позволяет ему лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные статьями 46 и 47.1 настоящего Кодекса права, о чем следователем, судом выносится мотивированное постановление.».

Вопрос о том, позволяет ли лицу психическое состояние участвовать в уголовном судопроизводстве, может быть решен постановкой

соответствующих вопросов при производстве судебно-психиатрической экспертизы либо получением медицинского заключения в организации, оказывающей психиатрическую помощь в условиях больничного стационара.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее распространенным способом обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется производство о ППММХ, является участие в уголовном судопроизводстве данной категории дел защитника и законного представителя, которое, однако, прямо не ограничивает дееспособности указанного лица как участника уголовного процесса, не препятствует возможности реализации им регламентированных законом субъективных прав и личных свобод.

Некоторые ученые указывают, что законный представитель призван отстаивать те процессуальные права, которые лицо, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, не может защищать самостоятельно [9]. Назначение законного представителя после получения следователем заключения судебно-психиатрической или психолого-психиатрической экспертизы и его ознакомление с материалами уголовного дела «задним числом» исключает саму возможность устранения фактов нарушения прав и законных интересов указанных лиц. Такая практика не позволяет влиять на соблюдение прав лица в связи с окончанием производства тех или иных процессуальных действий. Логичным представляется привлечение законного представителя с момента появления сведений о наличии психического расстройства у лица, которое подозревается (обвиняется) в совершении преступления. Если заключением экспертизы устанавливается факт наличия расстройства, не исключающего вменяемости, но самостоятельная защита прав самим лицом для него затруднительна, то участие представителя может быть согласовано с обвиняемым.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что внесение указанных изменений в действующий УПК РФ позволит в большей мере обеспечить гарантии реализации прав и законных интересов участников уголовного производства о ППММХ.

---

1. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 123.

2. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М. , 1961. С. 106.

3. Альперт С.А. Участники советского уголовного процесса. Харьков, 1965. С. 3-4.

4. Советский уголовный процесс / Под ред. С.Д. Карева. М., 1961. С. 67.

5. Колмаков П.А. Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера: дис…. д-ра. юрид. наук. СПб, 2000. С. 217-218;

6. Мищенко Е.В. Принудительные меры медицинского характера. Их правовая природа и основания применения судом. Учебное пособие / Под ред. А.П. Гуськовой. Оренбург, 1999. С. 82-98;

7. Татьянина Л.Г. Рассмотрение уголовного дела в суде в отношении лиц, имеющих психические недостатки: Монография. Ижевск, 2003. С. 10.

8. Говрунова А.И. Уголовно-процессуальные проблемы применения принудительных мер медицинского характера: Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Краснодар, 2009. С. 131-132.

9. Бажукова Ж.А. Гарантии прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное производство о применении принудительных мер медицинского характера: Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Сыктывкар, 2008. С. 152.

Ключевые слова: производство о применении принудительных мер медицинского характера, права и законные интересы, следователь, защитник, законный представитель, уголовное судопроизводство.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ОБЩИЕ УСЛОВИЯ» И «ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»

Проваторова Ксения Васильевна,
адъюнкт,
Волгоградская академия МВД России,
400075, город Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В данной статье рассмотрен вопрос о соотношении категорий «общие и условия» и «принципы уголовного судопроизводства». В рамках сравнительно-правового анализа указанных категорий высказана идея о необходимости внесения изменений в системах общих условий предварительного расследования и общих условий судебного

разбирательства действующего УПК РФ в части признания отдельных «общих условий» принципами уголовного процесса.

Ключевой задачей процессуальной теории и научно-практической деятельности в сфере российского уголовно-процессуального права является разработка путей оптимизации досудебного и судебного производства. Это требует осмысления устоявшихся правовых доктрин через призму современных тенденций развития общества.

Совершенствование предварительного расследования, которое представляет собой строго регламентированную законом деятельность органов дознания и предварительного следствия по собиранию, оценке и фиксации доказательств, установлению лиц виновных в совершении уголовно-преступного деяния, обеспечению условий для рассмотрения уголовного дела в судебной инстанции, невозможно без надлежащего разрешения вопросов, связанных с категорией «общие условия» применительно к предварительному расследованию и судебному разбирательству, которые предопределяют сущность и содержание уголовно-процессуальной деятельности и специфику правового положения основных участников процесса на указанных базовых стадиях уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, действующая система общих условий предварительного расследования и общих условий судебного разбирательства требует преобразований, в том числе в части нецелесообразности закрепления законодателем в системе общих условий предварительного расследования статьи 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», а также отнесения к группе общих условий судебного разбирательства таких нормативных положений, как «Непосредственность и устность», «Гласность», «Неизменность состава суда».

Если проанализировать содержание ст. 161, 240, 241, 242 УПК РФ, их место в системе общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства, то даже без анализа исторического аспекта происхождения последних очевидно их существенное отличие от иных компонентов (общих условий), включенных в данные системы. Это отличие заключается, прежде всего, в масштабности регулируемых указанными нормами участков общественных отношений: они, скорее, тяготеют к идеям максимальной общности, чем к правилам определенного вида деятельности, закрепленным для конкретных стадий. Эти идеи отражают сущностные черты не только стадии предварительного расследования и судебного разбирательства –

их регулятивное воздействие обращено на более широкий круг возникающих правоотношений далеко за рамками указанных стадий.

Поэтому логично, с нашей точки зрения, отнести данные нормы к принципам уголовного судопроизводства, выделив их из категории «общие условия» и присвоив им статус руководящих (основополагающих) идей.

В связи с этим приобретает несомненную актуальность вопрос о соотношении категории «общие условия» с принципами уголовного судопроизводства.

Категорию «общие условия» уголовного судопроизводства можно понимать как систему установленных законодателем и детерминированных принципами уголовного судопроизводства предельно общих положений и правил, в которых находят выражение отличительные особенности досудебного и судебного производства, отражается специфика данных видов деятельности, а также значимые правовые требования, предъявляемые к ней. При этом законодатель обособил общие условия предварительного расследования в структуре УПК РФ, посвятив им отдельную главу 21 УПК РФ. Общие условия судебного разбирательства нашли закрепление в главе 35 УПК РФ.

При определении принципа уголовного судопроизводства обычно исходят из этимологии этого слова, которое, по мнению В. Даля, представляет собой «научное или нравственное начало, основание, правило, основу, от которого не отступают» [1].

С позиции А.Н. Володиной, «в отличие от принципа, условие - лишь некая возможность наступления факта (в том числе юридически значимого, процесса или явления). Условие может быть оспорено и «требует доказательства», в ряде случаев от условия можно безболезненно отступить» [2]. Представляется, что такая трактовка не совсем корректна применительно к уголовному процессу, т.к. общие условия в системе российского уголовно-процессуального права закрепляют значимые правила, обязательные для исполнения участниками, которым они адресованы.

Именно совокупность данных правил определяет специфику правового режима на ключевых стадиях уголовного судопроизводства, очерчивает контуры процессуального статуса участников процесса сообразно целям и задачам этих стадий.

Вне всяких сомнений, с позиций соотношения степени и масштаба регулятивного воздействия обе системы общих условий (даже в их совокупности) уступают системе принципов уголовного судопроизводства, которая в большей степени идеологизирована, в большей

степени отражает уголовно-процессуальную политику государства и сущностные свойства уголовного судопроизводства.

Система принципов уголовного процесса определена С.С. Ерашовым как «приобретенная совокупность определенных свойств функционирующих и взаимодействующих принципов уголовного процесса» [3], нормативно закрепленная в главе 2 УПК РФ.

Система принципов уголовного процесса существует в единой правовой системе уголовного судопроизводства, в связи с чем, тесно взаимодействует с иными системами, входящими в его структуру, в том числе с системами общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства, образуя между ними сложные взаимосвязи и оказывая тем самым регулятивное воздействие на уголовно-процессуальные отношения и деятельность органов предварительного расследования и суда.

В вопросе соотношения категории «общих условий» и «принципы уголовного судопроизводства» в теории уголовно-процессуального права сложились два подхода, связанные с различной трактовкой и пониманием общих условий.

Согласно первому подходу, ряд авторов предполагает существование принципов, распространяющихся только на отдельные стадии уголовного судопроизводства. Так, по мысли М.С. Строговича, существует понятие принципов отдельных стадий - «определяющие и руководящие положения принципиального значения», обусловленные особенностью стадии [4].

Указанную позицию поддерживал И.Л. Петрухин, который считал, что «каждая стадия отличается определенной спецификой, которая находит выражение в свойственной только данной стадии принципах» [5].

Сторонники этого подхода ставят знак равенства между категорией «общие условия» и принципами уголовного судопроизводства, определяя общие условия предварительного расследования и общие условия судебного разбирательства как принципы уголовного процесса, реализуемые в досудебном и судебном производстве.

Однако, на наш взгляд, данный подход не удачен и необоснован, так как возникает вопрос о том, каждое ли общее условие предварительного расследования, из указанных в главе 21 УПК РФ, а также судебного разбирательства, закрепленных главой 35 УПК РФ, выступает в роли принципа, пронизывая всю стадию, реализуется ли оно во всех уголовно-процессуальных отношениях, возникающих на данной стадии уголовного судопроизводства, осуществлении любых процессуальных действий, принятии различных процессуальных решений?

Существование в теории уголовно-процессуального права различных взглядов на общие условия порождает неоднозначный подход законодателя при выборе конкретных норм права, отнесенных им к категории «общие условия». Так, им не всегда четко отграничиваются в тексте уголовно-процессуального закона общие условия предварительного расследования от принципов уголовного процесса и общих положений, характерных для других стадий. Причем данная проблема – не «эксклюзивное достояние» современного УПК РФ.

Например, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года к общим условиям отнесены некоторые полномочия следователя, а в УПК РСФСР в главе «Общие условия предварительного следствия» значительная часть положений регулировала порядок производства дознания.

В современном законодательстве противоречивое понимание категории «общие условия», с одной стороны, как отдельной категории в системе уголовного судопроизводства, а с другой, как принципов определенной стадии процесса, нашло свое отражение в части нормативно-правового закрепления в главе 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования» статьи 161 УПК РФ, а в главе 35 «Общие условия судебного разбирательства» - статей 240, 241, 242 УПК РФ.

В результате, в общие условия, как предварительного расследования, так и судебного разбирательства, включены нормы права, которые по своей юридической природе тяготеют быть определенными как принципы уголовного судопроизводства – силу масштабности их регулятивного воздействия.

Такая конструкция общих условий в уголовном процессе не совсем удачна, на наш взгляд, и требует реформирования путем исключения указанных норм права из категории общих условий, и соответственно, рассмотрения вопроса об их расположении (с определенной трансформацией) в главе 2 УПК РФ. О том, что законодатель допустил ошибки при формировании модели современной системы принципов уголовного процесса, понизил роль ряда принципиальных положений до «ранга» общих условий судебного разбирательства - в свое время писала Е.А. Зайцева [6].

При этом наша позиция по совершенствованию системы общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства, что немало важно, не противоречит традиционному взгляду, неоднократно высказанному различными авторами об отнесении гласности, непосредственности и устности к принципам уголовного судопроизводства.

Например, еще А.Я. Вышинский указывал, что в системе дореволюционного уголовного судопроизводства «гласность, устность, непосредственность и состязательность являются важнейшими принципами судебного разбирательства» [7].

М.С. Строговичем в системе принципов уголовного судопроизводства также указывались гласность процесса, непосредственность судебного разбирательства и устность процесса [8].

Возможно «возвращение к истокам», послужит одним из научных обоснований новой теоретической модели общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства, своеобразным «идейным плацдармом» для обновления главы 2 УПК РФ иными принципами уголовного судопроизводства.

Ведь «принципы вырабатываются не законодателем. Законодатель получает их в готовом виде. Принципы вырабатываются наукой. Абстрагирование общих положений из объективно реальности - это функция научного мышления…» [9].

Таким образом, исследуя вопрос соотношения категории «общих условий» и принципов уголовного судопроизводства в рамках разработки оптимальной систематизации общих условий предварительного расследования и общих условий судебного разбирательства в действующем законодательстве Российской Федерации, мы считаем, что общие условия уголовного процесса не должны включать в себя масштабные идеи, равнозначные принципам уголовного судопроизводства. Реформирование систем общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства представляется значимым направлением совершенствования уголовного процесса в современных условиях и требует дальнейшего углубленного изучения данных общностей.

При этом проблематика рассмотрения вопроса соотношения категории «общих условий» и принципов уголовного судопроизводства в части выделения из системы общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства отдельных условий и признании их принципами уголовного производства в целом, поможет сформировать и закрепить в теории уголовно-процессуального права единые критерии относимости норм права к группе общих условий, более четко разграничить их с принципами уголовного судопроизводства, а также закрепить в действующем УПК РФ наиболее жизнеспособные системы общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства, отвечающие потребностям современной науки и правоприменительной практики.

1. Даль. В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: М.: Терра,1994. Т. 3. С. 431.

2. Володина А.Н. Гласность уголовного судопроизводства: правовая природа, содержание и проблемы реализации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009.

3. Ерашов С.С. Система принципов современного отечественного уголовного процесса; теоретико-правовые аспекты и практика применения [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: РГБ, 2003 (Из фондов Российской Государственной библиотеки).

4. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Юрид. Лит., 1980. С. 56.

5. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности. М.: Наука, 1968. С. 84.

6. Зайцева Е.А. Понятие принципа состязательности сторон и его соотношение с состязательными началами уголовного судопроизводства // Черные дыры в Российском законодательстве. 2005. № 3. С. 257-258.

7. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 5.

8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 124-127.

9. Томин Т.О. О понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МООП РСФСР. Вып. 12. М.: НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1965. С. 195.

Ключевые слова: уголовный процесс, общие условия предварительного расследования, общие условия судебного разбирательства, принципы уголовного судопроизводства.

УДК 343.1

ПРЕДМЕТ И ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Расулова Наталья Сергеевна,
начальник кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Журавлева Наталья Михайловна,
адъюнкт,
Уральский юридический институт МВД России,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

В статье рассматривается предмет и особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме.

Ряд ученых и правоприменителей придерживаются мнения о том, что при производстве дознания в сокращенной форме предмет доказывания является усеченным, так как установление весьма существенных и значимых обстоятельств, предусмотренных пп. 3, 5, 7 части первой ст. 73 УПК РФ, не предусмотрено положениями главы 32.1 УПК РФ [1; 2; 3; 4]. Полагаем, что обоснованием данной позиции является буквальное толкование положений части первой ст. 226.5 УПК РФ, где указано, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, позволяющем установить событие преступления, характер и размер вреда, причиненного преступным деянием, и виновность лица, в инкриминируемом ему преступлении.

Иное мнение в ходе проведенного исследования сложилось у Л.А. Ярыгиной, которая, отмечая отсутствие каких-либо ограничений в сокращенном дознании при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, считает, что: «Предмет доказывания по уголовным делам, расследуемым по правилам главы 32.1 УПК РФ, является таким же, как и по уголовным делам, расследуемым в общем порядке» [5, с. 80].

Полагаем, что при толковании части первой ст. 226.5 УПК РФ дословно, можно отметить уменьшение перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу при производстве дознания в сокращенной форме. В свою очередь, мы придерживаемся позиции о том, что «… по своему существу предмет доказывания по каждому конкретному уголовному делу *един*» [5, с. 299], в связи с чем

круг обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании уголовного дела с применением сокращенной формы дознания не должен отличаться от предмета доказывания при производстве дознания в общем порядке.

Учитывая то, что пп. 1 и 2 части первой ст. 226.2 УПК закреплены обстоятельства, исключающие возможность расследования уголовного дела с применением дознания в сокращенной форме (установление возраста, установление психического и физического состояния здоровья), мы приходим к выводу о том, что одним из условий расследования уголовного дела с применением дознания в сокращенной форме является установление обстоятельств, характеризующих личность лица, причастного к совершению виновного, общественно опасного, уголовно-наказуемого деяния, а также обстоятельств, влекущих за собой исключение наступления уголовной ответственности и применения наказания, другими словами, обстоятельства, законодательно закрепленные в пп. 3 и 7 части первой ст. 73 УПК, а также частично касающиеся пп. 5 и 6 указанной уголовно-процессуальной нормы.

Кроме того, следует не забывать, что содержание обвинительного постановления предусматривает документальное закрепление обстоятельств, определенных пунктами 1-8 части первой ст. 225 УПК РФ, которые обязывают дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме устанавливать все обстоятельства, подлежащие доказыванию, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, за исключением п. 8 части первой указанной нормы, применимой при расследовании уголовных дел, не относящихся к подследственности дознания.

Таким образом, предмет доказывания при производстве дознания в сокращенной форме совпадает с общим типовым предметом доказывания, законодательно закрепленным в ст. 73 УПК РФ.

Особого внимания заслуживают особенности доказывания, законодательно предусмотренные при применении дознания в сокращенной форме. Так, положения части второй ст. 226.5 УПК РФ обязывают дознавателя, при производстве дознания в указанной форме, выполнить лишь те следственные и процессуальные действия, непроведение которых сопряжено с возможной невосполнимой утратой следов совершенного преступного деяния либо иных доказательств.

Обращаясь к ранее изложенному выводу о предмете доказывания по делу с применением дознания в сокращенной форме, согласно которому дознаватель устанавливает все обстоятельства, перечисленнвые в части первой ст. 73 УПК РФ, за исключением п. 8 указанной нормы, полагаем, что дознаватель, осуществляя расследование по

уголовному делу в сокращенной форме, руководствуясь п. 1 части третьей ст. 41 и ст. 226.5 УПК РФ, обладает процессуальной самостоятельностью, позволяющей ему определить для его разрешения объем следственных и иных процессуальных действий, исходя из конкретных обстоятельств уголовного дела, находящегося в производстве, необходимый [7].

В связи с изложенным считаем, что собирая доказательственную базу по уголовному делу, дознаватель должен учитывать тот факт, что согласно части третей ст. 226.3 УПК РФ потерпевший или его представитель, подозреваемый, обвиняемый могут в любой момент отказаться от производства по делу дознания в сокращенной форме, заявив соответствующее ходатайство. Поэтому доказательств, собранных должностным лицом, осуществляющим по делу дознание в указанной форме, в случае необходимости должно быть достаточно для окончания расследования с применением дознания в общем порядке.

Предполагаем, что особенности доказывания при производстве по делу дознания в сокращенной форме заключаются в положениях части третей ст. 226.5 УПК РФ, которые наделяют дознавателя особыми, не характерными для других форм предварительного расследования правами: не осуществлять проверку доказательств, если они не оспариваются подозреваемым и его защитником, потерпевшим или его представителем; не производить допросы лиц, объяснения которых получены в ходе проведения доследственной проверки, за исключения случаев, перечисленных в указанной норме; не назначать экспертизу по вопросам, если ответы на них содержатся в заключении специалиста, полученного по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, и опять же за исключением ряда ситуаций, конкретизированных законодателем.

Следует отметить, что положения части третей ст. 226.5 УПК РФ также предусматривают и дополнительные права ряда участников, а именно: потерпевшего или его представителя, подозреваемого и его защитника. К таким правам мы относим: право оспаривать доказательства, право оспаривать допустимость доказательств и право ставить под сомнение выводы заключения специалиста [8].

Считаем, что перечисленные права в определенной мере ограничивают процессуальную самостоятельность дознавателя, осуществляющего производство дознания в сокращенной форме. Однако возможность реализовать их (права) в ходе предварительного расследования вызывает сомнение, по следующим основаниям:

- во-первых, предоставление потерпевшему или его представителю, подозреваемому и его защитнику в ходе предварительного рас-

следования того или иного доказательства является достаточно редким явлением. Как правило, это происходит при ознакомлении с материалами дела и обвинительным постановлением. В свою очередь, потерпевшему или его представителю еще необходимо заявить соответствующее ходатайство о желании ознакомиться с материалами уголовного дела и итоговым документом проведенного по делу сокращенного дознания (часть третья ст. 225 УПК РФ);

- во-вторых, действующим уголовно-процессуальным законодательством, в отличие от процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы, не предусмотрена обязанность дознавателя в ходе предварительного расследования знакомить вышеперечисленных участников уголовного процесса с заключением специалиста. В связи с чем о существовании данного доказательства потерпевший или его представитель, подозреваемый и его защитник, могут узнать при ознакомлении с материалами дела и обвинительным постановлением.

Подводя итоги нашего исследования, мы приходим к следующим выводам:

1) обстоятельства доказывания при производстве дознания в сокращенной форме совпадают с общим предметом доказывания, законодательно закрепленным в ст. 73 УПК РФ, за исключением п. 8 указанной нормы;

2) особенности доказывания при применении по делу сокращенной формы дознания заключаются в том, что законодатель наделяет дознавателя дополнительными правами (полномочиями), которые не применимы к другим формам предварительного расследования;

3) в части третей ст. 226.5 УПК РФ содержатся положения, определяющие ряд дополнительных прав потерпевшего или его представителя, подозреваемого и его защитника, касающихся оспаривания доказательств, их достоверности, выражения сомнений в отношении выводов специалиста, которые в определенной степени ограничивают процессуальную самостоятельность дознавателя.

---

1. Алексеев И.М. Актуальные проблемы правовой регламентации сокращенной формы дознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 88–92.

2. Кругликов А.П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. №7. С.45-50.

3. Мичурина О.В. Химичева О.В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: замысел зако-

нодателя и практический результат // Российский следователь. 2016. № 5. С. 18-22.

4. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. № 4. Апрель 2013. С. 12-19.

5. Ярыгина Л.А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2017. С. 252.

6. Уголовный процесс: учебник/ [Александрова Л.А. и др.]; под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. Москва: Волтерс Клувер, 2011. С. 1056.

7. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Планирование расследования преступлений: содержание понятия и проблемы организации УПК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1. С. 129-132.

8. Чаплыгина В. Н. Реализация уголовно-процессуальных норм при производстве «доследственной» проверки // Наука и практика. 2014. № 4. (61). С. 197.

Ключевые слова: предмет, особенности, доказывание, производство, дознание, сокращенная форма.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЛИЦ, ОБЛАДАЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ЗНАНИЯМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Семенов Евгений Алексеевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орёл, ул. Игнатова, д. 2

В статье исследуются вопросы определения процессуального статуса врача, педагога, психолога, участвующих при производстве следственных и иных процессуальных действиях, и их правовое положение в уголовном судопроизводстве. Автором обосновывается необходимость объединения участников процесса разных специальностей в собирательное процессуальное понятие «специалист».

Участие сведущих лиц в ряде следственных действий является императивным требованием закона. Так, обязательное участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого предусмотрено ст. 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), обязательное участие педагога в допросе несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего – ст. 191 УПК РФ, врача при осмотре трупа – ч. 1 ст. 178 УПК РФ и освидетельствовании – ч. 4 ст. 179 УПК РФ.

Вместе с тем, вопрос о том, выступают ли педагог, психолог, врач, а также переводчик, участвующие в следственном действии в качестве специалиста, является в литературе дискуссионным [1].

Не внес ясность в данную дискуссию и Федеральный закон от 02 июля 2013 № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который дополнил ст. 5 УПК РФ пунктом 62, к котором закрепил понятие «педагог». Согласно указанной норме, педагог – это педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся.

По мнению одних авторов, полномочия педагога или психолога в следственных действиях шире полномочий специалиста, поскольку педагог осуществляет в уголовном процессе сложную функцию, в которой сочетаются обязанности специалиста, защитника и понятого [2]. Следует отметить, что правовая регламентация процессуального статуса и деятельности педагога, участвующего в следственных действиях, в УПК РФ по сравнению с УПК РСФСР не претерпела существенных изменений и продолжает оставаться слабой.

В этой связи Ф. Багаутдинов полагает, что УПК РФ должен содержать отдельную статью, регламентирующую процессуальное положение педагога. По его мнению, педагог (психолог), участвующий в следственном действии с участием несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), имеет все основания для существования в уголовном процессе как самостоятельная процессуальная фигура [3].

Содержанием деятельности педагога, психолога или врача, участвующего в производстве следственного действия, является не удостоверение факта производства, хода и результатов следственного действия и не защита интересов его участников, а содействие следователю и дознавателю в получении и закреплении доказательств. Их

функции аналогичны функциям специалиста, а не защитника либо понятого. Требования, предъявляемые законом к педагогу, психологу и врачу, такие же, как и к специалисту: обладание специальными знаниями и незаинтересованность в исходе уголовного дела.

Психолог или педагог, участвующий в допросе несовершеннолетнего, оказывает содействие следователю, дознавателю в применении психологических приемов и методов для изучения психологического состоянии несовершеннолетнего, в адекватной оценке его возможностей по восприятию и воспроизведению определенных фактов, событий и обстоятельств.

И.В. Гецманова рассматривает психологические знания как специальные и считает, что «лицо, обладающее специальными психологическими знаниями, может выступать в роли специалиста или эксперта» [4]. Тождественность функций специалиста, педагога, психолога и врача признают и многие другие авторы [5].

В законодательстве ряда зарубежных стран правовой статус педагога, психолога и врача приравнен к правовому статусу специалиста. Так, согласно ст. 62. УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З педагог или психолог, участвующие в допросе несовершеннолетних подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, также являются специалистами [6].

Согласно ч. 1 ст. 97 УПК Туркменистана от 18 апреля 2009 года № 28-IV в качестве специалистов могут быть вызваны врач, педагог и другие лица, имеющие соответствующее образование, специальность и опыт [7].

О тождественности правового статуса врача и специалиста свидетельствует и анализ отдельных положений статей 178, 179 УПК РФ, в которых прямо указано, что кроме врача, для осмотра трупа или освидетельствования могут привлекаться и другие специалисты. Врач, педагог и психолог отвечают всем требованиям, предъявляемым законом к специалисту.

«Наиболее проработанным в законе, – как отмечают А.В. Куликов и А.А. Новиков, – является процессуальное положение сведущего лица такой профессии, как переводчик» [8]. Признание законом переводчика самостоятельным участником процесса и отнесение его к иным участникам уголовного судопроизводства, как отмечают отдельные авторы[9], завершило научные дискуссии о его процессуальном положении. С.П. Щерба, в этой связи подчеркивает, что в УПК РФ впервые на законодательном уровне определены правовой статус и правомочия переводчика как независимого, незаинтересованного в

исходе дела участника процесса, не имеющего собственного интереса в уголовном судопроизводстве [10].

Анализируя соотношение процессуальных статусов переводчика и специалиста, некоторые авторы считают, что в настоящее время сложились все предпосылки для их объединения в единое целое [11].

С мнением указанных авторов нельзя согласиться. Права и обязанности специалиста, закрепленные в УПК РФ, значительно отличаются от прав и обязанностей переводчика. Переводчик осуществляет свои полномочия исключительно в целях уточнения своего перевода, правильности записи перевода. В отличие от специалиста, переводчик не обязан спрашивать у дознавателя, следователя и суда разрешение, чтобы задать вопросы допрашиваемому, когда возникает необходимость уточнить перевод. Переводчик вправе делать замечания исключительно по поводу правильности записи перевода в протоколе следственного действия, произведенного с его участием.

Специалист, как было отмечено выше, вправе пользоваться помощью переводчика бесплатно. Отождествление в данном случае переводчика со специалистом недопустимо, поскольку, в противном случае, право специалиста пользоваться помощью специалиста было бы лишено практического смысла.

Таким образом, специалист и переводчик являются различными по правовому статусу участниками уголовного процесса.

Напротив, педагог, психолог и врач, исходя из их места в системе участников уголовного процесса, назначения и выполняемых в уголовном судопроизводстве функций обладают всеми признаками специалиста как участника уголовного процесса и требования, предъявляемые законом к ним и к специалисту – идентичны. В связи с этим, а также исходя из необходимости обеспечения однозначности применяемой в УПК РФ терминологии, было бы целесообразным закрепить в соответствующих статьях УПК РФ вместо слов «врач», «педагог» и «психолог» слово «специалист» с указанием соответствующей специальности.

Внесение в УПК РФ данных изменений позволит устранить недостатки в определении процессуального положения специалиста в уголовном судопроизводстве, объединит участников процесса разных специальностей в собирательное процессуальное понятие «специалист».

---

1. Семенов Е.А. Участие сведущих лиц в уголовном судопроизводстве России // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции : В 2 томах. 2015. С. 228-231.

2. Земцова С.И. Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ: автореф. дисс. к.ю.н. / МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя. Москва, 2017.С. 13-14.

3. Багаутдинов Ф. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 43.

4. Гецманова И.В. Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе: Уч. пособ. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2013. С. 29.

5. Васюков В.Ф., Семенов Е.А. Правовая основа применения технических средств при производстве следственных процессуальных действий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 135-139.

6. УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // Http://www.tamby.i№fo/kodeks/ypk.htm.

7. УПК Республики Туркменистан от 18 апреля 2009 года № 28-IV. – А.: Turkmen dowlet nesiryat gullugy, 2009.

8. Куликов А.В. Соотношение процессуального положения специалиста, психолога, педагога и переводчика в уголовном судопроизводстве России / А.В. Куликов, А.А. Новиков // Российский судья. 2007. № 1. С.33.

9. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: Уч. для вузов / Под ред. В.Н. Галузо. 2-е изд., испр. и доп. М.: Зерцало, 1999. С. 130-135; Курс советского уголовного процесса. Общ. часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит, 1989. С. 443, 449.

10. Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе: Научно-практ. пособ. М.: Изд-во «Экзамен», 2005. С. 54.

11. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 80-84.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, следственные действия, специалист в уголовном процессе; педагог, психолог, врач, переводчик, как участники уголовного судопроизводства.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ

Свежинцев Евгений Иванович,
адъюнкт,
Волгоградская академия МВД России,
400088, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье автор рассматривает проблемы понимания как самого ограничения права на доступ к информации с учетом имеющихся международных, конституционных и отраслевых норм, так и оснований указанных ограничений в уголовном судопроизводстве.

На сегодняшний день в уголовном судопроизводстве вопрос о реализации гласности требует нового осмысления – с учетом современных тенденций[1]. Несмотря на то, что принцип гласности имеет серьезную международную правовую и конституционную основу, стоит учитывать то, что уголовное судопроизводство – это специфический вид деятельности, нередко сопровождающийся ограничением конституционных прав граждан, в связи с чем указанное правовое положение в данном виде отношений не может реализоваться безгранично, а реализация права на доступ к информации в рамках производства по уголовному делу имеет свою специфику.

Отраслевой законодатель устанавливает пределы действия права на доступ к информации, что находит отражение в балансе проявления тайны предварительного следствия и гласности уголовного судопроизводства. При этом у законодателя оба эти положения (тайны и гласности) позиционируются как общие условия предварительного расследования и судебного разбирательства соответственно. И ограничения принципа гласности и открытости судопроизводства связаны с защитой прав и свобод отдельных личностей, сохранением основ общественной морали и общественного порядка, охраной государственной или другой защищенной законом тайны [2].

В утвержденной 5 декабря 2016 г. Президентом РФ Доктрине информационной безопасности РФ под тезисом «информационная безопасность» понимают «статус защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [3].

[1] В современных условиях, ориентируясь на итоги проводимой реформы МВД России, можно констатировать, что государство делает больший акцент на открытость и гласность в деятельности этого ведомства, усиливая общественный контроль за работой правоохранительных органов и тем самым обеспечивая прозрачность их деятельности (см.: [1]).

В данном случае под интересами личности в указанной сфере понимается осуществление конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, также ее использование в целях осуществления не запрещенной законом деятельности. Идейной основой для выстраивания такого разумного баланса выступают нормативные положения международных правовых актов и конституционные установления.

Основные постулаты, формулирующие понятие правового ограничения, представлены в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [4].

Применительно к правам в сфере информации более конкретно ограничения сформулированы в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, где отмечается, что каждый вправе свободно «искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору» (ч. 2), и что пользование данными правами может быть, «сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являются необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения» [5]. Таким образом – реализация права на доступ к информации и ее свободное распространение не безгранична, пользование данным благом предусматривает особую обязанность и особую ответственность.

Для российского национального законодательства наряду с международными стандартами в области прав и свобод идейную основу для выстраивания баланса частных и публичных интересов в различных сферах составляют положения конституционных норм. Согласно Конституции РФ, а именно ч. 3 ст. 55, целью ограничений прав человека и гражданина является «защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [6].

Из данного конституционного установления можно сделать вывод, что правовое ограничение представляет собой определение пре-

делов реализации прав личности в обществе и государстве на основе принципов права, нравственности и справедливости.

Для государства, целью которого является нормальное функционирование и развитие всех сфер жизни общества, необходимо уделять пристальное внимание вопросам доступа граждан к информации, в особенности – в уголовном судопроизводстве. Ведь именно в данной сфере часто происходит ограничение установленных Конституцией РФ прав граждан, т.е. иными словами, совершается процесс противоборства публичных и частных интересов. С одной стороны, государство стремится поставить на первое место гражданина с его правами и свободами, обозначив его высшей ценностью в правовом государстве, а с другой – ограничивать права и свободы граждан в интересах борьбы с преступностью, восстановления нарушенных прав граждан, а также недопущения использования лицами, совершившими преступления, своих прав и свобод в противоправных целях.

В этой связи необходимо рассматривать ограничение прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве как гарантию защиты от злоупотребления этими правами со стороны правонарушителей и недобросовестных участников уголовно-процессуальных отношений. Именно с данной точки зрения обосновывается возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ и УПК РФ.

Следуя ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, Конституция РФ гарантирует гражданам, что любой имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. В тоже время, Основной закон страны устанавливает возможность ограничения конституционных прав.

Кроме того, следует понимать, что содержащиеся в международных правовых актах и Конституции РФ правила и ограничения в части права на доступ к информации носят обобщённый характер и находят свое развитие в федеральных законах и кодифицированных законодательных актах.

Так, в статье 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [7], указанные положения дублируют и дополняют положения международных и конституционных нормативно-правовых актов, а последующее со-

держание указанного закона раскрывает и уточняет вышеуказанные тезисы. Так же, согласно ч. 2 ст. 3 этого федерального закона, правовое регулирование отношений, возникающих в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, основывается на принципе установления ограничений доступа к информации только федеральными законами [7].

В данном случае имеются ввиду специализированные нормативные акты, ограничивающие указанное право, либо в зависимости от вида ограничения, либо из-за категории доступа к ней. В последнем случае имеется ввиду перечень информации, доступ к которой ограничен.

Кроме того, в ч. 3 ст. 5 вышеуказанного закона приводится перечень информации в зависимости от порядка ее предоставления или распространения, а именно: информация, свободно распространяемую; информация, предоставляемую по соглашению лиц, участвующих в соответствующих отношениях; информация, которая в соответствии с федеральными законами подлежит предоставлению или распространению; информация, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается [7]. Отдельные положения данной градации находят свое отражения в уголовно-процессуальной сфере, что будет раскрываться далее при дальнейшем анализе рассматриваемого нами права.

Следует обратить особое внимание на основания ограничения права на доступ к информации – ведь они являются теми основными причинами, которые предопределяют закрепление в Конституции РФ и других нормативно-правовых актах пределы реализации указанного права, а также служат гарантами соблюдения позитивного баланса между интересами личности, общества и государства.

По мнению А.А. Переверзева, под основаниями ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина необходимо понимать обусловленную политическими, экономическими и социальными факторами, основанную на законе систему конституционно-правовых предписаний, определяющих сущность, субъектов, временные и пространственные рамки ограничения в интересах государства и общества, а также в целях защиты государства, общества и третьих лиц [8].

Исходя из этого определения, а также идеи, сформулированной в научной литературе относительно градации оснований ограничения прав и свобод человека [9], приходим к выводу о том, что основания ограничения прав человека носят многоуровневый характер, образуя особую систему: то есть имеются **первостепенные основания**, кото-

рые определяют общие рамки ограничений прав и свобод граждан, находящие свою конкретизацию в федеральных конституционных законах. Указанные *нормативно установленные основания* можно подразделить на ***три уровня***: международный уровень, конституционный уровень и уровень федеральных и федерально-конституционных законов.

А также выделяются **второстепенные** – *юридические основания*, то есть с учетом нормативных установлений в конкретной правоприменительной деятельности следователей и дознавателей они находят свое реальную воплощение с помощью актов органов исполнительной или судебной власти, когда следователь, используя нормативную основу, закрепленную в перечисленных выше нормативных источниках, по конкретному уголовному делу, исходя из *фактических оснований*, а именно потребности в сохранении в тайне той или иной информации, необходимости защиты чьих-то интересов, выносит решение и тем самым создает законную основу для ограничения соответствующего конституционного права.

При этом каждой правоприменительной ситуации следователь для получения юридического основания для ограничения права гражданина должен в своем решении привести весомые аргументы в пользу такого правоограничения (либо в ряде случаев – убедить судью в наличии действительных фактических оснований, диктующих необходимость ограничения права).

Что касается реализации права на доступ к информации в уголовном процессе, то в данном случае весьма актуальным будет мнение И.В. Смольковой, что «недозированная гласность способна нанести неправомерный ущерб правам и интересам граждан, общества и государства» [10]. В этой связи необходимо блюсти оптимальное сочетание интересов гражданина, расследования и правосудия в целом с точки зрения реализации принципа гласности.

---

1. Федотов М. А. Об обеспечении прав граждан и организаций на информацию о судебной деятельности судов общей юрисдикции в Российской Федерации // Информационное право. 2007. № 2. С. 13.

2. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / Отв. редактор д.ю.н. В.П. Кашепов. Москва: ИД «Юриспруденция», 2011. С. 39.

3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. (Утверждена Президентом РФ 5 декабря 2016 г. № 646) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.12.2016).

4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2017).

5. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.07.2017).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.05.2017).

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2017).

8. Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в российской федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Андрей Александрович Переверзев. Ставропольский государственный университет. Ставрополь, - 2006. С. 7.

9. Набока А.С. Система прав и свобод человека и гражданина и конституционно-правовые основания их ограничения в российской федерации / А.С. Набока // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 93-100.

10. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М: ЮИ МВД РФ. 1998. С. 30.

Ключевые слова: ограничения, право на доступ к информации, основания ограничения права, уголовное судопроизводство.

УДК 343.131

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОБЪЕКТ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА

Скобелин Сергей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий криминалистической лабораторией,
Московская Академия Следственного комитета
Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Денисов Евгений Александрович,
магистр 2 курса факультета магистерской подготовки
юридического института,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации,
125080, г. Москва, ул. Врубеля 12

В статье рассматривается криминалистическая значимость страниц социальных сетей участников уголовного процесса, предлагается тактика их осмотра. Предлагается последовательность изучения социальных страниц для наиболее эффективного проведения следственного действия и порядок процессуального оформления.

Социальная сеть (англ. social network) - это часть информационного пространства сети Интернет (интерактивная многопользовательская платформа, онлайн-сервис и веб-сайт), предназначенная для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений в Интернете [1].

Осмотр электронных устройств и поиск криминалистически значимой информации в социальных сетях участников уголовного судопроизводства приобретает все большую актуальность в раскрытии и расследовании преступлений. Такой осмотр можно провести как в ходе до следственной проверки, так и в ходе расследования преступления без получения судебного решения.

При подготовке, совершении или сокрытии преступлений, их участники часто общаются между собой или жертвой преступления в социальных сетях. Ряд преступлений непосредственно совершаются при помощи таких сетей (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УКРФ); организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ); клевета (ст. 128.1 УК РФ); незаконные изго-

товление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) и др.). Также полезная информация может быть получена в ходе осмотра страниц социальных сетей лиц, пропавших без вести и их связей.

В России самыми популярными из открытых социальных сетей для общения и обмена медиа-контентом стали «Вконтакте», «Facebook», «Одноклассники», «Linkedin»; «Instagram» и «Twitter».

Изучение следственной практики и теоретических разработок в данной области отражает некоторый пробел. Следователи не обладают навыками результативного проведения таких следственных действий с соблюдением процессуальной формы, отсутствуют также какие-либо методические рекомендации.

Осмотр страницы в социальной сети возможно провести тремя способами:

1) Открытой страницы пользователя на его устройстве;

2) С введением логина и пароля к странице, как на его устройстве, так и на другом с выходом в «Интернет»;

3) Осмотр страницы социальной сети через другую страницу с введением логина и пароля к последней.

Самым простым способом обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, содержащейся в социальных сетях Интернета, является непосредственный осмотр открытой страницы в социальной сети участника уголовных правоотношений на его смартфоне, планшетном или стационарном компьютере.

Для этого необходимо изъять данное устройство в ходе поисковых следственных действий (осмотр места происшествия, обыск, выемка, личный обыск), после чего уже отдельным следственным действием провести осмотр данного предмета. Логин и пароль следует получить у владельца страницы социальной сети. Часто многие пользователи используют функцию автосохранения (сохраняют логин и пароль на своем телефоне или компьютере, чтобы в дальнейшем заходить на свою страницу в социальной сети без повторного введения логина и пароля).

Также, в случае необходимости, осмотр социальной страницы можно произвести прямо в ходе осмотра места происшествия. Еще одним вариантом ознакомления с содержимым переписки в сетях является проведение компьютерно-технической экспертизы (это касается сложных случаев удаления, блокировки данных или повреждения гаджета).

Несомненно, самым эффективным способом осмотра страницы в социальной сети является осмотр с введением логина и пароля к ней. Это связано с тем, что в социальных сетях есть настройки приватности, с помощью которых пользователь может ограничить доступ других лиц к отдельной информации.

Сохраняется возможность осмотреть страницу в социальной сети конкретного лица и в тех случаях, когда устройство, через которое оно заходит на эту страницу, отсутствует и (или) которое невозможно обнаружить (например, при безвестном исчезновении граждан с мобильным телефоном). В такой ситуации на практике зачастую осматривают страницу социальной сети участника через электронное устройство следователя.

Учитывая характер расследуемого преступления и специфику предмета доказывания по конкретному уголовному делу, в протоколе осмотра страницы в социальной сети необходимо отразить:

1) Название социальной сети («ВКонтакте», «Одноклассники» и т.д.);

2) Один из указанных выше способов осмотра страницы;

3) Персональный идентификатор страницы - ID пользователя (расположен в верхнем левом углу окна обозревателя, в адресной строке);

4) Анкетные данные о пользователе страницы (ФИО, дата и место рождения, местожительство, номер телефона и т.д.);

5) Количество «друзей», «подписчиков»; «последнее посещение страницы пользователем»;

6) Сведения об имеющей значение для уголовного дела переписке с другими пользователями (сведения о другом пользователе, дата и время начала и окончания переписки, дословное содержание переписки);

7) Сведения об аватаре и иных криминалистически значимых фотографиях на странице (кто и где изображен на фотографии, дата размещения, количество «просмотров», количество «лайков», комментарии к фотографиям, задний фон, обстановка, метаданные);

8) Сведения о видеозаписях (кто и где изображен на них, продолжительность, дата размещения, количество «просмотров», количество «лайков», комментарии к видеозаписям и т.д.);

9) Сведения о группах (сообществах), в которых состоит пользователь (наименование группы, количество участников, аватар группы и т.д.).

Персональный идентификатор страницы необходим для последующего запроса руководству социальной сети о получении следующей информации:

- IP-адрес и MAC-адрес оконечного оборудования и номер порта источника, через которое осуществлялся доступ к сети Интернет и с которого проводилась регистрация профиля пользователя социальной сети, а также доступ к профилю;

- дата, время регистрации;

- абонентский номер мобильного телефона и e-mail адрес пользователя, которые использовались при регистрации или для подтверждения смены пароля.

Получив сведения об IP-адресе можно самостоятельно используя открытые сайты установить оператора связи, предоставляющего услуги сети Интернет, регион выхода в сеть. Зная MAC-адрес, следователю не составит труда определить производителя сетевого оборудования.

Количество просмотров и «лайков», к примеру, видеофайла, имеющего экстремистское или порнографическое содержание, позволит доказать факт его распространения. А сохраненные метаданные фотоснимков позволяют определить координаты места производства съемки, дату и применяемые технические средства.

Для наибольшего восприятия криминалистически значимой информации, содержащейся в социальных сетях, помимо протокольной формы фиксации рекомендуется использовать также фото- и видеофиксацию.

В последнее время на практике для фиксации такой значимой информации, содержащейся в социальных сетях, все чаще стали использоваться так называемые скриншоты.

Скриншот (англ. screenshot) – это изображение, полученное компьютером и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора в конкретный момент времени. Самый простой способ получения скриншота для операционных систем Microsoft Windows — это использование клавиши PrtScr, расположенной на клавиатуре компьютера. С помощью данной клавиши лицо может зафиксировать обстановку как на его компьютере (сведения о компьютере, различных файлах), так и интернет-страницы.

Ввиду того, что страница социальной сети может иметь большую протяженность по вертикали (как и любая интернет-страница), то при создании скриншотов данной страницы, думается, необходимо использовать такой криминалистический прием, как панорамирова-

ние, который является основным способом запечатлевающей криминалистической фотографии.

Следственно-судебной практикой не выработано единого способа оформления скриншотов в протоколе осмотра. Анализ следственной практики позволяет выделить следующие способы:

1) Помещение скриншотов непосредственно в описательную часть протокола осмотра;

2) Оформление скриншотов в виде фототаблицы в качестве приложения к протоколу осмотра;

3) Копирование скриншотов на CD-диск, который прилагается к протоколу осмотра.

В необходимых случаях рекомендуется применять видеозахват при помощи прикладных программ фиксации, что позволит избежать утраты доказательств в случае дальнейшего удаления аккаунта пользователем[2].

---

1. Социальная сеть // Википедия. [2017—2017]. URL: http://ru.wikipedia.org/?oldid=85548865 (дата обращения: 17.10.2017).

2. Информационное письмо следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю «Об особенностях проведения проверок и расследования уголовных дел, связанных с использованием социальных сетей (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Вестник Главного управления криминалистики № 9 (декабрь) 2016 года. С. 8.

Ключевые слова: Расследование преступлений, интернет, социальны сети, электронные следы, собирание, скриншоты.

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕРВИСОВ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Смагин Павел Геннадьевич,
преподаватель,
Воронежский институт МВД России,
394000, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53

В статье анализируются отдельные возможности использования современных информационных технологий, в частности, сети Интернет при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

Многими учеными уже давно отмечается эффективность использования сети Интернет при раскрытии и расследовании преступлений. Одни указывают, что глобальную сеть Интернет можно использовать как источник криминалистически значимой информации для розыска преступников [1], другие отмечают что «открытость и глобальность Интернета, представляющего собой всемирную телекоммуникационную сеть, создают огромные потенциальные возможности, которые отечественным криминалистам важно полнее осознать, чтобы активнее использовать в целях раскрытия и расследования совершаемых в стране преступлений» [2].

Активное развитие глобальной сети Интернет, безусловно, влияет на степень информатизации общества и органов государственной власти, однако, следует отметить, что в своей работе правоохранительные органы использует глобальную сеть недостаточно. Предложенные в настоящей работе рекомендации позволят несколько по-иному оценить возможности и эффективность использования сети Интернет, как в процессе расследования преступлений, так и при их выявлении и раскрытии.

1. Розыск лиц. Для розыска лиц, представляющих интерес для процесса расследования по уголовному делу можно воспользоваться несколькими сервисами. Если имеется фотография лица, то можно найти аналогичную фотографию в сети Интернет. Для поиска можно воспользоваться возможностями сайтов «Яндекс» и «Google», которые в разделе «Картинки» позволяют осуществить поиск по сети аналогичной фотографии.

Однако, более предпочтительным является сервис, предлагаемый сайтом https://findface.ru/, который позволяет осуществлять поиск по чертам лица.

Однако, не всегда на личной странице разыскиваемого лица имеется реальная фотография, поэтому необходимо использовать иные методы поиска конкретного человека. Это можно сделать путем анализа активности IP, либо MAC адреса (если известно), проверки общих знакомых лица, участие в группах и т.д.

Необходимость решения различных задач, стоящих перед органами внутренних дел предопределяет активное использование информационных технологий геопозиционирования, в том числе сети Интернет.

2. Сервисы геопозиционирования. Так, в последнее время, весьма распространенными являются технологии и сервисы установления местоположения того или иного устройства, которые позволяют отследить перемещение конкретного человека. Наиболее доступными

являются возможности геопозиционирования с использованием базовых станций операторов мобильной связи (биллинг) [6].

Кроме того, возможность установления местонахождения того или иного устройства предоставляют операционные системы «Android» и «Apple IOS». На снимке экрана ниже показана возможность определения местонахождения телефона с точностью до 18 метров [4].

Безусловно, одним из самых распространенных следственных действий является осмотр места происшествия, который носит неотложный характер и «состоит в непосредственном изучении следователем и другими участниками осмотра обстановки места происшествия, в обнаружении, фиксации и изъятии следов и других вещественных доказательств в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела» [3].

При проведении осмотра места происшествия на открытой местности, где нет стационарных зданий, к которым может быть осуществлена привязка, необходимо использовать технологии глобального позиционирования (например, ГЛОНАСС, GPS), позволяющие наиболее точно определить местоположение объектов на месте происшествия и самого места преступления в пространстве.

3. Оповещение населения. Рассмотрение возможностей и выбор наиболее эффективного развития интернет-технологий в работе МВД РФ, на наш взгляд, должны основываться на международном опыте в указанной сфере. Интересный подход к использованию интернет-технологий для борьбы с преступностью был в свое время предложен Скотланд-Ярдом, объявившим о том, что будет рассылать жителям Лондона электронные письма (e-mail) с подробным описанием лиц, совершающих преступления в их районе. Таким способом полиция хотела защитить лондонцев от карманников, квартирных воров и угонщиков автомобилей. В Скотланд-Ярде рассчитывали на то, что этот проект, который стоит всего две тысячи фунтов, в корне изменит криминальную обстановку в городе. По мнению полицейских, через e-mail информация о преступниках будет попадать к горожанам гораздо быстрее, чем в случае публикации ее в газетах или размещения плакатов на улицах [5].

Однако, как представляется, для России в настоящий момент указанный способ оповещения граждан и розыска преступников не очень эффективен в силу негативного отношения к электронной почте (а именно к спаму), поэтому более эффективно публиковать информацию о совершаемых преступлениях в соответствующих разделах интернет-сайтов с административно-территориальным делением.

4. Установление стоимости похищенного. В процессе проверки сообщения о преступлении нередко у следователя возникает необходимость установления предварительной оценки стоимости похищенного имущества. Необходимо это в случаях отсутствия документов на похищенное, явное завышение или занижение размера причиненного ущерба. Рекомендуется для определения среднерыночной цены воспользоваться электронными торговыми площадками по продажи товаров. К примеру, для установления стоимости автомашины можно воспользоваться сайтом https://auto.ru. После введения сведений о похищенной автомашине (год, комплектация, цвет и т.д.) можно узнать информацию о среднерыночной стоимости автомобиля. Эта информация будет ориентировочной, но она поможет квалифицировать преступление.

Описанные рекомендации позволяют нам обоснованно утверждать, что эффективная деятельность правоохранительных органов на сегодняшний день неотрывна от использования информационных технологий, поэтому целесообразность наличия доступа к сети Интернет в следственных и оперативных подразделениях не подлежит сомнению. В то же время, для обеспечения защиты сведений, составляющих охраняемую законом тайну доступ в Интернет должен осуществляться с компьютера, не имеющего локальной связи с иными служебными компьютерами. На этом специально выделенном компьютере необходимо обобщать и использовать весь опыт использования сети Интернет в процессе борьбы с преступностью.

---

1. Белов О. А. Информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15; Мазитов Р.Р. Использование информационных технологий органами внутренних дел в раскрытии преступлений // Российский следователь. 2014. № 21.

2. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2015. С. 24.

3. Криминалистика / под ред. Б.П. Смагоринского. Волгоград, 1994. Т. 2. С. 118.

4. Васюков В.Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. 2016. № 23. С. 15-18.

5. Черкасов В.Н. Информационные технологии и организованная преступность [Электронный ресурс]-URL: http://www.crime-research.ru/articles/Cherkas03 (дата обращения: 17.10.2017 г.).
6. Васюков В.Ф. К вопросу о сущности следов преступлений, совершаемых в сфере информационно-коммуникационных технологий // Право и образование. 2016. № 8. С. 112-118.

Ключевые слова: информационные технологии, расследование уголовного дела, Интернет, выявление, раскрытие и расследование преступлений.
УДК 343.1

СТ. 25.1 УПК РФ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОВОГО ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Смыр Астан Джамалович,
адъюнкт,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

В статье автор на основе анализа уголовно-процессуальных норм и практики их применения рассматривает проблемы законодательного, законопроектного и правоприменительного характера, которые препятствуют широкому применению основания для прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Современная уголовная политика российского государства характеризуется либеральными течениями, находящими воплощение в ряде институтов, расширивших основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, что свидетельствует о выстраивании системы восстановительного правосудия, как гуманной альтернативы карающему правосудию. Безусловно, правовое государство, вставшее на путь демократических преобразований всех сфер жизни общества, должно обеспечить условия для защиты прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. И в то же время, как подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин, «закон должен быть гуманен к тем, кто оступился» [1].

В этих условиях уголовная репрессия должна быть меткой и применяться дозированно, чему в немалой степени способствует оптимально выстроенная система оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Расширение круга оснований для прекращения уголовного дела и уголовного преследования – это современный тренд демократических государств, свидетельствующий о попытках создания механизма минимизации последствий совершенного преступления, внедрения процессуальной экономии в производство по уголовным делам, не представляющим особой общественной опасности.

С учетом этого особый интерес у процессуалистов вызывает введенное в 3 июля 2016 г. Федеральным законом № 323-ФЗ [2] новое основание для прекращения уголовного дела и уголовного преследования, закрепленное в ст. 25.1, в соответствии с которой определена процедура применения основания освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Анализ предназначения этой новеллы в системе оснований прекращения уголовного дела – с учетом идей разработчиков проекта федерального закона № 953369-6, который летом 2016 г. приобрел конкретные очертания федерального закона № 323-ФЗ, дает повод для высказывания следующих суждений:

1. **Изначально основание, предусмотренное ныне ст. 25.1 УПК РФ в совокупности с мерами по декриминализации ряда составов преступлений, рассматривалось как действенное средство снижения судимости граждан за совершение преступлений небольшой тяжести.** Разработчики в Пояснительной записке к указанному законопроекту высказывали вполне обоснованную озабоченность ростом в России в общей структуре судимости количества осужденных именно за данные категории преступлений (практически каждый второй осужденный) [3]. Что значит судимость в современных условиях? Фактически «выпадение» гражданина на период, пока она не будет погашена, из «оборота» нормальных трудовых отношений (вспомним, что с некоторого времени получение справки об отсутствии судимости – это необходимое условие для осуществления многих видов деятельности). И данная проблема, по справедливому замечанию разработчиков, находится не только в плоскости реализации права на труд самого осужденного: негативные последствия судимости «рикошетом» бьют и по членам его семьи, что создает дополнительные сложности, обостряет социальные конфликты. Применение аль-

тернативного основания для освобождения от уголовной ответственности позволит избежать судимости до 25 тыс. человек.

Однако, как справедливо указывают некоторые авторы [4; 5] судимости не будет, но будет прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию, что также находит свое закрепление в учетах МВД РФ как негативное последствие, препятствующее устремлениям некоторых лиц занять определенные должности.

3. Следуя принципам справедливости, соразмерности и неотвратимости наказания, разработчики пытались найти разумный баланс конституционно охраняемых ценностей и частных интересов отдельно взятой личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство в связи с совершением этим лицом преступления небольшой или средней тяжести. Для этих целей предполагалось расширить сферу прекращения уголовных дел за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) – ввести в закон положения, которые бы обязывали следователя и дознавателя разъяснять им право на применение данного основания разрешения правового конфликта – в ином ракурсе, не связанном с назначением уголовного наказания виновному. Предусматривалось даже закрепление в обвинительном заключении (акте или постановлении) позиций сторон по реакции на предложение воспользоваться ст. 76 УК РФ. Отсутствие в итоговых обвинительных документах предварительного расследования такой информации разработчики считали необходимым отнести к основаниям для возвращения уголовного дела прокурору (п. п. 13 и 19 ст. 2 проекта).

В русле этих идей предлагалось также применение к виновным альтернативных уголовному наказанию мер государственного принуждения, которые бы не ставили лицо в положение осужденного со всеми вытекающими последствиями, однако не оставляли бы без должного государственного реагирования сам факт преступления этим лицом закона. Возложения на это лицо бремени штрафа было своеобразной реакцией государства на деяние лица, впервые совершившего преступление небольшой либо средней тяжести, – т.е. лица, не представляющего чрезмерной общественной опасности, вынуждающей применять к нему меры, связанные с изоляцией от общества.

Таким образом, замысел разработчиков был весьма продуктивным: не пополнять число лиц с судимостью за счет совершивших преступления небольшой и средней тяжести, помочь этим лицам осознать общественную опасность своих деяний, встать на путь исправления и возместить ущерб государству, обществу и потерпевшим.

Необходимо подчеркнуть, что не все идеи законопроекта нашли реальное воплощение в итоговом тексте федерального закона

№ 323-ФЗ от 3 июля 2016 г. Это был первый «удар» (**законодательный**) по претворению в жизнь замысла разработчиков. Второй «удар» (**правоприменительный**), как и следовало ожидать, пришелся со стороны реальных правоприменителей, которые даже в условиях наличия фактических условий для использования основания, предусмотренного ст. 25.1 УПК РФ, не спешат разрешать уголовно-правовой конфликт в правовосстановительной плоскости.

Правоприменителей (конкретных следователей и дознавателей) можно понять: «пресловутый АППГ» еще довлеет в системе органов предварительного расследования, еще никто не отменял обязанности следователя или дознавателя ежемесячно отправлять в суд с обвинительным заключением (постановлением, актом) определенное количество уголовных дел. Именно поэтому они без особого желания применяют ст. 25.1 УПК РФ. А с учетом того, что предложения разработчиков проекта № 953369-6 в части обязательного разъяснения сторонам прав на примирение по делам в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, не были восприняты законодателем, то и эта законопроектная схема включения сторон в урегулирование уголовно-правового конфликта компромиссным способом не стала достоянием уголовно-процессуальной практики, которая могла бы ее распространить и на ситуации, подпадающие под действие ст. 76.2 УК РФ. А ведь в этой задумке разработчиков был сокрыт значительный правосстановительный потенциал, который мог бы быть широко востребованным в правоприменении на досудебных стадиях уголовного процесса.

Полагаем, что полному воплощению в жизнь идей проекта № 953369-6 помешал еще один фактор – собственно, **законопроектный**. Дело в том, что разработчики не до конца «дожали» технологическую компоненту в структуре основания, предусмотренного ст. 76.2 УК РФ. Ратуя за восстановление нарушенных преступлением небольшой или средней тяжести прав, они не приняли в расчет, что применение данного основания должно иметь специфику по преступлениям с формальным составом, среди которых немалое количество подпадает под категорию небольшой или средней тяжести.

Если сравнить, к примеру, законотворческую технику, примененную при конструировании ст. 76.1 УК РФ, то можно увидеть тщательность проработки ключевых технологических аспектов ее применения: описываются способы и размеры возмещения вреда, расцениваемые как позитивное посткриминальное поведение обвиняемого, позволяющее прекратить его преследование на основании ст. 28.1 УПК РФ.

Однако, что касается вреда, возмещение которого выступает одним из условий освобождения от уголовной ответственности в порядке ст. 76, ст. 76.2 УК РФ – здесь мы сталкиваемся с лаконичностью фраз законодателя, который лишь фрагментарно обозначает это условие. Правовая неопределенность приводит к острожному применению на практике положений ст. 25.1 УПК РФ, когда речь идет об ином вреде (не ущербе), причиненном потерпевшему или государству. Судьи, вслед за некоторыми авторами научных публикаций [6], указывают в своих решениях, отказывая в применении ст. 25.1 УПК РФ, что стороной защиты не представлено доказательств, свидетельствующих об ином заглаживании вреда подсудимым.

И хотя Пленум ВС РФ попытался дать разъяснения по порядку этих позитивных посткриминальных действий подсудимого в п. 2.1 новой редакции Постановления № 19, полагаем, что этих разъяснений явно недостаточно: «Под заглаживанием вреда (часть 1 статьи 75, статья 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства» [7]. «Иные меры» в изложении Пленума ВС РФ не содержат никакой конкретики, что приводит на практике к произвольной интерпретации судами этих положений.

При всей важности правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ для формирования единого пространства правоприменения и выработки единообразной судебной практики [8], полагаем, что его разъяснения не могут подменить нормы закона, которые обладают не рекомендательным, а обязательным характером для судей.

Представляется, что законодателю, а вслед за ним – и Пленуму Верховного Суда РФ, необходимо внести уточнения в регулирование основания, предусмотренного ст. 25.1 УПК РФ, чтобы создать условия для более четкого применения ее потенциала в случаях совершения преступлений небольшой и средней тяжести с формальным составом.

---

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Российская газета. № 275. 04.12.2015.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон от 3 июля 2016 г.

N 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016 г. N 27 (часть II). Ст. 4256.

3. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»» [Электронный ресурс]. URL: http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953369-6 (дата обращения: 05.12.2017).

4. Гриненко А.В. Судебный штраф и реалии его применения в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. N 1. С. 30–31.

5. Медведева С.В., Ментюкова М.А. Новый закон о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2017. № 1. С. 121-125.

6. Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. N 6. С. 102-110.

7. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Зайцева Е. А. Роль следственной и судебной практики в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права : моногр. / Е. А. Зайцева, В. К. Ашуров, О. В. Сидоренко. Волгоград : ВА МВД России, 2017. С. 135-143.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, назначение судебного штрафа, примирение сторон, восстановительное правосудие.

УДК 343.13

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Сретенцев Денис Николаевич,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД,
Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Медведева Анна Андреевна,
курсант 301 учебной группы факультета подготовки следователей,
Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2

Статья посвящена особенностям использования биометрических технологий в правоприменительной деятельности, направленной на раскрытие, расследование и предотвращение преступлений.

Качественный рост преступности в последние годы, изменение характера преступной деятельности, а также появление более совершенных технических возможностей по изготовлению и подделке документов, удостоверяющих личность, в том числе и другие аспекты, значительно снизили возможности традиционного метода установления личности, в связи с чем возникла потребность в расширении биометрических возможностей идентификации человека.

Биометрическая идентификация представляет собой совокупность правовых норм, биометрических идентификаторов, специально созданных технических средств, которые находятся между собой в непосредственной связи и используются для процесса отождествления личности с целью раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [1].

Стоит отметить, что в пенитенциарной практике многих зарубежных стран системы биометрической идентификации успешно применяются уже более 10 лет. Например, в тюрьмах США каждый заключенный регистрируется в системе идентификации, содержащей анкетные данные, кодированное цифровое изображение руки, сетчатки глаза и сканированный отпечаток пальцев [2].

Вместе с тем, законодательством многих стран в настоящий момент введена обязательная биометрическая регистрация, при этом ге-

номная регистрация как часть биометрической, несмотря на значительные материальные затраты, осуществляется в Аргентине, Великобритании, Франции и США [3].

При идентификации человека могут быть использованы такие его параметры, как: дактилоскопические узоры рук, сетчатка и радужная оболочка глаза, параметры голоса, геометрия лица, геометрия кисти рук, термограмма лица, характер подписи, фрагменты генетического кода и другие.

Особую актуальность в последнее время приобретают исследования конституциональных, физиогномических и соматометрических признаков человека. Так, с вероятностью 95-98% могут быть установлены такие значимые показатели физического развития, как длина тела, поперечный диаметр головы, обхват груди и голени.

Существуют и такие характеристики человека, которые криминалистика не исследует в силу малоизученности данных отраслей. К таким можно отнести: хейлоскопия, пороскопия, форма ногтей, язык тела, мимика лица и тела в общем и др.

Но вместе с тем, некоторые исследователи и ученые считают, что следы таких функциональных и динамических характеристик как почерк, голос, походка, запах человека - биометрическими данными не являются.

Спорным является вопрос и о том, стоит ли относить подпись человека к биометрическим данным. Согласно одной из точек зрения, несмотря на наличие измеримых особенностей подписи (наклон букв, общий размер подписи, соотношение высоты и ширины букв), затруднительно идентифицировать ее автора. Это связано с тем, что указанные особенности могут проявляться как у нескольких авторов одновременно, так и различаться в подписях, сделанных одним тем же человеком [4].

Стоит отметить, что вместе с положительными аспектами использования биометрических технологий в криминалистической идентификации, существует также и противоположная сторона. Проблемы использования биометрических технологий можно условно объединить в определенные группы. Это, в частности, касается технического, организационного вопросов, методического обеспечения, а также правовые пробелы, которые оказывают определенное сдерживающее влияние на процесс внедрения биометрических технологий.

Технические проблемы использования биометрических технологий связаны, в первую очередь, с высокой стоимостью оборудования, также недостаточной разработкой технических и программных средств, которые тормозят процесс внедрения и применения биомет-

рических технологий в правоохранительных органах. Кроме этого, биометрические технологии в настоящее время не обладают высоким показателем универсальности. Это проявляется в затруднении либо невозможности решения идентификационных задач какой-либо отдельно взятой биометрической технологией, в частности, в отношении людей с физическими недостатками (при ампутации рук, шрамов на лице, при использовании человеком контактных линз и др.) [5].

Касаемо правового аспекта, в настоящее время в Российской Федерации отсутствует единое внутригосударственное и международное нормативно – закрепленное техническое регулирование рассматриваемого института. Автономия существующих баз данных различных ведомств не позволяет в полной мере производить обмен информацией между собой.

Сильное негативное влияние на использование биометрических технологий оказывает методический дефицит, который вызван отсутствием новых и эффективных технологий и методов биометрической идентификации личности, проверки работоспособности новых биометрических устройств в массивных по объему информации регистрационных базах данных [5].

Одной из самых распространенных и используемых биометрических технологий в процессе идентификации личности является дактилоскопический учет. Основной межведомственной дактилоскопической информационной системой в Российской Федерации в настоящее время является АДИС «Папилон». Данная программа представляет использование таких возможностей, как: ввод и хранение в базе данных электронных дактилокарт; ввод и хранение в базе данных следов пальцев рук и ладоней, изъятых с мест происшествий; импорт либо экспорт дактилокарт и следов в различные организации и ведомства, в том числе и в иностранные; автоматический поиск по словесному описанию внешности; ведение автоматизированного дактилоучета и многие другие [3].

Подводя итог можно сказать, что в настоящее время имеется необходимость формирования единой базы биометрических данных граждан, так как они создадут условия для быстрого идентифицирования лиц, преступников, опознания погибших и нахождения без вести пропавших. Это будет являться устойчивой почвой для борьбы с преступностью и обеспечения общественной безопасности.

Для большей эффективности необходимо установление между различными видами учета биометрических данных человека особых информационных связей, дополняющих друг друга. Так как для более

точного отождествления личности необходим не один, а несколько биометрических признаков.

1. Самохвалов И.А. Криминалистическая биометрия как способ идентификации человека: перспективы применения // Наука и инновации в современных условиях . 2016. С. 171-173.

2. Бочкарев В.В. Совершенствование использования в исправительных учреждениях инженерно-технических средств // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4.

3. Кузнецова Е.В. Биометрия и криминалистика // Вестник магистратуры. 2016. № 12-2 (63). С.192-195.

4. Крайник В., Крайникова М. Биометрия и криминалистическая идентификация // уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика. 2016. С. 42-43.

5. Нечаева Н.Б. Внедрение биометрических технологий как фактор, способствующий профилактике преступлений// Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии. 2015. С. 155-157.

Ключевые слова: биометрические технологии, биометрическая идентификация, криминалистическая идентификация, расследование преступлений, установление личности преступника.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О РАССЛЕДОВАНИИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Страунинг Юлия Анатольевна,
заместитель начальника кафедры криминологии,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

В статье автор рассматривает деятельность дознавателя на этапе возбуждения уголовного дела при расследовании угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, делает вывод о том, что дознавателю необходимо установить достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

В настоящее время общепризнано, что одним из основных направлений деятельности государства является охрана личности. В со-

ответствии со Стратегией национальной безопасности, «гражданам должен быть обеспечен высокий уровень личной безопасности, гарантирован надлежащий уровень защиты от преступных посягательств, угроз» [1].

При угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью нарушаются нормальные условия жизни потерпевших и их близких людей, страдает их психическое и психологическое состояние. «Вред, причиняемый угрозой конкретной личности, состоит в создании для потерпевшего тревожной обстановки, страха за жизнь и здоровье свои или своих близких, что иногда вынуждает жертву к определенным действиям» [2].

Особое профилактическое значение данный состав приобретает, в связи с тем, что именно при совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, у злодея может возникнуть умысел на убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Кроме того, наблюдается рост таких преступлений, так по данным МВД России в 2013 году зарегистрировано 76387, из них в суд направлено – 59758, в 2014 году – 78465, их них направлено в суд 60123. По данным Судебного департамента при Верховном суде России, в 2016 году по статье 119 УК были осуждены более 30 тысяч человек. Это почти в четыре раза больше, чем годом ранее [3].

Рассмотрим некоторые особенности деятельности дознавателя на этапе возбуждения уголовного дела при расследовании угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

При проведении проверки по заявлению дознавателю необходимо установить наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. К числу таких данных следует отнести:

во-первых, каков способ выражения угрозы, т.е. как именно преступник осуществил психическое воздействие на потерпевшего, была ли цель изменить его поведение в интересах угрожавшего или по мотивам мести;

во-вторых, испытывает ли потерпевший опасение за свою жизнь или здоровье в случае приведения угрозы в исполнение;

в-третьих, реальность осуществления угрозы, которую можно определить путем анализа и оценки таких фактических обстоятельств, как способ высказывания угрозы, личность преступника (степень агрессии, судимость за преступления против жизни и здоровья и другие личностные свойства виновного, о которых было известно потерпевшему);

в-четвертых, наличие у виновного оружия или иных предметов, пригодных для лишения потерпевшего жизни или причинения тяжкого вреда его здоровью;

в-пятых, место, время, обстановка высказывания угрозы, предшествующее поведение виновного и т.п.;

в-шестых, наличие прямого умысла. «Виновный высказывает угрозу, с тем, чтобы она была воспринята как реальная; он хочет запугать потерпевшего, чтобы вызвать у него чувство тревоги, беспокойства за свою безопасность, дискомфортное состояние» [4];

в-седьмых, наличие мотивов вызывающих политическую, идеологическую, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, а также ненависть или вражду в отношении каких-либо социальных групп.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по указанным мотивам обусловлена внутренними побуждениями виновного, выражающими его стремление показать свое превосходство и неполноценность потерпевшего и таким образом выразить свое ненавистное к нему отношение.

---

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

2. Криминалистическая методика для дознавателей: учебник для вузов / под общ. ред. А.Г. Филиппова. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 56.

3. Куликов В. Верховный Суд расширил понятие угрозы // Российская газета. 2017. 31 августа.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (2-е издание, исправленное, переработанное и дополненное)(под ред. А.И. Чучаева) ("КОНТРАКТ", "ИНФРА-М", 2010).

Ключевые слова: угроза убийством, признаки преступления, деятельность дознавателя.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Трифонова Кристина Алексеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
административной деятельности и охраны общественного порядка,
Волгоградская академия МВД России,
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130

В статье автор рассматривает функции следователя в современном уголовном процессе, сущность следователя раскрывается сквозь призму его полномочий, которые не ограничиваются только функцией обвинения сконструированной в УПК РФ.

Законодатель относит следователя к участникам со стороны обвинения. Такая концепция обвинительного уклона в деятельности следователя была сконструирована законодателем в УПК РФ 2001 года и фактически поощряет ее. Зарождение такой позиции обусловлено историческими аспектами учреждения должности следователя.

Прообраз современного следователя – это судебный следователь дореволюционного уголовного судопроизводства. С принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года следователь стал обладать широкими полномочиями. Ст. 265 Устава уголовного судопроизводства вводила принцип беспристрастности судебного следователя, изложено это было следующим образом: «При производстве следствия, судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» [1].

После Октябрьской революции была введена новая система органов предварительного следствия, которая продолжала развиваться и совершенствоваться с принятием дальнейших нормативных актов, но несмотря на введение в действие УПК РСФСР 1960 года, следователь полностью зависел от руководителя правоохранительного органа и от прокурора.

В советский и постсоветский этапы вопрос о сущности функциональной составляющей в деятельности рассматриваемого участника также вызвал и продолжает вызывать дискуссии. Обусловлено это

было, в первую очередь, наличием многообразных подходов к уяснению феномена уголовно-процессуальных функций[1].

В концепции современного уголовно-процессуального законодательства возобладала состязательная модель построения уголовного процесса, в котором все участники судопроизводства отнесены к четырем категориям с учетом реализации в их деятельности одной из основных функций, закрепленных в ст. 15 УПК РФ (либо отсутствия у них полномочий по реализации данных функций, как это предусмотрено для «иных участников», призванных способствовать правосудию, чьи процессуальные статусы получили закрепление в гл. 8 УПК РФ).

По иронии судьбы разработчики проекта действующего УПК РФ отнесли следователя к участникам со стороны обвинения. Действительно, УПК РФ требует от следователя осуществлять обвинительную деятельность, изобличать лиц виновных в совершении преступления. Однако, не стоит забывать о назначении уголовного процесса, которое состоит также в защите личности от необоснованного и незаконного обвинения. В связи с этим, следователь, осуществляя процессуальную деятельность и доказывание, устанавливает обстоятельства, смягчающие ответственность обвиняемого, исключающие преступность и наказуемость деяния, влекущие освобождение от уголовной ответственности и наказания. Данные направления доказательственной деятельности следователя никак не «вписываются» в формат обвинительной функции, на что справедливо указывал В.А. Дианов [6]. Другими словами можно сказать о забытом в ныне действующем УПК РФ принципе всесторонности, полноты и объективности. Этот принцип четко не отражен в УПК РФ, но положения ст. 73 и 85 УПК РФ регламентируют его отголоски, ибо независимо от типологии уголовного судопроизводства доказывание было и остается «сердцевиной» уголовно-процессуальной деятельности лидирующих субъектов.

Такая ситуация была воспринята крайне отрицательно учеными-процессуалистами. Г.А. Печников отмечает, что заложенная в УПК РФ состязательная модель уголовного процесса, игнорирующая объективную истину, исключает реальную процессуальную самостоятельность следователя. Следователь вместе с дознавателем и прокурором «встроен» в состязательную конструкцию, которая ограничивает диапазон его деятельности исключительно функцией обвинения – «уголовного преследования». У следователя отсутствует исследова-

[1] Анализ существовавших в тот период взглядов на уголовно-процессуальные функции и современные подходы к определению сущности этой категории см.: [2; 3; 4; 5].

тельская функция, в силу которой он обязан устанавливать обстоятельства дела всесторонне, полно и объективно [7].

Конечно, такое «прочтение» состязательного облика УПК РФ – проявление крайней научной позиции. Мы же склонны считать, что, несмотря на отсутствие в главе 2 УПК РФ отдельной нормы, фиксирующей принцип всесторонности, полноты и объективности, не следует утверждать, что следователь ограничен исключительно отысканием обвинительных доказательств. Идея необходимости всестороннего, полного и объективного расследования закреплена в ряде норм УПК РФ при определении места производства предварительного расследования, выделении уголовного дела, указании в обвинительном заключении, как смягчающих, так и отягчающих наказание обстоятельств, приложении в этом акте перечня доказательства, на которые ссылается сторона защиты [8].

Следователь, осуществляя обвинительную деятельность, выступает участником со стороны обвинения, а устанавливая доказательства смягчающие ответственность обвиняемого, выступает на стороне защиты. Многоплановость действий следователя позволяет говорить о том, что он выполняет функцию расследования, в которой предъявление обвинения – это лишь этап стадии предварительного расследования.

Функция обвинения и защиты не единственные в деятельности следователя. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 220 УПК РФ данные о потерпевшем, характере и размере вреда, причиненного ему преступлением, указываются следователем в обвинительном заключении. Если же размер вреда определен приблизительно, расследование следует считать неполным. В таком случае суд нередко оставляет без рассмотрения вопрос о возмещении причиненного преступлением вреда, предлагая рассмотреть эту проблему в порядке гражданского судопроизводства. Это приводит к необходимости проведения еще одного судебного процесса. Логично в этом случае говорить о выполнении следователем функции обеспечения возмещения материального ущерба, причинённого преступлением, и исполнения приговора в части конфискации имущества.

Буквальное толкование положений ст. 151 УПК РФ позволяет утверждать, что деятельность следователь ограничена не только раками предварительного следствия. Позиция законодателя в части расширения полномочий следователя по осуществлению досудебного производства несколько отличается от традиционного представления назначения этой процессуальной фигуры: следователь может проводить расследование по уголовному делу также и в форме дознания.

Так, согласно п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание производится следователями СК РФ. Ю.В. Францифоров отмечает противоречия требований п. 8 ст. 5 УПК РФ и п. 41 ст. 5 УПК РФ в системном единстве с ч. 2 ст. 151 УПК РФ [9]. По сути, сложилась ситуация правовой неопределенности, выйти из которой позволит более четкое структурирование правил подследственности и исключение двойного упоминания о следователе в нормах, регламентирующих подследственность.

Итак, прообраз современного следователя – это судебный следователь дореволюционного уголовного судопроизводства, статус которого был наиболее удачно разработан в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Сущность следователя в условиях действия УПК РФ должна раскрываться не в «системе координат принципа состязательности сторон», что, безусловно, обедняет представление об этой процессуально значимой фигуре, а сквозь призму его полномочий, которые не ограничиваются только функцией обвинения, сконструированной в УПК РФ. Функция расследования многоаспектна, включает не только полномочия по воплощению в жизнь функции обвинения, но и функции защиту и других направлений уголовно-процессуальной деятельности, например, по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением. Только такое позиционирование следователя соответствует реальному назначению уголовного судопроизводства, ориентирует следователей на качественное осуществление предварительного расследования.

---

1. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года [Электронный документ]. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137 (дата обращения 23.01.2018)

2. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976.

3. Чернышев В.А. Проблема функций в российской науке уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 1999.

4. Берова Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2011.

5. Гринюк Е.Н., Зайцева Е.А. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам : моногр. Волгоград : ВА МВД России, 2013. С. 33-42.

6. Дианов В.А. Следователь в системе субъектов обвинения: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 88.

7. Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе. Волгоград, 2010. С. 164.

8. Трифонова К.А., Зайцева Е.А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики : моногр. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 73-74.
9. Францифоров Ю.В. Актуальные проблемы производства предварительного расследования в форме дознания // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 10.

Ключевые слова: следователь, функции, полномочия, обвинительный уклон, подследственность, дознание.
УДК 343.13

СОБЛЮДЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАБОТЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Файзрахманов Наиль Фаильевич,
кандидат юридических наук, старший следователь контрольно-методического и информационно-аналитического отдела следственного управления МВД по Республике Марий Эл,
424000, Российская Федерация, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Кремлёвская, д. 16

В статье раскрыты типичные причины нарушения процессуальных сроков следствия, а также представлены организационные меры, направленные на обеспечение осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок.

Соблюдение конституционных прав граждан в рамках предварительного расследования, в том числе на разумный срок, определено в качестве приоритетного направления деятельности органов внутренних дел в 2018 году. В этой связи соблюдение процессуальных сроков следствия выступает одной из важнейших задач органов предварительного следствия системы МВД России (далее – «ОПС»), которая призвана обеспечить всестороннее и объективное исследование обстоятельств совершенного преступления, своевременное восстановление нарушенных прав и законных интересов лиц, подвергшихся преступному посягательству и, тем самым, реализовать назначение уголовного судопроизводства. Соглашаясь с мнением отдельных ученых-юристов [1; 2], считаем, что процессуальные сроки способствуют нормализации и упорядочиванию деятельности всех субъектов уголовно-процессуальных отношений, а институт регламентации процес-

суальных сроков обеспечивает законность и справедливость судопроизводства в целом.

В последнее время в отечественном законодательстве появилось немало новелл для решения проблемы быстроты и оперативности производства по уголовным делам: в УПК РФ введен принцип осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок, предусмотрена возможность получения денежной компенсации за нарушение данного принципа в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ. Тем не менее и на сегодняшний день нередко встречаются чрезмерно затянутые сроки производства по уголовным делам, которые могут длиться месяцы и даже годы [3].

Статистические данные свидетельствует о негативной тенденции снижения эффективности работы ОПС в данном направлении. Так, за последние семь лет удельный вес уголовных дел, оконченных в срок свыше двух месяцев, увеличился более чем в два раза - с 9,2 % в 2009 г. до 18,9 % в 2016 г. По оценкам Следственного департамента МВД России, необоснованно длительные сроки расследования наблюдаются почти в каждом третьем следственном подразделении, что указывает на серьезные недостатки в организации работы на местах. В ряде подразделений удельный вес уголовных дел, оконченных с нарушением предусмотренного УПК РФ срока следствия, превышает 30 %.

Анализ показателей работы по данному направлению позволил выделить основные, свойственные практически для всех ОПС, причины нарушения процессуальных сроков: длительное проведение судебных экспертиз; большой объем работы по делу; поступление по подследственности от других органов расследования преступлений уголовных дел с нарушением разумного срока судопроизводства; волокита; длительное выполнение требований ст. 217 УПК РФ; ожидание ответов на международные следственные запросы (поручения) и др.

К примеру, в 2015 году в срок свыше 2 месяцев окончено 123 991 уголовное дело (2014 – 116 276, +6,6 %). Количество дел, оконченных в сроки свыше предусмотренных УПК РФ, без учета возобновленных из ранее приостановленных, составило 63 671 (АППГ – 60 156), а их удельный вес - 16,9 % (АППГ - 16,3 %). Основными причинами продления процессуальных сроков явились: длительность проведения судебных экспертиз (по 25 364 уголовным делам или 39,8 %); большой объем проводимых по делу следственных действий (по 19 981 делам или 31,3 %); волокита (по 3 505 делам или 5,5 %); длительное выполнение требований ст. 217 УПК РФ (по 4 562 делам или 7,1 %) и международных следственных поручений (по 1 109 делам или 1,7 %).

Таким образом, самым распространённым основанием продления процессуальных сроков следователями ОВД является длительность проведения судебных экспертиз (39,8 %). Детальный анализ данного основания показал, что в 2015 году по оконченным уголовным делам проведено 29 855 экспертиз (АППГ – 24 685). Наибольшее количество составили судебно-психиатрические экспертизы – 13 413 (АППГ – 10 041), судебно-медицинские – 4 627 (АППГ – 3 718), судебные автотехнические – 3 715 (АППГ – 3 591) и судебно-экономические (бухгалтерские) – 2 846 (АППГ – 2 301), длительность проведения которых составила от 1 до 6 месяцев.

Приведенные данные свидетельствуют, что основным видом экспертиз, по причине которых нарушаются сроки предварительного следствия, является судебно-психиатрическая экспертиза (далее – «СПЭ»), что связано не только с целесообразностью, но и с необходимостью ее проведения во исполнение требований п. 3.2. ст. 196 УПК РФ, который введен Федеральным законом РФ от 25.11.2013 г. № 313-ФЗ и обязывает проводить судебную экспертизу в целях установления психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией. Реализация данной нормы на практике получила массовый характер, в связи с проведением СПЭ в отношении всех подозреваемых (обвиняемых) по делам о незаконном обороте наркотиков, а также состоящих на учете у врача нарколога, в том числе по причине алкоголизма.

В этой связи, на основании рекомендаций Следственного департамента МВД России, территориальными ОПС принимаются организационно-практические меры, направленные на сокращение сроков проведения экспертиз. Так, в Самарской области проведено межведомственное совещание руководителей правоохранительных органов, во исполнение которого Министерством здравоохранения области проведено обучение дополнительного состава врачей-экспертов, им выдана лицензия на проведение соответствующего вида деятельности, что способствовало сокращению сроков производства экспертиз до 10-14 рабочих дней. По результатам обращения руководства ГСУ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области к губернаторам Санкт-Петербурга и Ленинградской области численность экспертов увеличена на 6 единиц, сроки проведения судебно-психиатрических экспертиз сокращены до 35 суток.

В Республике Марий Эл представителями СУ МВД и ГБУ «Республиканская психиатрическая больница» организованы ежемесячные сверки по срокам предоставления материалов экспертам, обеспечению

явки лиц на экспертизу, проведению исследований и получению заключений следователями. Дважды в год проводятся рабочие встречи заместителя министра - начальника СУ МВД по Республике Марий Эл с руководством ГБУ «Республиканская психиатрическая больница», в ходе которых обсуждаются проблемы назначения и проведения СПЭ, а также вопросы оптимизации их сроков. Ежеквартально обобщается практика проведения СПЭ, назначаемых ОПС МВД республики. По инициативе СУ МВД по Республике Марий Эл ежегодно, в рамках плана координационных мероприятий прокуратуры Республики Марий Эл, проводится межведомственный семинар с участием представителей правоохранительных органов, на котором рассматриваются типичные ошибки, допускаемые при назначении СПЭ, недостатки взаимодействия субъектов расследования преступлений с экспертами. Проведенная работа позволила сократить срок ожидания в очереди для прохождения экспертизы с 1-1,5 месяцев до 10-14 дней, а также срок изготовления заключений эксперта с 20-25 дней до 10-14 дней. Средний срок с момента постановки лица на очередь до получения заключения эксперта в настоящее время не превышает 1 месяца, в связи с чем удалось практически полностью исключить амбулаторные судебные экспертизы из числа причин нарушения сроков следствия.

Эффективным инструментом в обеспечении разумного срока уголовного судопроизводства является организация взаимодействия с сотрудниками оперативных и других подразделений ОВД, проведение совместных совещаний о ходе и результатах расследования и оперативного сопровождения уголовных дел. Так, в СУ МВД по Республике Мордовия подготовлено указание, согласно которому срок представления следователю результатов оперативно-розыскной деятельности не должен превышать 5 суток с момента их получения, назначение экспертиз - 3 суток после изъятия объектов или получения всех необходимых исходных данных, 7 дней - с момента возбуждения уголовного дела для направления запросов о сборе характеризующего материала. По инициативе СУ МВД по Республике Марий Эл разработана и принята к исполнению

Комплексная программа дополнительных мер по повышению качества следственной работы и сокращению процессуальных сроков на 2016-2017 гг., утвержденная министром внутренних дел по Республике Марий Эл 06.06.2016 г., предусматривающая мероприятия для исполнения подразделениями ООД МВД, УУР МВД, УЭБиПК МВД, ЭКЦ МВД, Центра профессиональной подготовки МВД, а также территориальными УМВД, МО (О) МВД по муниципальным образованиям республики. Активизировано взаимодействие с органами, осуще-

ствляющими оперативно-розыскную деятельность; на постоянной основе контролируется своевременность исполнения ими поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по уголовным делам.

Инициировано ежеквартальное проведение совместных с руководством УУР МВД заслушиваний по тяжким составам преступлений против личности и собственности, предусмотренных ст. 111, 161, 162 УК РФ, на которых обсуждаются дела, где возникают сложности в расследовании, а также имеющие перспективу на раскрытие, по ним даются указания с установлением сроков реализации и назначением исполнителей в целях недопущения нарушения срока следствия. На постоянной основе проводятся рабочие совещания с руководством УЭБиПК МВД, на которых рассматриваются проблемные вопросы окончания уголовных дел экономической направленности.

По уголовным делам о тяжких преступлениях, представляющих общественный резонанс, совершенных в составе организованных преступных групп, с причинением крупного и особо крупного ущерба, а также при иных особых обстоятельствах в создаются специализированные следственно-оперативные группы по расследованию и оперативному сопровождению уголовных дел.

В 2016-2017 годах, по инициативе следственного управления, вопросы взаимодействия служб и подразделений ОВД при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел рассматривались на заседании Коллегии и совещаниях при министре внутренних дел по Республике Марий Эл. В качестве приоритетных задач в решениях указаны своевременность прибытия следственно-оперативной группы в полном составе на место происшествия и качественная работа по обнаружению, фиксации и изъятию следов преступления. В случае некачественного сбора материалов в дежурные сутки, практикуется повторное направление СОГ на место происшествия. Полнота и законность первоначальных следственных действий контролируется по оперативным сводкам. Предметом контроля в первую очередь становятся полнота осмотра места происшествия, обоснованность задержания и избрания меры пресечения, своевременность назначения судебных экспертиз, проведения обысков и возбуждения уголовных дел.

Эффективное взаимодействие с другими службами и подразделениями органов внутренних дел в порядке, установленном ведомственными приказами позволяет сокращать сроки расследования по причине большого объема работы и сложности в доказывании по уголовным делам, способствует раскрытию преступлений «по горячим следам» и обеспечивает слаженность работы подразделений ОВД.

В качестве примера: 15.07.2017 г. неустановленное лицо, находясь около магазина ЗАО «Лик» (г. Волжск Республики Марий Эл), с применением кирпича, используемого в качестве оружия, напало на гр. М., после чего открыто похитило портмоне, стоимостью 900 рублей, в котором находились денежные средства в сумме 7 200 рублей, причинив значительный материальный ущерб потерпевшему на общую сумму 8 100 рублей. По данному факту возбуждено уголовное дело № 11701880002000354 по ч. 2 ст. 162 УК РФ. В этот же день постановлением начальника СО МО МВД России «Волжский» создана следственная группа, приказом начальника МО МВД России «Волжский» создана специализированная следственно-оперативная группа.

В результате совместной работы следователей и сотрудников оперативных подразделений «по горячим следам» установлена причастность к совершению данного преступления гр. Г., который задержан в порядке ст. 91 УПК РФ. У подозреваемого изъято похищенное портмоне, проведена проверка показаний на месте, выемка и осмотр одежды. В последующем была собрана полная доказательственная база и уголовное дело 23.08.2017 г. направлено в Волжскую межрайонную прокуратуру с обвинительным заключением в установленный УПК РФ двухмесячный срок, для дополнительного расследования не возвращалось. Приговором Волжского городского суда гр. Г. приговорен к 3 года лишения свободы в колонии строгого режима, квалификация преступления не изменена, приговор вступил в законную силу.

Таким образом, соблюдение процессуальных сроков является одним из важнейших направлений работы органов предварительного следствия, которое обеспечивает своевременную реализацию участниками уголовного судопроизводства своих прав, создает условия для оперативного возмещения вреда, причиняемого преступлениями, сводит к минимуму ограничение прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовный процесс. Удельный вес дел, оканчиваемых с нарушенным сроком, во многом зависит от качества ведомственного процессуального контроля, полноты нормативно-правового регулирования деятельности ОПС, состояния их взаимодействия с оперативными подразделениями, судебно-экспертными учреждениями, органами прокуратуры, суда и других факторов.

---

1. Якубова С.М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 229 с.

2. Чаплыгина В.Н., Калюжный А.Н. Планирование расследования преступлений: содержание понятия и проблемы организации УПК

РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 11-1. С. 129-132.

3. Жигалов Н.Ю., Калиновская Л.А., Перякина М.П. К вопросу об оптимизации сроков досудебного производства по уголовным делам // Вестник МВД России. 2016. № 5. С. 71.

Ключевые слова: сроки расследования, разумный срок уголовного судопроизводства, расследование уголовных дел, следственная практика.

УДК 343.14

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ («ОТМЫВАНИЯ») СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Хлус Александр Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, 220030, пр. Независимости, 4

В статье рассматривается теоретическая часть частной методики расследования легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем. На основе выявленных недостатков криминалистической характеристики данного преступления, автор предлагает основывать процесс практической деятельности на выявлении и исследовании материальных элементов структуры преступления с учетом положений его криминалистической характеристики.

Легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем (ст. 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь – далее УК), является актуальным и высоко латентным преступлением.

За последние двадцать лет не сформировались четкие и единообразные представления о признаках легализации («отмывании») средств, полученных преступным путем. Наличие ряда проблем по вопросам квалификации и доказывания факта преступного деяния, способствовало тому, что 235 статья УК подвергалась неоднократным изменениям, что в свою очередь обусловило трудности правоприменительного характера.

До сих пор сохраняются проблемы теоретического, нормативного и практического характера, негативно сказывающиеся на результатах борьбы с преступлениями, предусмотренными ст. 235 УК.

В основе эффективного раскрытия и расследования преступлений данного вида необходимо наличие соответствующей методики. Криминалистика как область научного знания вносит существенный вклад в борьбу с данным деструктивным социальным явлением. При формировании частной криминалистической методики расследования, в ее теоретической части, традиционно особое внимание уделяется криминалистической характеристике данного вида преступлений. В тоже время ученые не едины в представлениях о ее структуре. В свою же очередь, данное разнообразие во мнениях не способствует выработке единого подхода к определению путей и методов борьбы с рассматриваемым преступлением. Объяснить это можно дискуссионным характером криминалистической характеристики преступлений как научной категории [1, с. 68; 2, с. 38].

Например, Е.В. Щеглова в качестве элементов криминалистической характеристики указанных деяний, выделяет типичную информацию о (об): личности преступника, способах подготовки и совершения преступления (механизм преступления), обстановке и средствах совершения преступления, особенностях предмета преступного посягательства и следах преступления [3, с. 9].

А.В. Коляда в криминалистической характеристике данного деяния выделил следующую совокупность элементов: 1) место, время и способ совершения преступления; 2) типичные следственные ситуации; 3) типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения; 4) данные о личности подозреваемого, обвиняемого [4, с. 183].

Несколько иначе представлена структура криминалистической характеристики легализации средств, полученных преступным путем, В.А. Абакановой и Н.М. Сологубом. В качестве ее элементов ими названы предмет и субъект посягательства, физическая и психическая деятельность субъекта посягательства, место и время посягательства, внутренние и внешние связи, обстановка посягательства [5, с. 230].

Не анализируя в деталях представленные точки зрения на структуру криминалистической характеристики легализации средств, полученных преступным путем, заметим, что различие во взглядах ученых-теоретиков по вопросам, относящимся к формированию методики его расследования, не может служить основой для эффективной практической деятельности.

В связи с этим, не игнорируя наработанный материал по вопросу криминалистической характеристики легализации средств, полученных преступным путем, и учитывая, что при раскрытии и расследовании данного вида преступлений практическим работникам приходится иметь дело не с абстракцией, а реалиями конкретного уголовного дела, предлагаем основывать процесс деятельности на выявлении и исследовании материальных элементов структуры преступления.

В научной литературе имеются работы, посвященные исследованию материальной структуре преступления [6]. В данной работе мы лишь заметим, что материальная структура преступлений представляет собой взаимосвязанную систему материальных элементов, которые образуют конкретное преступление. В обязательном порядке они подлежат выявлению и исследованию в процессе раскрытия и расследования преступления, имеют отношение к обстоятельствам, подлежащим доказыванию и, благодаря взаимосвязи, способствуют познанию неизвестных на первоначальном этапе деятельности материальных элементов преступления.

Рассматривая материальную структуру легализации средств, полученных преступным путем, следует заметить, что она включает в себя следующие элементы: 1) субъект преступного посягательства; 2) объект преступного посягательства; 3) средство совершения преступления; 4) предмет преступления; 5) предмет преступного посягательства.

Субъекты рассматриваемых преступлений традиционно являются высоко информативными элементами криминалистической характеристики, данные о которых в обязательном порядке необходимо использовать при анализе субъекта конкретного преступления.

Субъект совершения преступления при отнесении данного деяния к группе коррупционных преступлений специальный – должностное лицо. Но этого не достаточно. Необходимо, чтобы легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, была совершена должностным лицом с использованием своих служебных полномочий. В противном случае преступление не считается коррупционным.

Должностных лиц, совершивших коррупционные преступления, связанные с легализацией средств, полученных преступным путем, можно разделить на две группы: 1) индивидуально использующих свои служебные полномочия в преступных целях; 2) действующих в составе группы и реализующих преступную цель с использованием своих служебных полномочий.

Анализ профессиональных, психологических, социально значимых и иных качеств должностных лиц, причастных к легализации средств, полученных заведомо преступным путем, позволяет выделить наиболее общие черты. Все они обладают высокими психологическими качествами, умеют приспособиться к реальным условиям обстановки, определенной действующим законодательством, способны извлечь из этого максимально возможную выгоду. Для них характерна социальная активность, они высоко квалифицированы и компетентны в вопросах своей непосредственной деятельности. Наличие у большинства из них высшего образования обусловлено высокими квалификационными требованиями к занимаемой в период осуществления преступной деятельности должности.

Познание должностных полномочий лиц, совершивших данное преступление, осуществляется на основе изучения документов. В их числе кадровые и служебные документы. Этими документами устанавливаются: 1) правовой статус должностного лица организации, причастной к легализации; 2) процедура проведения финансовых или иных служебных операций; 3) правила и порядок их соблюдения при проведении операций; 4) правосубъектность должностного лица и обоснованность принятия им решений; 5) наличие с его стороны нарушений и их влияние на возможность совершения преступления.

Объектом данного преступления является материальная система, на которую направлено преступное посягательство. Такой элемент в криминалистической характеристике рассматриваемого преступления не упоминается. Но некоторые авторы, например, Ю.В. Крачун, в криминалистической характеристике исследуемого преступления в качестве ее элемента упоминает место легализации средств, полученных преступным путем. В его пределах происходит и отображается преступная деятельность по осуществлению операций, создающих видимость законности средств, полученных преступным путем [7, с. 75-78].

Место совершения и объект преступного посягательства при легализации средств, приобретенных преступным путем, соотносятся как общее и частное. Объект посягательства для данного вида преступлений это всегда определенное место его совершения, но не каждое место может рассматриваться в качестве объекта, на который посягает виновный.

Типичными объектами преступного посягательства при легализации (отмывании) средств, полученных преступным путем, являются банковские либо иные финансовые учреждения, государственные, коммерческие или иные организации. А также государственные органы

власти, реализующие различные полномочия (регистрационные, контрольно-надзорные и др.). Например, регистрация права собственности, постановка на учет или снятие с учета объекта недвижимости и т.д.

Средства совершения преступления обеспечивают достижение цели легализации. Наиболее широкое распространение в качестве средств данного преступления получили различные документы. На основе документов можно судить о механизме отражения следов преступной деятельности. Именно в документах содержатся дополнительные сведения, способствующие поиску иных носителей криминалистически значимой информации. Их можно разделить на несколько групп.

Первую группу образуют правоустанавливающие и иные документы, отражающие факт совершения сделки или операции, т.е. правоустанавливающие или регистрационные документы на материальные ценности.

Ко второй группе относятся первичные и иные бухгалтерские документы, отражающие непосредственно конкретную финансовую операцию или иную сделку.

Средством совершения рассматриваемого преступления являются фиктивно существующие для целей легализации коммерческие или финансовые учреждения.

Предмет преступления как элемент не упоминается в криминалистической характеристике рассматриваемого преступления. Но некоторые авторы выделяют такой самостоятельный элемент, как предмет преступного посягательства. По мнению В.А. Абакановой предмет преступного посягательства предопределяет выбор субъектом финансовых операций и иных сделок, частоту и периодичность их проведения, подбор соучастников, использование результатов легализации. Знания о предмете легализации позволяют выдвинуть версии о способе преступления, а значит и о следах [5, с. 232]. В целом можно согласиться с таким взглядом на предмет преступного посягательства. Данный элемент присутствует в структуре криминалистических характеристик многих преступлений. Но для легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем он специфичен, т.к. с позиции субъекта совершения преступления определяет непосредственную целевую направленность деяния. Эта специфика обусловлена наличием предшествующего легализации одного или серии преступлений, в результате которых получен преступный доход. В структуре предикатного (предшествующего) преступления он, безусловно, является предметом преступного посягательства. В дальнейшем, в процессе легализации этого предмета, он уже играет роль предмета преступления. Осуществляя преступную легализацию, виновные не посягают

на этот предмет, т.к. он находится в их распоряжении, хотя и незаконно. Следовательно, с позиции рассмотрения материальной структуры на начальном этапе данного преступления, правильно говорить не о «предмете преступного посягательства», а о «предмете преступления». Но в материальной структуре легализации средств, полученных преступным путем, возможно появление такого элемента как предмет преступного посягательства. Это происходит в том случае, когда предмет легализации на последующих этапах трансформируется в предмет преступного посягательства. Например, на полученные в процессе совершения предикатного преступления деньги приобретается недвижимость, которая в дальнейшем используется преступником в личных целях. Но трансформации предмета легализации может не произойти, если он не видоизменяется на заключительном этапе преступления. Так, например, денежные средства, полученные в результате взяточничества, размещаются на депозитных счетах нескольких банков.

Предмет преступления, как элемент его материальной структуры, содержит информацию о реализуемых в отношении него финансовых операциях и иных сделок, а также сопутствующих им других действий. Предмет легализации может иметь отношение к различным сферам экономики. Наиболее криминально активными в данном аспекте сферами являются банковская или иная финансовая сфера, потребительский рынок, жилищно-коммунальная сфера. Предмет преступления не четко определен в уголовном законе: средства, под которыми понимаются денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (ст. 235 УК).

Предмет преступного посягательства указывает на конечную цель преступной деятельности. Он содержит информацию о реализованных в отношении него финансовых и иных сделок, а также сопутствующих им других действий, создающих видимость законной принадлежности средств (имущества) конкретному лицу.

На основе выше изложенного можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, до настоящего времени отсутствует единообразный подход к пониманию структуры и содержания элементов криминалистической характеристики легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем. В итоге это не способствует определению направления расследования данного вида преступлений.

Во-вторых, знание материальной структуры преступления и использование в практической деятельности позволяет определить методы и способы поиска информации о его элементах, необходимой для раскрытия и расследования преступлений данной категории.

1. Лаврухин С.В. Значение криминалистических характеристик преступлений // Вестник криминалистики. 2009. № 1 (29). с. 66-73.

2. Чурилов С.Н. Криминалистическое понятие, ставшее неприемлемым // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 3 (19). с. 36-42.

3. Щеглова Е.В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2009.

4. Крачун Ю.В. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем. Дис. …канд. юрид. наук. Тула, 2015.

5. Абаканова В.А., Сологуб Н.М. Методика расследования легализации (отмывания) преступных доходов // Курс криминалистики: В 3 т. Т. III. Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений / Под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. с. 230-264.

6. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А. Е. Гучок. Минск : Тесей, 2012.

7. Коляда А.В. Расследование легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

Ключевые слова: легализация, криминалистическая характеристика преступления, материальная структура преступления.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ГИПНОТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИСПОЛНИТЕЛЯ РУКОПИСНОЙ ЗАПИСИ (ПОДПИСИ) ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хмыз Алексей Иванович,
старший преподаватель, кандидат юридических наук,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Кольцова Анна Валерьевна,
курсант,
Барнаульский юридический институт МВД России,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49

В статье рассматривается гипноз, как одно из средств психологического воздействия на человека при выполнении им рукописных записей, подписей, его влияние на процесс письма, анализируются данные, полученные в результате проведения экспериментов с участием гипнолога и гипнотиков.

Процесс любой деятельности, в том числе преступной, неразрывно связан с использованием соответствующих средств и приемов, позволяющих получить желаемый результат.

К психологическим приемам воздействия на человека относится гипноз, который в последнее время становится более доступным преступникам, а последствия (в том числе и для здоровья) создают затруднения при оценке [1].

Гипноз рассматривается как техника воздействия на индивида посредством концентрации его внимания с целью сужения поля его сознания и подчинения его влиянию и контролю внешнего агента, в качестве которого выступает гипнотизер, внушения которого объект, подвергающийся гипнозу, будет выполнять либо не будет им сопротивляться [2] либо как состояние специфического сна или зауженного осознания реальности с так называемым отключением критического восприятия и повышенной чувствительностью к внешнему внушению [3].

В таком состоянии могут осуществляться различные манипуляции с человеком, он может, например, добровольно отдать драгоценности, крупные суммы денег, подписать документы в пользу злоумышленника, совершить иные действия. При этом следует отметить,

что чем сильнее, глубже гипнотическое воздействие, тем ниже качество идеальных следов – потерпевшие не всегда помнят и воспроизводят обстоятельства совершенного преступления – феномен постгипнотической или спонтанной амнезии.

В связи с этим повышается роль материальных следов преступления.

Рассматривая вопрос выполнения рукописных записей, подписей в состоянии гипноза, необходимо констатировать, что данная проблема практически не изучена, хотя попытки ее обозначения и решения предпринимались ранее.

В конце XIX-начале XX веков ряд европейских ученых проводили опыты с изменением личности, в частности ее почерка под влиянием гипнотического внушения. Для этого избранное лицо приводилось в гипнотическое состояние, и ему последовательно внушалось, что он хитрый, скрытный человек и т.п., и в то же время его заставляли писать под диктовку. Результаты оказались следующие: почерки в каждом случае получались разные и совсем не похожие на почерк данного субъекта в нормальном его состоянии.

Испытуемых также возвращали к тому детскому возрасту, в котором они только начинали учиться, и почерк, в связи с этим, мгновенно менялся, становился неуверенным, человек уже не писал, а с трудом вырисовывал букву за буквой. Почерк развертывался, как кинолента, и точно соответствовал почерку того периода жизни, в который был возвращен автор. Также реагировал почерк и на последовательное (внушенное) повышение возраста, письмо становилось увереннее, рисунок принимал уже более определенный характер [4].

По данным журнала Министерства юстиции России за 1903 год, Рише и Герикур производили опыты над загипнотизированными лицами, при этом одному и тому же лицу, находившемуся в состоянии гипноза, последовательно внушалось, что он купец, Гарпагон и крестьянин, и каждый раз загипнотизированный писал, под диктовку врачей, совершенно различными почерками, соответствующими тому состоянию, в котором он, по внушению, находился [5].

Интервьюирование отдельных специалистов в области гипноза подтвердило серьезность проблемы: некоторые из них утверждали, что имели место просьбы о введении человека в состояние транса с целью собственноручного подписания им финансовых и иных документов. Правомерно предположить о том, что не все специалисты отказывают в такой просьбе.

Потенциальная возможность выполнения подписи, рукописной записи в необычном состоянии, вызванном гипнотическим воздейст-

вием, отсутствие методики установлении данного факта вызывает необходимость проведения научного исследования.

В целях проверки изложенных выше положений нами был проведен эксперимент, в котором участвовали гипнолог и 6 испытуемых (гипнотиков): 4 лица мужского пола, 2 лица женского пола. В начале эксперимента гипнолог знакомился с испытуемыми, устанавливая с ними связь, которую в нейролингвистическом программировании называют аэропортом. И хотя у каждого человека включается защита от гипнотического внушения, ее можно снять, используя различные техники, которые изменяют сознание человека. Подобные техники использовал гипнолог в эксперименте, внушая гипнотикам различные состояния и воздействуя на их сознание. При этом следует отметить, что воздействие гипноза на каждого индивидуально.

При проведении эксперимента один из испытуемых быстро впал в глубокий гипнотический транс, что позволило управлять его сознанием и возвращать в различные периоды жизни. Испытуемому был последовательно внушен школьный 10-летний возраст, после чего в этом состоянии им был под диктовку выполнен рукописный текст. Во время написания текста испытуемый задумывался над последовательностью написания отдельных букв в составе слова, а само написание текста было медленным, в почерке обнаружились признаки детского письма.

Таким образом, результаты эксперимента свидетельствуют о том, что гипноз является средством неконтролируемого (со стороны гипнотика) выполнения почерковых объектов. Само лицо смутно (при относительно неглубоком воздействии) помнило обстоятельства, связанные с выполнением рукописной записи.

Нетрадиционные способы совершения преступлений требуют использования при их раскрытии и расследовании нетрадиционных методов.

В научных кругах большое внимание уделяется нетрадиционным способам получения криминалистически значимой информации. Так, при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений в ряде зарубежных стран, например, США, Канаде, Израиле, Великобритании, Австралии применяется следственный гипноз. Одним из показательных примеров выступает создание в США специальных подразделений следственного гипноза, состоящих из следователей, получивших подготовку по теории и технике проведения гипноза. Кроме того, в США существует Национальное общество экспертов по следственному гипнозу.

По мнению Р.С. Белкина, использование гипноза при производстве оперативно-розыскных мероприятий вполне допустимо [6]. Суждение о возможности использования гипноза в оперативно-розыскных целях также выразил председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин. В своем заявлении по результатам расследования аварии фирменного поезда «Невский проспект», произошедшей 13 августа 2007 года, он пояснил, что особую помощь при раскрытии преступления оказали гипнотизеры. «Гипнотизер должен быть в каждом следственном подразделении», − сообщил в своем интервью газете «Новые известия» начальник Главного управления криминалистики СК РФ Юрий Леканов. По его словам, работу специалистов с экстраординарными способностями вполне можно ввести в рамки уголовно-процессуального закона, например, включить понятие «следственного эксперимента по активации памяти», а все действия по использованию нетрадиционных форм специальных знаний, в виде гипнорепродукции (восстановление памяти человека) и экстрасенсорных способностей строго производить с помощью технических средств, в частности с записью на видеокамеру [7].

Проблема использования гипноза в деле борьбы с преступностью только разрабатывается, при этом по вопросам его применения в рамках уголовно-процессуальной деятельности имеются два диаметрально противоположных мнения. Одни ученые (Л.П. Гримак, В.Н. Иваненко, Д.А. Натура, В.А. Образцов, Н.А. Селиванов, П.А. Стерхов, В.Д. Хабалев и др.) считают правомерным применение гипноза в рамках проведения следственных действий, другие (А.М. Ларин, О.А. Пучков, А.Р. Ратинов, Г.Г. Черепанов, С.А. Шейфер, А.А. Шмидт и др.) полагают, что использование гипноза не допустимо, в связи с тем, что он является одной из форм психического воздействия на участников уголовного судопроизводства. Однако последние допускают применение, при определенных условиях (например, при добровольном согласии психически здоровых испытуемых, при участии специалиста высшей квалификации, обладающего знаниями не только в области медицины, гипнологии, но и в области юриспруденции, фиксировании результатов посредством видеозаписи и т.д. [8]), гипноза при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Мы придерживаемся мнения сторонников первого подхода, так как без использования в ряде случаев подобного метода решить некоторые вопросы при расследовании преступлений невозможно.

Так, при установлении факта выполнения рукописной записи (подписи) под воздействием гипноза – для чего необходима разработ-

ка соответствующей экспертной методики, необходимо получить сравнительные образцы почерка [9].

Экспериментальные образцы почерка должны быть выполнены в условиях, максимально приближенных к условиям выполнения исследуемого почеркового объекта. Это возможно только при выполнении данных образцов в состоянии гипноза. В связи с этим имеется необходимость разработки порядка и тактики проведения соответствующего следственного действия. Кстати, следует подчеркнуть, что сторонники правомерного использования гипноза в рамках уголовно-процессуальной деятельности предлагают практически те же самые тактические приемы, что и сторонники использования гипноза исключительно в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Какое бы мнение не было принято за основу решения вопроса использования гипноза при раскрытии и расследовании преступлений считаем необходимым отметить, что в обязательном порядке необходимо проверять и отрабатывать следственную версию о выполнении рукописной записи (подписи) под воздействием указанного фактора [10].

Полагаем допустимым проведение таких следственных действий, как «Получение образцов для сравнительного исследования», «Следственный эксперимент» с привлечением специалиста – гипнолога. При этом необходимо руководствоваться общими принципами проведения следственного действия, но в первую очередь принципом безопасности участвующих в нем лиц. В связи с этим, необходим непосредственный контроль за действиями специалиста, оперативное осуществление процедуры вывода лица из зависимого состояния.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что исключать вероятность выполнения рукописной записи, подписи в различных документах под воздействием гипноза нельзя. Поэтому необходимо предпринимать соответствующие меры реагирования при наличии обоснованных предположений о применении при совершении преступлений гипноза.

Обозначенная проблема требует дальнейшей детальной научной и практической проработки.

---

1. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки / В.Е. Круковский, И.Н. Мосечкин // Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 92.

2. Табаксюрова А.В., Расходчикова М.С., Рыжова О.А. Некоторые аспекты уголовной ответственности лиц, использующих гипноз как способ совершения преступления / А.В. Табаксюрова, М.С. Рас-

ходчикова, О.А. Рыжова // Надежность и качество. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-ugolovnoy-otvetstvennost-lits-ispolzuyuschih-gipnoz-kak-sposob-soversheniya-prestupleniya (дата обращения: 10.11.2017).

3. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. М.: Юнити-Дана, Закон и Право, 2002. С. 273.

4. Зуев-Инсаров Д.М. Почерк и личность [Электронный ресурс]. URL: http://svitk.ru/004_book_book/14b/3211_zuev-insarov-poherk_i_lihnost.php (дата обращения: 02.11.2017).

5. Гредингер Ф.О. Судебно-фотографическое исследование документов / Ф.О. Гредингер // Журнал Министерства юстиции, 1903. № 6. С. 13.

6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. М.: Инфра-М; НОРМА, 2001. С. 137.

7. Гипнотизер должен быть в каждом следственном подразделении. [Электронный ресурс]. URL: http://viperson.ru/articles/gipnotizer-dolzhen-byt-v-kazhdom-sledstvennom-podrazdelenii (дата обращения: 29.10.2017).

8. Черепанов Г.Г., Шмидт А.А. Гипноз как нетрадиционный способ проведения оперативно-розыскного мероприятия «Опрос» / Г.Г. Черепанов, А.А. Шмидт // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 3. С. 86.

9. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 294-298.

10. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 80-84.

Ключевые слова: гипноз, почерк, необычные условия выполнения рукописи, сравнительные образцы почерка, нетрадиционные методы расследования преступлений.

УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Шалыгина Александра Вячеславовна
курсант,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д.2

Панферов Роман Геннадьевич,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры физической подготовки и спорта,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова,
302027, г. Орел, ул. Игнатова, д.2

В статье автор рассматривает особенности доследственной проверки материалов, распространяемых в сети Интернет и содержащих признаки экстремистской деятельности, как условия для возбуждения уголовного дела и его дальнейшего успешного расследования.

Информационные технологии играют существенную роль в жизни современного общества. В настоящее время сложно представить процессы информационного обмена без телекоммуникационных систем, основной из которых является информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Она является важной составляющей функционирования государственных органов, организаций и обычных пользователей и поэтому состоит из многочисленных правительственных, корпоративных, научных и домашних компьютерных сетей. Являясь глобальной сетью, Интернет предоставляет ежедневно емкие информационные массивы, обновляющиеся каждый день, пользователям, не ограничиваясь их географическим положением. Ресурсы сети Интернет являются эффективным способом распространения социально полезной информации. Но также данная сеть может быть использована и в преступных целях.

Достижения компьютерных технологий с каждым днем активнее используют экстремистские организации, внедряя в свою деятельность эффективные способы воздействия на массовое общественное сознание при помощи глобальной компьютерной сети. Причиной этому служат ее следующие характеристики:

1. Отсутствие собственника, так как Интернет является совокупностью сетей, которые имеют различную географическую принадлежность;

2. Интернет является средством хранения и распространения информации;

3. Любая информация, размещенная в сети Интернет, доступна неограниченному кругу лиц;

4. Пользователи сети в большинстве случаев могут оставаться анонимными как при размещении информации, так и при получении к ней доступа;

5. Трансграничность Интернета позволяет в случае ограничения размещения информации и доступа к ней в одном месте, размещать ее в другом;

6. Большой объем массивов информации, размещенных в сети Интернет, делает невозможным его контроль вручную, а также затрудняет контроль с помощью технических средств [1].

Из этого следуют особенности при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием Интернета, которая выражаются, прежде всего, при принятии процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Это обусловлено тем, что возбуждение уголовного дела является первоначальной стадией уголовного процесса, для начала которой необходима информация, указывающая на содержание в деянии признаков конкретного преступления [2].

При наличии поводов для возбуждения уголовного дела и в зависимости от содержания исходной информации следователь в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, проводит предварительную проверку наличия фактов, свидетельствующих о наличии в деянии признаков преступления, что дает основание для возбуждения уголовного дела. Относительно преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием Интернета, существуют свои особенности [3].

Во-первых, в случаях обнаружения экстремистских материалов в сети Интернет необходимо оперативно на это реагировать, чтобы не утерять необходимые материалы. Также, представляется целесообразность того, что субъект проверки сообщения обладал специальными познаниями в области компьютерных технологий и защиты информации. В рамках этого необходимо осуществлять взаимодействие и сотрудничество с экспертными службами, профильными специалистами в сфере компьютерной техники и телекоммуникационных технологий

для получения по возможности максимально полной значимой информации .

Во-вторых, для установления объекта преступления, необходимо выяснить является ли размещенная в сети Интернет информация экстремистского содержания. Данная информация может содержаться в различных текстовых файлах, графических изображениях, фотографиях, видеозаписях, аудиозаписях. В соответствии с УПК РФ при проведении доследственной проверки можно осуществлять изъятие предметов и документов, а также назначать и проводить необходимые судебные экспертизы [4]. Поэтому для определения наличия объекта преступления чаще всего необходимо проведение судебных социально-психологических и лингвистических экспертиз на предмет содержания в размещенных материалах признаков возбуждения ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Анализ следственной практики показывает, что часто к проведению лингвистических экспертиз привлекаются авторитетные ученые-филологи, которые не состоят на государственной службе в судебно-экспертных учреждениях. Каждый ученый пользуется своей методикой и своими критериями при исследовании предоставленных ему материалов, поэтому субъективный фактор играет здесь большую роль. Это приводит к тому, что, исследуя одни и те же материалы, эксперты могут прийти к противоположным мнениям. Данное обстоятельство может в свою очередь привести к тому, что данные экспертизы могут быть опровергнуты в ходе исследования материалов при помощи других методик. Так суд первой инстанции осудил К. за совершение публично, с использованием сети «Интернет» действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также унижение достоинства группы лиц по признаку национальности, к лишению свободы на один год. Принимая такое решение, суд учел заключение психолого-лингвистической экспертизы о том, что изображение и текст, размещенные К. на своей странице в социальной сети, направлены на формирование враждебно-презрительного отношения к представителям этнической группы. Однако, суд апелляционной инстанции приговор изменил, исключив указание на совершение действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды в отношении группы лиц по признаку национальности [5].

В-третьих, особенностью расследования данного типа преступлений является определение умысла лица, разместившего материалы соответствующего содержания в сети Интернет. По этому поводу в

Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» дано разъяснение [6]. Оно заключается в том, что необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней. Также необходимо установление цели: возбудить ненависть либо вражду, а равно унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе [7].

Таким образом, доследственная проверка материалов по преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием сети Интернет имеет свои особенности, обусловленные методом совершения преступления. Учет этих особенностей служит базой для успешного расследования уголовного дела.

1. Васюков В.Ф., Семенов Е.А. Правовая основа применения технических средств при производстве следственных процессуальных действий // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 135-139.

2. Чаплыгина В. Н. Реализация уголовно-процессуальных норм при производстве «доследственной» проверки // Наука и практика. 2014. № 4. (61). С. 197.

3. Калюжный А.Н., Чаплыгина В.Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lex Russica. 2015. № 7. С. 37-42.

4. Булыжкин А.В., Васюков В.Ф. Некоторые аспекты расследования хищений, совершаемых с использованием систем сотовой связи // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 22-28.

5. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 80-84.

6. Панферов Р.Г Особенности первоначального этапа расследования контрабанды наркотических средств, перемещаемых в международных почтовых отправлениях: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12 / Роман Геннадьевич Панферов. М., 2015. -222 с.

7. Флоря Д.Ф. Проблемы проведения отдельных следственных действий органами дознания // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 2 (67). С. 102-104.

Ключевые слова: расследование, экстремистская деятельность, сеть Интернет, экстремизм, трансграничность.
УДК 343.98

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Шеметов Алексей Константинович,
доцент кафедры криминалистики Второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург),
Институт повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
620142, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

В статье приводятся основные направления установления свойств личности субъекта преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных сетей. Приведены технические возможности поиска данных о конкретном пользователе. Указывается содержание сведений, которые могут быть установлены в зависимости от конкретной следственной ситуации.

Ни для кого не является секретом, что информационно-телекоммуникационная сеть с каждым годом набирает все большую популярность, расширяя при этом круг пользователей. Возраст лиц, свободно имеющих доступ к Интернет-контенту, снижается год от года. Это, в свою очередь, влечет увеличение числа противоправных действий с использованием всемирного пространства сети, жертвами которых становятся дети.

В отношении несовершеннолетних, в том или ином качестве используя Интернет, совершаются различные посягательства. Широко число актов, направленных на половую свободу детей, их жизнь и здоровье.

Развитие высоких технологий, открытость страны мировому сообществу привели к незащищенности детей от противоправного кон-

тента в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», усугубили проблемы, связанные с торговлей детьми, детской порнографией и проституцией, повлекли к образованию сообществ, «групп смерти», преследующих страшные цели.

Отсутствие прямого контакта с субъектом преступления, ограниченные сведения о свойствах его личности, зачастую приводит к серьезной проблеме поиска лица, совершившего противоправный акт.

В ряде случаев в распоряжении следствия оказываются фрагментов видеозаписей, фотоизображения и текстовая информация, содержащие признаки преступлений подобного рода. Данные могут быть размещенны в определенном контенте сети открытого или закрытого доступа.

В случаях наличия подобного рода сведений, могут быть проанализированы признаки внешности искомого субъекта, особенности его жестикуляции, манеры поведения, повадки, особенности общения. Не исключается из предмета исследования и обстановка, сопровождающая видеокадр или фотоизображение.

Не стоит забывать о том, что любая манипуляция пользователя сети: скачивание того или иного контента, посещение определенного узла, оставление комментария, находит свое отражение не только в памяти ЭВМ пользователя, но и на сервере поставщика интернет услуг.

Основной способ идентификации в сети – это определение его IP-адреса, который в свою очередь позволяет установить не только географическое расположение потребителя услуг, но и персонализировать его [1]. IP-адрес распределяется следующим образом: конкретный интервал адресов подобного рода предоставляется поставщику услуг, после этого он распределяется по маршрутизаторам, вышкам базовых станций, wi-fi-роутерам и другим средствам коммутации провайдера, в конечном счете попадая в единичном варианте к конкретному пользователю. Правда, стоит заметить, что в ряде случаев пользователь, посещая тот или иной ресурс через внутреннюю сеть юридического лица, определяется IP-адресом этой компьютерной сети (внешний IP-адрес). В данной ситуации выход видится в сопоставлении различных IP-адресов, с которых осуществлялся вход или авторизация одного и того же пользователя. Допустим, один и тот же человек посещает свой аккаунт в сети, пользуясь при этом компьютером, подключенным к внутренней сети предприятия. В этом случае он приобретает внешний адрес, который совпадает с IP-адресом других пользователей этой сети. Указанный субъект может в домашних условиях пользоваться услугами связи через персональный компьютер,

подключенный напрямую, или через локальную сеть поставщика услуг доступа. Не стоит забывать при этом, что любой компьютер, подключившись к локальной сети, приобретает свой внутренний IP-адрес. Существует и ряд проблем, связанных с использованием динамического IP-адреса. При этом компьютер наделяется адресом, свободным во время подключения к сети. Использование подобного идентификатора в сети в целом не лишает возможности его персонифицировать. Пользователь может обращаться к нескольким ресурсам, что позволяет анализировать его интересы в сети, а в ряде случаев получить данные о его авторизации в качестве конкретного лица, на том или ином ресурсе.

Судебно-следственная практика подтверждает, что далеко не во всех случаях злоумышленники оказываются специалистами в области компьютерных технологий, достаточно редко прибегают к утаиванию собственных IP-адресов. Все без исключения провайдеры имеют возможность и технические средства для отслеживания посещений конкретными пользователями (их IP-адресами) web-ресурсов сети.

Географическое определение пользователя осуществляется через сети, имеющие доступ к Интернет с одной стороны и предоставляющие доступ пользователям с другой. Все IP-адреса конкретных лиц связаны с MAC-адресами оборудования, которое оно использует для подключения (ноутбук, стационарный компьютер, планшет, смартфон и др.). Последние в свою очередь приобретают его от телеком-оборудования, которое соответственно имеет четкую привязку к конкретному месту на карте (вышка базовой станции поставщика услуг, коммуникатор, wi-fi – роутер и т.д.). В том случае, когда пользователь подключен к сети кабелем, цепочка должна привести к конкретному помещению или рабочему месту.

Следы посещения того или иного ресурса, манипуляций с контентом в сети остаются не только в памяти сервера телекомпоставщика, но и на ЭВМ или ином оборудовании, использованном конкретным лицом [2], как злоумышленника, так и его несовершеннолетней жертвы. Помимо конкретных материалов, содержащих признаки совершенных преступлений, в памяти компьютера сохраняются также данные о доступе лица к конкретным ресурсам сети. Речь в данном случае может идти о cookies – файлах. В них сохраняется информация о сеансах работы пользователя с конкретными ресурсами (операционная система, браузер, разрешение экрана, определенные региональные настройки в том числе часовой пояс пользователя сети и т.д.) [3]. Кроме того они могут содержать данные о логинах и паролях, использованных для входа на определенные серверы и web-узлы.

При этом пользователь, загружающий определенный контент, исследуемый на стадии проверки сообщения о преступлении, может одновременно посещать web-узлы, регистрируясь и внося о себе подлинные данные о личности.

Нередки варианты использования для коммуникаций пространства социальных сетей, в которых осуществляется поиск несовершеннолетних жертв посягательств. При этом в большинстве случаев используются вымышленные персональные данные, маскируется возраст участников общения, их внешность, пол, и цель подобного контакта [4]. Субъекты указанного вида посягательств зачастую выражают пристрастие к увлечениям, схожим с интересами несовершеннолетнего.

Примером указанной ситуации может стать организация и деятельность на территории Российской Федерации так называемых «групп смерти». Аудитория предполагаемых жертв их действий насчитывает десятки, а в реальной жизни, наверное и сотни несовершеннолетних. При этом, с каждым из них, велось индивидуальное, персональное общение, воздействие. Этот фактор должен быть учтен. Так, выход на связь с определенным абонентом может быть сопоставлен с периодом коммуникаций с другими пользователями, условиями, в которых эта связь осуществлялась.

Иногда следствию удается установить место доступа к сети субъекта преступления, однако отсутствуют сведения о причастности конкретного лица. В этих ситуациях возможен поиск традиционных следов на месте происшествия. Подобные отображения могут быть обнаружены на отдельных частях ЭВМ, использованного в указанных целях, а также на гибких носителях информации, содержащих преступную информацию.

Поиск и исследование следов названных преступлений не возможно без помощи специалистов. В связи с этим взаимодействие со сведущими лицами должно быть организовано на самых ранних стадиях досудебного производства.

---

1. Савченко Я.И., Гаценко О.Ю. Аналитический обзор методов обеспечения анонимности в интернете//Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. 2015. № 3. С. 58.

2. Булыжкин А.В., Васюков В.Ф. Некоторые аспекты расследования хищений, совершаемых с использованием систем сотовой связи // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 22-28.3.

3. Чаплыгина В.Н., Ситдикова Г.З. Тенденции совершенствования института следственных действий // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 294-298.

4. Проблемные аспекты привлечения специалиста к процедуре изъятия электронных носителей информации при расследовании распространения «дизайнерских» наркотиков // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2015. № 1. С. 80-84.

Ключевые слова: Интернет-преступления, раскрытие преступлений, личность субъекта посягательства, IP-адрес, средства коммутации.

УДК 343.98

Сборник статей

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 2660 от 02.08.2017.

Подписано в печать 20.09.2018 г. Формат 60x90 1/16.
Усл. печ. л. 20,06. Тираж 24 экз. Заказ № 98.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.